

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1899.

№ 6.

МАРТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Бесѣда, произнесенная въ недѣлю Крестопоклонную. О благоразумномъ разбойникѣ. Преосвященнаго <i>Амеросія</i> , Архіепископа Харьковскаго . . .	365—374
Борьба съ французскимъ вольномысліемъ XVIII вѣка (окончаніе). Профессора богословія, <i>Прот. Т. Буткевича</i>	375—399
Историческій очеркъ возрѣній на нравственно-юридическую вѣнлемость еретиамъ ихъ лжеученій въ христіанскихъ церквахъ. <i>И. Наумова</i>	400—411
Свидѣтельства апостольскихъ посланій о существованіи символа вѣры въ вѣнъ апостольскій. <i>Н. Лысогорскаго</i>	412—426
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Ученіе Канта о пространствѣ и времени, какъ о субъективныхъ только формахъ нашего чувственнаго познанія. <i>Н. С.</i>	119—146
Избранные трактаты Плотина (продолженіе). Профессора <i>Г. В. Малеванскаго</i>	147—164
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году (окончаніе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1899.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входятъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изложеніе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлечения изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю заимѣть для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся ко Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗОРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Вошіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Царство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французск. К. Истомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Марта 1899 года.

Цензоръ Протоіерей *Павелъ Солнцевъ.*

БЕСѢДА

Преосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго,

въ недѣлю Крестопоклонную.

О благоразумномъ разбойникѣ.

Единъ отъ обшчною злодѣю хуляше Его, глаголя: аще Ты еси Христосъ, спаси себе и наю. Отвѣщавъ же другій прещаше ему, глаголя: ни м ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси; и мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева: сей же ни единого зла сотвори. И глаголаше Иисусови: помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи си. И рече ему Иисусъ: аминъ глаголю тебѣ, днесъ со Мною будеши въ раи (Лук. 23, 39—43).

Изъ всѣхъ примѣровъ покаянія, представленныхъ для нашего наставленія въ Священномъ Писаніи, требуетъ нашего особеннаго вниманія покаяніе разбойника, получившаго отъ Церкви имя *благоразумнаго*. Въ этомъ событіи, по свидѣтельству Св. Евангелиста Луки, есть такія черты, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ другихъ подобныхъ повѣствованіяхъ.

Прежде всего мы видимъ здѣсь величайшаго грѣшника,—разбойника, т. е. грабителя и душегубца. И этого грѣшника Господь помиловалъ, чтобы убѣдить насъ, что нѣтъ грѣха, котораго не простилъ бы Богъ истинно кающемуся, и нѣтъ глубины зла, изъ которой не извлекъ бы Искупитель нашъ погибающаго человѣка.

Далѣ здѣсь видимъ нѣчто удивительное въ самомъ выраженіи, какимъ Господь изрекъ прощеніе этому разбойнику. Обыкновенно Іисусъ Христосъ, прощая грѣшниковъ, говорилъ, какъ наприм., бывшему тридцать восемь лѣтъ въ разслабленіи: „вотъ ты теперь выздоровѣлъ, не грѣши же, чтобы не случилось съ тобой чего хуже“ (Іоан. 5, 14),—или какъ женѣ грѣшницѣ: „иди, и впредь не грѣши“ (Іоан. 8, 11). Въ этихъ выраженіяхъ мы видимъ, что Іисусъ Христосъ, прощая грѣшниковъ, указывалъ имъ на ихъ обязанность впредь хранить себя отъ грѣховъ, т. е. поставлялъ ихъ на путь спасенія, котораго они должны были достигать добродѣтельною жизнію, какъ сказано одному изъ десяти исцѣленныхъ отъ проказы: „вѣра твоя спасла тебя“ (Лук. 17, 19). Но благоразумному разбойнику, пригвожденному ко кресту, уже близкому къ смерти и, слѣдовательно, неизмѣвшему времени для доброй жизни,—прямо говоритъ: „истинно говорю тебѣ, нынѣ же со Мною будешь въ раю“. Между тѣмъ, мы знаемъ изъ ученія Христа Спасителя, что жизнь въ раю требуетъ праведности, или свободно пріобрѣтенной человѣкомъ въ земной жизни готовности и способности къ чисто духовной и святой дѣятельности въ раю, такъ какъ никто нечистый не можетъ войти туда. Это указалъ намъ Господь въ притчѣ о званыхъ на царскую вечерю. Увидѣвъ человѣка, одѣтаго не въ брачную одежду, царь говоритъ ему: „другъ! какъ ты вошелъ сюда безъ брачной одежды“ (Матѣ. 22, 11—13)? Посему должно думать, что благоразумный разбойникъ раньше имѣлъ задатки, или зачатки добродѣтелей, которыя могъ завершить на крестѣ высокимъ подвигомъ покаянія, окончательно пересоздавшимъ его и сдѣлавшимъ способнымъ къ райской жизни. Какіе же это задатки могли быть въ душегубцѣ?

Всё это вмѣстѣ располагаетъ насъ къ размышленію объ этомъ великомъ подвижникѣ покаянія.

Кто былъ этотъ разбойникъ? Евангеліе ничего не сообщаетъ о немъ, кромѣ немногихъ словъ прочитанныхъ нами. Онъ не названъ по имени, не видно какого онъ происхожденія, какъ онъ сдѣлался разбойникомъ, за что именно былъ взятъ и осужденъ. Но для той цѣли, которую имѣло Слово Божіе, т. е. для нашего назиданія, въ словахъ Евангелія есть всё, что намъ нужно. Изъ словъ, сказанныхъ имъ на крестѣ, мы можемъ составить полный и ясный духовный его образъ. Онъ былъ еврей; это видно изъ того, что онъ имѣлъ понятіе объ обѣтованномъ Израилю Мессіи и Его царствѣ: въ отвѣтъ на слова другаго распятаго разбойника: *аще Ты еси Христось*,—онъ не отвергаетъ мысли, что это Христось, а Самому Христу говоритъ о царствіи Его. Какъ онъ попалъ въ шайку разбойниковъ, объ этомъ не трудно догадаться по извѣстнымъ въ исторіи всѣхъ вѣковъ рассказамъ о разбойникахъ. Можетъ быть, сиротство и бѣдность, недостатокъ воспитанія и надзора въ ранней молодости, дурные примѣры товарищей и потомъ грѣхи молодости,—страсть къ плотскимъ наслажденіямъ, при легкости добывать для нихъ средства вмѣсто труда грабежомъ и убійствомъ,—все это, въ той или другой совокупности обстоятельствъ, могло увлечь его въ разбой, какъ увлекаетъ многихъ и нынѣ на нашихъ глазахъ. Если нынѣ въ странахъ образованныхъ, при устройствѣ правительствъ и судовъ, не прекращается разбойничество, то для него былъ полный просторъ въ древности, при недостаткѣ общественнаго благоустройства. Гористая Палестина, перерѣзанная долинами и глубокими ущельями, особенно была удобна для выжиданія путешественниковъ, внезапнаго нападенія на нихъ и укры-

вательства грабителей въ горахъ. Иисусъ Христосъ въ притчѣ о *человѣкѣ впадшемъ въ разбойники* указаль, конечно, особенно извѣстную разбоями дорогу по гористой и пустынной мѣстности отъ Иерусалима до Иерихона. Долго ли занимался разбойникъ своимъ печальнымъ ремесломъ, въ какомъ возрастѣ онъ былъ пойманъ и осужденъ на казнь,—неизвѣстно; но очевидно, что онъ скрывался отъ преслѣдованія властей и взятъ силою.

Но былъ ли онъ закоснѣлымъ злодѣемъ,—безъ совѣсти, стыда и состраданія, какихъ бываетъ много, какому оказался другой разбойникъ, распятый вмѣстѣ съ нимъ и со Христомъ?—Нѣтъ. Извѣстно, что и въ разбойникахъ бываютъ добрыя свойства, какъ то: храбрость, вѣрность данному слову, жалость къ беззащитнымъ и беспомощнымъ, а иногда даже благотворительность къ бѣднымъ, хотя изъ награбленнаго имущества; такъ какъ человекъ и въ самомъ глубокомъ развращеніи, пока живъ, сохраняетъ болѣе или менѣе естественныя человѣческія свойства и не становится діаволомъ. Но благоразумный разбойникъ и въ мрачное время своей преступной дѣятельности сохранилъ въ душѣ своей высшія свойства, чѣмъ тѣ, которыя указаны нами въ обыкновенныхъ разбойникахъ. Онъ имѣлъ въ душѣ неизвѣстное закоснѣлому злодѣю чувство *страха Божія*. Когда неразумный разбойникъ злословилъ Иисуса Христа, онъ „унижалъ его“, по словамъ евангелиста, говоря: „или ты не боишься Бога, когда осужденъ на то же“? т. е. всѣ мы вмѣстѣ висящіе на крестахъ страдаемъ,—и въ тебѣ нѣтъ жалости къ Участнику тѣхъ же страданій и тебѣ не стыдно и не грѣшно укорять Его! Но говоря это, онъ обнаружилъ и другое прекрасное чувство справедливости, сознаніе своихъ преступленій и благоговѣніе къ Страдальцу невинному, прибавивъ:

„и мы осуждены справедливо, — достойное по дѣламъ нашимъ приняи; а Онъ ничего худаго не сдѣлалъ“.

Могли ли эти чувства мгновенно, во время распятія, возникнуть въ душѣ благоразумнаго разбойника, или они раньше, еще во время самой преступной его жизни, были въ его сердцѣ? Конечно, вѣрнѣе послѣднее. Другой разбойникъ не обнаружилъ въ себѣ ничего подобнаго; напротивъ, онъ повторилъ хулы и насмѣшки озлобленныхъ іудеевъ, которые говорили: „другихъ спасалъ, пусть спасетъ Себя Самаго, если Онъ Христосъ, избранный Божій“ (Лук. 23, 35). Какъ же могли совмѣститься въ душѣ одного и того же человѣка такія противоположныя чувства, какъ страхъ Божій и справедливость вмѣстѣ съ жестокостью и страстными волненіями свойственными убійцѣ и грабителю?—Во первыхъ, мы не знаемъ, продолжалъ ли этотъ разбойникъ свои преступныя дѣйствія до самаго взятія его подъ стражу, или взять за прежнія, уже оставленныя имъ преступления, въ которыхъ онъ раскаявался; но несомнѣнно, что душа его страдала въ самомъ продолженіи его преступной жизни. И это бываетъ со многими грѣшниками, особенно порабощенными сильнымъ страстямъ, отъ которыхъ и при желаніи отрѣшиться не находятъ въ себѣ достаточно для этого силы, — такъ сказать: плачутъ, да грѣшатъ. Бываетъ и такъ, что, запутавшись въ связяхъ съ развращенными людьми, преступники, склонные къ раскаянію, не могутъ освободиться отъ нихъ. Относительно благоразумнаго разбойника вѣроятно послѣднее. Онъ зналъ, какая казнь ему угрожаетъ, онъ ожидалъ ея, и когда она его постигла, онъ принялъ ее съ твердостью и честнымъ сознаниемъ своихъ преступленій, какъ наказаніе правды Божіей: „мы достойное по дѣламъ нашимъ приняи“. И такъ, задолго до казни въ глубинѣ души его

скрывалось сердечное отвращеніе отъ грѣха, скорбь о виновности предъ Богомъ и готовность на казнь для искупленія грѣховъ и удовлетворенія правосудію Божію. Эти глубокія добрая чувствованія и проявились со всею силою во время крестныхъ его страданій.

Благоразумный разбойникъ, очевидно, раньше зналъ Иисуса Христа; иначе онъ не могъ бы съ такою увѣренностію говорить о Немъ не за настоящее, а за прошедшее время: „Онъ ничего худаго не сдѣлалъ“, — не могъ бы и съ такимъ участіемъ отнестись къ неизвѣстному ему человѣку. Иисусъ Христосъ въ теченіи трехъ съ половиною лѣтъ ходилъ съ проповѣдію о царствіи Божіемъ по всей Іудеѣ, Галилеѣ и Самаріи и даже за предѣлами Палестины, въ странахъ Тирскихъ и Сидонскихъ, вездѣ поучая народъ, исцѣляя недуги и творя безчисленныя чудеса; Его видѣли и слышали о Немъ не только въ городахъ, но и въ самыхъ глухихъ мѣстечкахъ. Разбойники, обыкновенно знающіе все, что дѣлается въ ихъ странѣ, и знали о Немъ, и могли видѣть и слышать Его, скрываясь въ несмѣтвыхъ толпахъ народа всегда Его сопровождавшихъ. Можно это думать и о благоразумномъ разбойникѣ. Иначе, откуда онъ могъ знать, что Иисусъ Христосъ дѣлалъ только добро, и соединять съ Его именемъ понятіе о Мессіи и Его царствѣ. Простой народъ, принимавшій откровеннымъ сердцемъ Его спасительное ученіе и судившій объ Его дѣлахъ непредубѣжденнымъ умомъ, а не какъ книжники и фарисеи, постоянно спрашивалъ: не Онъ ли ожидаемый Мессія—Христосъ? (Мѡ. 12, 23). И не только іудеи, но даже самаряне прямо признавали Его за Мессію (Іоан. 4, 29—42). А нѣкоторые, получившіе отъ Него благодѣянія, какъ Марѳа, сестра Лазаря, съ совершенною вѣрою и яснымъ разумѣніемъ исповѣдывали Его Мессіей:

„Господи! я вѣрую, что Ты Христось, Сынъ Божій, грядущій въ міръ“ (Іоан. 11, 27). Эти мысли и благо-разумный разбойникъ, не имѣвшій сношенія съ начальниками іудейскими и не зараженный ихъ предразсудками, могъ раздѣлять съ народомъ, а тѣмъ болѣе искать утѣшенія страждущей душѣ въ спасительномъ ученіи и благотвореніяхъ Іисуса Христа. Но какъ объяснить его истинное и высокое разумѣвіе царства Мессіи? Тою же непосредственною народною вѣрою, которая не спрашивала, какъ фарисеи, по какому праву Ты дѣлаешь то или другое, и „кто Тебѣ далъ власть сію?“ (Мат. 21, 23), а убѣждаемый Его ученіемъ и дѣлами шелъ за Нимъ съ покорностію и увѣренностію, что Онъ откроетъ Свое царство, когда Ему это будетъ угодно. Эта вѣра и созрѣла въ душѣ благоразумнаго разбойника на крестѣ и завершилась его молитвою, единственною въ исторіи церкви: *помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ, и безпримѣрною наградою: днесъ со Мною будещи въ рая.*

Въ этомъ мы убѣдимся при размышленіи о поведеніи разбойника во время распятія, которое можемъ назвать крестнымъ подвигомъ. Извѣстно, что распятіе на крестѣ было одною изъ самыхъ страшныхъ и мучительныхъ казней. При подобныхъ сраданіяхъ люди обнаруживаютъ различно свое внутреннее мучительное состояніе: одни—въ стenanіяхъ и вопляхъ доходятъ до лишенія сознанія, другіе, какъ болѣе сильные характерами,—въ ожесточеніи и озлобленіи изрыгаютъ хулы и проклятія, какъ видимъ въ словахъ неразумнаго разбойника, иные, наконецъ,—души мужественныя и вѣрующія, въ сознаніи своей вины, просятъ прощенія въ преступленіяхъ у зрителей казни, выражаютъ страхъ посмертной участи и находятъ облегченіе въ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Богу. Последнее

расположеніе духа въ высшей степени обнаружилось въ поведеніи благоразумнаго разбойника на крестѣ. Можно думать, что подведенный къ кресту для пригвожденія на немъ и смертной казни, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что вмѣстѣ съ нимъ и товарищемъ его по разбойничеству приведенъ для той же казни и невинный Іисусъ. Его вниманіе было возбуждено, его взоръ былъ обращенъ съ жалостію и состраданіемъ къ кроткому, свѣтлому лицу Іисуса, грядущаго принести Свою спасительную жертву для искупленія міра. Пригвоздили распинаемыхъ ко крестамъ; кресты подняли, и съ высоты ихъ открылось несмѣтное множество народа, волнующагося, шумящаго, съ ненавистію и злобою обращенною особенно къ распинаемому царю Іудейскому. Изъ этой толпы понеслись громкіе насмѣшливые возгласы: „а! разрушающій храмъ и въ три дня созидающій! Спаси Себя Самого, и сойди со креста“ (Марк. 15, 29—30). „Другихъ спасаль, а Себя Самого не можетъ спасти. Если Онъ Царь Израилевъ, пусть теперь сойдетъ съ креста, и увѣруемъ въ Него; уповаль на Бога, пусть теперь избавитъ Его, если Онъ угоденъ Ему. Ибо Онъ сказалъ: Я Божій Сынъ“ (Матѣ. 27, 42—43). И это вопилъ тотъ народъ, которому Онъ оказалъ столько благодѣяній, который недавно возглашалъ Ему: *осанна Сыну Давидову* (Мат. 21, 9)! Жалость къ невинному Страдальцу превозмогала въ душѣ благоразумнаго разбойника его собственныя страданія. Притомъ ему слышны были и слова Іисуса, произносимыя въ смертельной скорби: „Боже Мой! Боже Мой! почто Ты Меня оставилъ?“ (Марк. 15, 34),— и слова прощенія врагамъ и распинателямъ: „Отче, прости имъ; ибо они не знаютъ, что дѣлаютъ“ (Лук. 23, 34). На все это благоразумный разбойникъ отвѣчалъ безмолвнымъ состраданіемъ; но когда и закоренѣлый злодѣй

началъ злословить и говорить Иисусу: „если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ“,—онъ въ негодованіи возгласилъ: „или ты не боишься Бога, когда и самъ осужденъ на то же? И мы осуждены справедливо, потому что достойное по дѣламъ нашимъ принимаемъ; а Онъ ничего худого не сдѣлалъ“. И если римскій сотникъ и стражи, видѣвъ все происходившее, говорили: „воистину Онъ былъ Сынъ Божій“ (Мат. 27, 54); то вѣрующій іудей, членъ ветхозавѣтной церкви, съ терпѣніемъ переносившій заслуженное наказаніе, кающійся въ грѣхахъ своихъ и видѣвшій въ Лицѣ Иисуса Христа надежду своего спасенія и, безъ сомнѣнія, незримо подкрѣпляемый Его благодатію,—могъ ли не убѣдиться, что Иисусъ есть Сынъ Божій и истинный Царь Израилевъ? Выше всѣхъ учителей іудейскихъ и даже самихъ апостоловъ, до посвященія ихъ Святымъ Духомъ, благоразумный разбойникъ уразумѣлъ истинное царство Христово. Апостолы говорятъ Господу по Его воскресеніи: „не въ сіе ли время, Господи, возстановляешь Ты царство Израилю?“ (Дѣян. 1, 6); но благоразумный разбойникъ видѣлъ, что Иисусъ умираетъ, что Онъ не возвратится уже къ жизни для царствованія на землѣ, и между тѣмъ вѣрить въ Его царство. Какое же разумѣетъ онъ царство, къ которому обращается мыслію и словомъ?—Небесное, вѣчное, свойственное Сыну Божію. И вѣруя въ это царство, въ сознаніи грѣховъ своихъ, онъ не смѣетъ просить въ немъ себѣ личнаго участія, а въ глубочайшемъ смиреніи только проситъ Господа, чтобы Онъ вспомнилъ тамъ о немъ: „помяни меня, Господи, когда прійдешь въ царствіе Твое“. И получилъ въ отвѣтъ: „нынѣ же будешь со Мною въ раю“.

Святая Церковь въ своихъ пѣснопѣвіяхъ и молитвословіяхъ напоминаетъ намъ эту молитву благоразумнаго разбойника для возбужденія въ грѣшникахъ надежды

на безконечное милосердіе Божіе и для спасенія преступниковъ отъ отчаянія. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на подвигъ покаянія этого перваго праведника, вошедшаго со Христомъ въ Его небесное царство. При мысли о покаяніи его, мы преимущественно обращаемся къ послѣднимъ днямъ нашей жизни, къ предсмертнымъ страданіямъ и опасности вѣчнаго осужденія за грѣхи наши. Но наше спасеніе несомнѣнно, если принесемъ покаяніе, по примѣру благоразумнаго разбойника. Чему же можемъ мы научиться изъ его примѣра? Не надѣяться на произнесеніе только нѣсколькихъ холодныхъ и торопливыхъ словъ о грѣхахъ нашихъ предъ духовникомъ, какъ часто нынѣ дѣлается умирающими, а на сердечный вопль ко Христу о спасеніи отъ опасности вѣчной гибели; не возвращаться помыслами къ оставляемымъ на землѣ предметамъ нашихъ плотскихъ привязанностей, а устремлять умъ и сердце къ жизни вѣчной; не произносить и жалобъ отъ обдержавшихъ васъ предсмертныхъ болѣзней, а съ мужествомъ и бодростію терпѣть заслуженныя нами страданія, сознавая, что *по дѣламъ нашимъ воспріемлемъ*; не проливать слезъ при вѣчной разлукѣ съ близкими нашему сердцу, а оставляя ихъ всеблагому Промыслу Божію, устремляться всѣми силами духа нашего къ Единому безсмертному Сроднику нашему по естеству человѣческому и неизмѣнному Другу (Іоан. 15, 15), по любви Его къ намъ—Господу Іисусу Христу: *помяни мя, Господи, во царствѣи Твоемъ*.

Итакъ, мы должны «совершенно уповать» (I Петр. 1, 13) на прощеніе всѣхъ грѣховъ нашихъ при послѣднемъ покаяніи, но и во всю жизнь нашу постоянно приготовляться къ этому покаянію. Аминь.

Борьба съ французскимъ вольномысліемъ XVIII вѣка.

(Окончаніе *).

Франсуа въ своемъ сочиненіи—„Preuves et defenses de la religion de Iesus Christ contre les Spinozistes, les Déistes etc. Paris, 1754“;—состоящемъ изъ восьми томовъ, представилъ въ систематическомъ изложеніи почти все, что было сдѣлано до него апологетами христіанства, и подвергъ основательному и всестороннему критическому разбору почти всю антихристіанскую литературу своего вѣка. Кромѣ того, въ другомъ своемъ сочиненіи *Reponses aux difficultés proposées contre la religion chrétienne par J. J. Rousseau, Citoyen de Genève dans la Confession du Vicaire Savoyard. Paris. 1765*“ онъ подвергаетъ критикѣ религіозныя возрѣнія Руссо, какъ они высказаны имъ въ его педагогическомъ романѣ—„*Emil*“. Наконецъ, въ третьемъ сочиненіи—„*Observations sur la philosophie de l'histoire et le dictionnaire philosophique, avec des réponses sur plusieurs difficultés. Paris, 1770*“—онъ полемизируетъ съ Вольтеромъ и разбираетъ критически его философію исторіи и его философскій лексиконъ.

Гейе обнаруживаетъ несостоятельность почти всѣхъ противухристіанскихъ возрѣній своего времени въ сочиненіи—„*Religion vengée ou Refutation des auteurs impies, par une Société de gens de lettres, 1757*“; а въ другомъ своемъ сочиненіи—*Sur la spiritualité et l'immortalité de l'âme, avec le sentiment de l'antiquité tant sacrée, que profane par rapport à l'une et à*

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 5.

l'autre, Paris, 1757" (въ трехъ томахъ)—онъ доказываетъ духовность и безсмертіе человѣческой души.

Гонля велъ упорную борьбу съ современнымъ невѣріемъ въ своихъ апологетическихъ и полемическихъ сочиненіяхъ: 1) Rapport des Chrétiens et des Hébreux; et un discours préliminaire sur la loi, Paris, 1754 (три тома); 2) Lettres critiques, où analyse et refutation de divers écrits modernes contre la religion, Paris, 1758 (19 томовъ) и 3) Accord du Christianisme et de la Raison, Paris, 1768 (четыре тома).

Аббатъ Бержье былъ сотрудникомъ по составленію и изданію пресловутой французской энциклопедіи; онъ написалъ для нея много статей богословскаго содержанія. Кромѣ того, онъ даже находился въ дружеской перепискѣ съ Вольтеромъ и другими вольнодумцами его времени. Тѣмъ не менѣе это нисколько не помѣшало ему быть самымъ эвергичнымъ противникомъ атеистическихъ и матеріалистическихъ воззрѣній и самымъ ревностнымъ и дѣятельнымъ апологетомъ христіанской религіи. Въ своемъ сочиненіи—*Traité historique et dogmatique de la vraie religion, avec la réfutation des erreurs qui lui ont été opposées dans les différents siècles*, Paris, 1780 (въ двѣнадцати томахъ)—Бержье довольно подробно излагаетъ всѣ виды невѣрія, какъ оно проявилось въ исторіи человечества за все время его существованія включительно до невѣрія, которое въ его время было распространяемо англійскими деистами и французскими энциклопедистами,—при чемъ онъ выясняетъ причины невѣрія каждой эпохи, характеризуетъ самыхъ проповѣдниковъ невѣрія, раскрываетъ все безсмысліе и несостоятельность атеистическихъ ученій, указываетъ на вредное вліяніе невѣрія преимущественно для жизни общества и т. п. Въ частности что касается невѣрія 18 вѣка, то Бержье отнесся къ нему съ такимъ вниманіемъ, что, кажется, не оставилъ безъ опроверженія ни одного сочиненія, направленнаго противъ христіанскаго ученія и съ цѣлію распространенія невѣрія, вступая въ борьбу со всѣми выдающимися представителями атеистическаго и матеріалистическаго направленія своего времени. Такъ, съ Руссо онъ ведетъ борьбу въ своемъ сочиненіи—*„Le Deisme réfuté par lui même*, Paris, 1755 (въ двухъ

томахъ); съ Фрере—въ другомъ сочиненіи: «*La certitude des preuves du christianisme*, 1767»; возраженія Булянге, направленные противъ истины и божественнаго происхожденія христіанской религіи, онъ опровергаетъ въ новомъ сочиненіи — «*Apologie de la religion chrétienne*, 1769»; но несостоятельность возрѣвій этого французскаго вольнодумца онъ разоблачалъ еще и во многихъ своихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ самой энциклопедіи. Съ Вольтеромъ Бержье ведетъ борьбу въ своемъ сочиненіи—«*Reponse aux conseils raisonnables, pour servir de supplement à la certitude des preuves du christianisme*». Пресловутую книгу изданную Гольбахомъ, хотя, быть можетъ и не имъ написанную: «*Système de la nature*» онъ опровергаетъ въ своемъ весьма бойко написанномъ сочиненіи—«*Examen du materialisme*, Paris, 1771» (въ двухъ томахъ). Въ своихъ сочиненіяхъ, въ виду нападковъ со стороны противниковъ христіанской религіи, напримѣръ, Фрере, Бержье съ особенною обстоятельностью, пользуясь трудами предшествовавшихъ апологетовъ, доказываетъ подлинность каноническихъ евангелій и историческую достоѣрность евангельскихъ повѣствованій, опровергая всѣ возраженія, направленные противъ нихъ и основывающіяся, напримѣръ, на отношеніи древнехристіанской церкви къ апокрифическимъ евангеліямъ, на неодинаковомъ уваженіи къ каноническимъ евангеліямъ у различныхъ древнехристіанскихъ сектантовъ, на отсутствіи свидѣтельствъ со стороны оставшихся неуѣровавшими іудеевъ и язычниковъ о чудесныхъ событіяхъ евангельской исторіи. Кроме того, Бержье весьма основательно рѣшаетъ вопросъ о возможности и необходимости Божественнаго Откровенія и въ частности о возможности чудесъ и ихъ дѣйствительномъ совершеніи чрезъ Іисуса Христа, апостоловъ и ветхозавѣтныхъ посланниковъ. Въ этомъ пунктѣ онъ вступаетъ въ борьбу съ скептицизмомъ Юма и показываетъ его философскую несостоятельность и противорѣчіе съ яснымъ свидѣтельствомъ исторіи. Не смотря на такую всестороннюю и ревностную апологетическую дѣятельность въ защиту христіанскихъ истинъ, Бержье однако же не избѣжалъ преслѣдованія и довольно серьезныхъ неприяностей со стороны римской курии за свое совершенно невинное

сношеніе съ энциклопедистами и нѣкоторыя неточныя выраженія въ своихъ многочисленныхъ и многотомныхъ сочиненіяхъ.

Дефори разоблачалъ современное невѣріе и въ частности—антихристіанскія воззрѣнія Руссо въ двухъ своихъ полемико-апологетическихъ сочиненіяхъ: 1) „Refutation d'un nouvel ouvrage de J.J. Rousseau, intitulé: Emile ou de l'éducation, Paris, 1762“ и 2) „Preservatif pour les Fideles contre les Sophismes et les impietés des incredules, ou l'on developpe les principales preuves de la religion chrétienne, et l'on détruit les objections formées contre elle. Avec une reponse à la lettre de J.J. Rousseau a M. de Beaumont Archeveque de Paris. Paris. 1764“.

Кажо также принадлежитъ къ противникамъ Руссо, взгляды котораго онъ весьма остроумно разоблачилъ въ своемъ трактатѣ—„Les plagiats de Mr. J.J. Rousseau de Genève sur l'éducation Haag, 1766“.

Верне защищаетъ христіанскія истины въ своемъ апологетическомъ трудѣ—„Reflexions sur les moeurs, la religion et le culte. Genf, 1769“.

Рустанъ, бывшій пасторъ въ Женевѣ, оставилъ послѣ себя два апологетическія изслѣдованія: 1) „Lettres sur l'état présent du Christianisme, et la conduite des incredules, 1768“ и 2) „Reponses aux difficultes d'un Theiste, ou Supplement aux lettres sur l'état présent du Christianisme, 1771“,—въ которыхъ онъ опровергаетъ воззрѣнія Руссо и доказываетъ истинность и божественное происхожденіе христіанской религіи.

Голланъ велъ борьбу съ матеріалистами своего времени и въ особенности съ единомышленниками Гольбаха, пресловутое изданіе котораго, получившее у нѣкоторыхъ даже названіе матеріалистическаго евангелія, онъ и разбираетъ въ своемъ трактатѣ: „Reflexions philosophiques sur le système de la nature. 1773“.

Геренъ-дю-Роше въ опроверженіе ложныхъ взглядовъ написалъ обширное (въ трехъ томахъ) сочиненіе: „Histoire véritable des tems fabuleux. Ouvrage, qui, en dévoilant le vrai, que les Histoires fabuleuses ont travesti, ou altéré, sert à éclaircir les antiquités des peuples, et sur-tout l'histoire sainte. Paris. 1776“.

Ришарзъ былъ однимъ изъ энергичныхъ противниковъ современныхъ матеріалистовъ и, подобно Голлану, подвергъ бойкому критическому разбору „матеріалистическое евангеліе“ Гольбаха въ своемъ трактатѣ: „La nature en contraste avec la religion et la raison, ou l'ouvrage, qui a pour titre: de la nature, condamné au tribunal de la foi et du bon sens. Paris. 1773“.

Новнотъ, французскій аббатъ, извѣстенъ какъ серьезный противникъ французскихъ энциклопедистовъ вообще и Вольтера въ частности. Въ своемъ критическомъ изслѣдованіи— „Les erreurs de M. de Voltaire. Lyon. 1770“, которое на русскій языкъ было переведено студентами воронежской семинаріи, подъ редакціей митрополита Евгенія,—онъ отмѣтилъ крайнее невѣжество Вольтера въ области исторіи и указалъ безчисленное множество историческихъ погрѣшностей, допущенныхъ въ его философскомъ лексиконѣ и философіи исторіи. Это разозлило Вольтера, особенно когда Новнотъ, въ виду неудовлетворительности его философскаго лексикона, самъ издалъ обширный, изъ четырехъ томовъ состоящій, философскій лексиконъ религіи: „Dictionnaire philosophique de la religion, où l'on établit tous les points de la religion attaques par les Incrédulés, et où l'on répond à toutes leurs objections. 1774“. Къ этому труду, спустя 15 лѣтъ, онъ присоединилъ еще добавленіе, посвященное изслѣдованію христіанской философіи трехъ первыхъ вѣковъ нашей эры и изданное въ свѣтъ отдѣльно подъ заглавіемъ: „Les Philosophes des trois premiers siècles de l'Eglise, ou portraits historiques des Philosophes païens, qui ayant embrassé le Christianisme, en sont devenus les défenseurs par leurs écrits, ouvrage avec lequel on fera aisément la comparaison de ces philosophes anciens avec ceux d'aujourd'hui. Paris. 1789“.

Помпиньянъ защищалъ истину христіанства и боролся съ современнымъ невѣріемъ въ своемъ апологетическомъ трактатѣ: „La religion vengée de l'incrédulité par l'incrédulité elle même. Paris. 1772“.

Бюлле оставилъ послѣ себя нѣсколько апологетическихъ изслѣдованій; изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе: 1) „Histoire de l'établissement du christianisme, tirée des seuls auteurs

juifs et païens, où l'on trouve une preuve solide de la vérité de cette religion. Lyon, 1764“ и 2) Reponses critiques à plusieurs difficultés proposées par les nouveaux incrédules sur divers endroits des livres saints, Paris, 1773“ (въ трехъ томахъ). Бюлле особенное вниманіе посвящаетъ вопросу о возможности и необходимости сверхъестественнаго откровенія вообще и чудесъ въ частности,—и этотъ вопросъ имъ разрѣшенъ довольно основательно.

Пара-дю-Панья написалъ въ защиту религіи два апологетическихкихъ трактата: 1) „Les principes de la saine philosophie, concilies avec ceux de la religion, ou la religion de la philosophie. Paris. 1774“ и 2) „Tableau historique et philosophique de la religion depuis l'origine des temps et des choses jusqu'à nos jours. Paris. 1784“.

Ренье опровергалъ возраженія современныхъ ему невѣровъ противъ важнѣйшихъ религіозныхъ истинъ въ своемъ сочиненіи: „Certitude des principes de la religion contre les nouveaux efforts des incrédules. Paris. 1778“.

Лямуретъ, епископъ ліонскій, принадлежитъ къ самымъ дѣятельнымъ и самымъ энергичнымъ защитникамъ христіанства въ ужасную эпоху невѣрія, закончившуюся великою французскою революціею. Онъ боролся съ атеистическимъ направлениемъ современной ему матеріалистической философіи, нравственною распущенностію французскаго общества и ожесточеннымъ его невѣріемъ, соединеннымъ съ крайнею враждебностію къ христіанству вообще и къ католичеству въ частности. Въ этой борьбѣ онъ, какъ епископъ, употреблялъ мѣры административныя, неустанно разоблачалъ неразуміе атеизма въ своихъ проповѣдяхъ и пастырскихъ посланіяхъ, наконецъ, издавалъ въ свѣтъ апологетическія сочиненія. Свою вѣрность христіанскому ученію онъ запечатлѣлъ своею мученическою кончиною на эшафотѣ. Изъ его апологетическихъ трудовъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе: 1) *Pensées sur la philosophie de l'incrédulité, ou reflexions sur l'esprit et le dessein des philosophes irreligieux de ce siècle.* Paris. 1786; 2) *Pensées sur la philosophie de la foi, ou le système du christianisme considerée dans son analogie avec les idées naturelles de l'entendement*

humain, 1789; 3) Decret de l'Assemblée nationale sur les biens du clergé par la nature et les lois de l'institution ecclésiastique. 1789—1790 и 4) Considerations sur l'esprit et le devoir de la vie religieuse. 1795.

Дю-Буазенъ—также весьма энергичный защитникъ христіанства и плодovitый апологетическій писатель эпохи французской революціи, много страдавшій за свои христіанскія убѣжденія отъ атеистовъ и революціонеровъ своего времени, въ теченіи десяти лѣтъ скитавшійся за-границей какъ изгнанникъ Франціи; только Наполеономъ онъ былъ возвращенъ въ свое отечество и получилъ кафедру нантскаго епископа. Ему принадлежатъ слѣдующія апологетическія сочиненія: 1) L'autorité des livres du N. T. contre les Incrédules. Paris. 1775; 2) L'autorité des livres de Moïse, établie et défendue contre les Incrédules. Paris. 1778; 3) Essai polemique sur la religion naturelle. Paris. 1780; 4) De vera religione. Paris. 1785; 5) Examen des principes de la révolution française, 1795; 6) Défense de l'ordre social contre les principes de la révolution française. London. 1798 и Demonstration evangelique. 1800.

Де-ля-Люцернъ, лангерскій епископъ, такой же изгнанникъ Франціи за свою вѣрность христіанству, какъ и *Буазенъ*; впоследствии онъ былъ возвращенъ во Францію и умеръ въ глубокой старости (84 лѣтъ) въ 1821 г., окруженный славою и почетомъ, возведенный въ достоинство кардинала. Изъ его многочисленныхъ сочиненій заслуживаютъ вниманія: 1) Sur l'excellence de la religion; 2) Considerations sur divers points de la morale chrétienne. 1799; 3) Dissertation sur la loi naturelle; 4) Dissertations sur la spiritualité de l'âme et sur la liberté de l'homme. Paris. 1810. Первое изъ его сочиненій въ 1804 году было переведено на русскій языкъ калужскимъ епископомъ Теофилактомъ. Основная мысль, которую онъ проводитъ въ ней, та, что философія не можетъ замѣнить собою христіанской религіи и что за упадкомъ религіи неминуемо должны послѣдовать страшныя народныя бѣдствія. „Событія оправдали печальное его предсказаніе“, говоритъ русскій переводчикъ его книги. „Франція подверглась жестокому опыту всѣхъ мерзостей, каковымъ могутъ предаться люди увлекаемые

буйствомъ страстей своихъ. Неслыханныя и неисчетныя бѣдствія ея пребудутъ урокомъ для народовъ и для царей. Церковь Христова, сіе пробное твореніе величія Божія и любви Божіей къ человѣкамъ, учинилась предметомъ жесточайшаго гоненія. Всѣ начала нравственности и справедливости были уничтожены. Правила нечестія переименованы общественными законами; нравы дошли до крайняго развращенія“....

Невѣріе, которое съ необычайною энергіею было распространяемо французскими энциклопедистами въ XVIII столѣтіи, продолжало охватывать французское общество и послѣ ужасовъ, которыми сопровождалась французская революція,—это исчадіе предшествовавшаго невѣрія и нравственной распущенности. Къ счастью, не упадали силы среди христіанскихъ апологетовъ. Со времени революціи во Франціи измѣнился лишь характеръ христіанской апологіи. До сего времени христіанскіе апологеты защищали христіанскія истины строго научнымъ путемъ. Они указали всѣ историческія и философскія основанія, которыми вполне было оправдываемо ученіе Божественнаго Откровенія; они разрабатывали важнѣйшіе вопросы христіанской апологетики во всѣхъ ихъ частностяхъ и подробностяхъ. Но въ этихъ научныхъ достоинствахъ, съ практической точки зрѣнія, можно усматривать, такъ сказать, и недостатки сочиненій, написанныхъ въ защиту христіанства въ эпоху до революціи. Сочиненія эти были строго научны и серьезны, чтобы они могли имѣть обширный кругъ читателей; они были лишь достояніемъ немногихъ ученыхъ, которые и безъ нихъ не могли бы увлечься безсодержательностію атеизма французскихъ энциклопедистовъ. Общество усвоило атеистическія идеи не потому, что во французской литературѣ не существовало серьезныхъ опроверженій атеизма, а потому, что оно даже не знало о существованіи этихъ опроверженій. Оно не было подготовлено къ чтенію серьезныхъ богословскихъ и философскихъ изслѣдованій. Ему было по плечу только легкое чтеніе. И преимущество на сторонѣ французскихъ энциклопедистовъ заключалось именно не въ научности и логичности, а въ живости, элегантности и легкости изложенія въ сущности самыхъ пустыхъ и ничего не стоящихъ теорій. Послѣ

революціи французскіе богословы поняли это. Вотъ почему съ этого времени во Франціи христіанская апологетика принимаетъ по преимуществу популяристическій характеръ. Защитники христіанства заботятся уже не столько о томъ, чтобы вповѣ разработывать вопросы апологетики и указывать какія либо новыя основанія для подтвержденія истины ученія Божественнаго Откровенія, а о томъ, чтобы разработанное предшествовавшими апологетами, чрезъ легкое изложевіе, увлекательную форму, эlegantный языкъ ввести въ сознаніе общества. Апологетика какъ-бы перестаетъ быть серьезною наукою и въ особенности—богословскою наукою, граница между философіею религіи и философіею Откровенія какъ-бы сглаживается, кабинетныя занятія замѣняются публичными чтеніями. Начало такого рода апологіи христіанства было положено знаменитымъ французскимъ апологетомъ *Фрейсину* и продолжается до нашего времени.

Графъ *Дени Фрейсину* (1765—1841) былъ сначала священникомъ и каноникомъ въ храмѣ Парижской Богоматери (*Notre Dame*). Но впослѣдствіи онъ пользовался такою популярностію и заслужилъ такое уваженіе, что даже былъ назначенъ министромъ духовныхъ дѣлъ и управлялъ этимъ министерствомъ въ теченіи пяти лѣтъ (1824—1828). Изъ его сочиненій для насъ представляютъ особенный интересъ его апологетическія рѣчи, изданныя впослѣдствіи отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: *Defence du Christianisme, ou Conférences sur la religion*,—и переведенныя на многіе иностранныя языки. Заслуга этого апологета состоитъ въ томъ, что, прекрасно зная уровень развитія парижскаго общества, онъ своимъ легкимъ, живымъ и увлекательнымъ изложеніемъ сумѣлъ возбудить интересъ къ христіанскимъ истинамъ среди самаго аристократическаго и такъ называемаго образованнаго французскаго общества. Для слушанія рѣчей *Фрейсину* всегда стекалось такъ много парижскихъ аристократовъ, что всѣмъ не хватало мѣстъ и потому не всегда можно было попасть въ число слушателей знаменитаго лектора. Когда его рѣчи были отпечатаны и изданы въ свѣтъ, овѣ стали настольною книгою въ каждомъ аристократическомъ парижскомъ домѣ. Ихъ отдѣлывали въ самый роскошный и бо-

гатый переплетъ и украшали, какъ Евангеліе. Въ книгѣ Фрейсину мы не найдемъ новыхъ предметовъ сравнительно съ тѣми, какіе были затронуты христіанскими апологетами прежняго времени и вызваны возраженіями англійскихъ деистовъ и французскихъ энциклопедистовъ; мы не найдемъ въ нихъ никакой строго научной системы; не узнаемъ, къ какой философской школѣ апологетъ питаетъ свои симпатіи. Но за то мы найдемъ въ нихъ самое живое и изящное изложеніе, встрѣтимъ картинное сопоставленіе атеизма съ философіей Бэкона, Лейбница, Мальбранша, увидимъ кстати сдѣланную ссылку на авторитеты знаменитыхъ мужей всѣхъ временъ и народовъ, удачное примѣненіе излагаемой истины къ жизни, легкія и пріятныя краски для обрисовки благотворнаго дѣйствія вѣры, отталкивающія картины безбожія и т. п. Содержаніе рѣчей Фрейсину составляли самые разнообразныя предметы богословскаго знанія. Такъ,—въ нихъ можно находить: изслѣдованія объ истинѣ и причинахъ нашихъ заблужденій, доказательство бытія Божія изъ устройства міра и всеобщей вѣры человѣчества, разсужденія о Промыслѣ Божіемъ, о духовности и безсмертіи человѣческой души, о естественномъ нравственномъ законѣ и свободѣ воли, о необходимости культа и религіи какъ моральныхъ основъ соціальнаго порядка, о значеніи свидѣтельства авторитетовъ въ пользу религіозныхъ истинъ, дошедшихъ чрезъ предавіе, о цѣли и возможности чудесъ, о подлинности и достовѣрности Пятокнижія Моусея, о Моусеѣ, какъ историкѣ и законодателѣ, объ авторитетѣ евангелій, о достовѣрности евангельской исторіи, о воскресеніи Христа и распространеніи христіанства, о доказательствахъ божественности христіанской религіи, о свидѣтельствѣ мучениковъ, объ Иисусѣ Христѣ, какъ Благодѣтелѣ человѣческаго рода, о величіи тайны вочеловѣченія, объ исполненіи ветхозавѣтныхъ пророчествъ во Христѣ, о религіи, разсматриваемой въ ея таинствахъ, въ ея правоученіи и въ ея культѣ, о вѣротерпимости, о невѣріи юношества, о замѣчательнѣйшихъ христіанскихъ мужахъ, о невѣріи образованныхъ классовъ, о необходимости религіи для общественнаго блага, о взаимномъ отношеніи между религіею и нравственностію, о воспитаніи, о христіанскомъ священствѣ и объ автори-

тетѣ Церкви, объ обязанностяхъ христіанъ по отношенію къ Спасителю человечества—Христу.

Иоакимъ Вентура (1792—1861), аристократъ по происхожденію, воспитанникъ іезуитовъ, обладавшій рѣдкими природными дарованіями, свѣтлымъ умомъ, блестящимъ краснорѣчіемъ, также защищалъ христіанскія истины въ духѣ новаго апологетическаго направленія. Самыя замѣчательныя его проповѣди были произнесены въ тюльерійской капеллѣ. Впослѣдствіи они были напечатаны и вышли въ свѣтъ въ 14-ти томахъ, составляя какъ-бы отдѣльныя выпуски и имѣя особыя заглавія. Тома 1—3 озаглавлены: „школа чудесъ“; 4—6: „красоты вѣры“; 7—8—„скрытое сокровище“; 9—надгробныя рѣчи; 10—„восторги благочестія“ или о почитаніи всепречистой Дѣвы; 11—14: притчи Евангелія. Кроме того Вентурѣ принадлежитъ множество сочиненій полемическаго и даже соціально-политическаго характера. Особенность апологетическихъ приѣмовъ Вентуры—та же, что и у Фрейсину: изящество, простота и общедоступность изложенія,—стремленіе вліять болѣе на сердце, чѣмъ на разумъ слушателей и читателей.

Жанъ Баттистъ Генри Доминикъ Лякордеръ (1802—1861), знаменитый французскій ораторъ, сначала вольтерьянецъ и адвокатъ, подъ вліяніемъ извѣстнаго философа—аббата Ляменне, разочаровался въ противохристіанскихъ воззрѣніяхъ энциклопедистовъ и даже поступилъ въ духовное званіе, хотя остался вѣренъ идеямъ религіозной и народной свободы. Свои убѣжденія въ необходимости отдѣленія церкви отъ государства онъ защищалъ въ основанномъ имъ вмѣстѣ съ Ляменне и Монталемберомъ журналѣ *l'avenir*, осужденномъ папою въ 1832 году. Лякордеръ подчинился рѣшенію папы, закрылъ не только свой журналъ, но даже и школу, которая была имъ открыта безъ разрѣшенія правительства. Послѣ этого онъ открываетъ въ храмѣ парижской Богоматери (*Notre Dame*) и Тулузѣ рядъ апологетическихъ чтеній, продолжавшійся въ теченіи двадцати лѣтъ (1835—1854). Въ этихъ рѣчахъ нѣтъ ничего новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что было высказано апологетами прошлаго вѣка; но въ нихъ ново и оригинально самое изложеніе христіанскихъ истинъ. Если кто, то именно Лякордеръ собствен-

нымъ опытомъ доказаль, какимъ благороднѣйшимъ даромъ и какою могущественною силою обладаетъ человѣческое слово! Его рѣчь изобилуетъ всегда чудными образами, сравненіями, унодобленіями, льется свободно и легко, увлекая за собою съ силою очарованія вниманіе слушателей и деспотически господствуя надъ ними. Но въ особенности магическое дѣйствіе на своихъ слушателей Лякордеръ, этотъ блестящій и остроумнѣйшій апологетъ религіи и церкви въ христіанской Франціи 19-го вѣка, производилъ тогда, когда онъ, съ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ и несомнѣнною искренностію, говорилъ о Христѣ, Его Божественномъ достоинствѣ, Его сокровенной внутренней жизни, значенія Его крестныхъ страданій, о благотворномъ развитіи частной и общественной жизни подъ руководствомъ церкви, о христіанствѣ какъ исторической нравственной силѣ въ жизни народовъ, о его чудесномъ вліяніи на характеръ каждаго отдѣльнаго лица, на семью, на положеніе женщины, законодательство и т. д., или когда онъ сравнивалъ съ христіанствомъ безсмысліе атеизма, бездушіе раціонализма, пустоту и бессодержательность возрѣвнѣ матеріалистическихъ... Онъ не оставилъ безъ надлежащаго объясненія и религіознаго освѣщенія ни одного вопроса, ни одного мнѣнія, отъ которыхъ приходило въ волненіе современное общество. Не довольствуясь этими рѣчами, Лякордеръ снова основалъ журналъ, но уже подъ названіемъ *l'ère nouvelle*, въ которомъ онъ стремился къ осуществленію своей завѣтной мысли—примирить церковь съ направленіемъ современнаго образованія и народною свободою. Изъ его сочиненій апологетическій характеръ имѣютъ: 1) *Conférences de Notre-Dame de Paris, 1835—1850* и 2) *Considérations philosophiques sur le système de Mr. Lamennais, Paris 1834*. Въ послѣднемъ трактатѣ Лякордеръ высказываетъ свои соображенія и дѣлаетъ оцѣнку философской системы Ляменне, подъ вліяніемъ которой онъ безъ сомнѣнія находился въ лучшую пору своей апологетической дѣятельности. И это побуждаетъ насъ сказать здѣсь нѣсколько словъ и объ этомъ философѣ—апологетѣ.

Ляменне (1782—1854), католическій священникъ, отклонившій отъ себя предложенный ему санъ епископскій и карди-

нальское достоинство, сначала былъ ревностнымъ защитникомъ папства; но впоследствии онъ возсталъ противъ свѣтской власти папъ и умеръ, какъ говорятъ католики, „врагомъ церкви“. Но онъ былъ вѣренъ христіанскому ученію и съ искренностію защищалъ его отъ нападковъ рационализма и невѣрія. Ему доставило славу въ особенности его сочиненіе: *Essai sur l'indifférence en matière de religion*, Paris, 1817—1823. Его основнымъ убѣжденіемъ было, что „только религія можетъ быть истиннымъ и твердымъ основаніемъ для жизни и развитія человѣческихъ обществъ“, что „она должна основываться на авторитетѣ, который однако же вытекаетъ изъ всеобщаго признанія и выражается въ опредѣленномъ органѣ“. Ляменне признавалъ христіанское ученіе разумнѣйшимъ въ совершенномъ смыслѣ и потому былъ убѣжденъ, что въ немъ нѣтъ ни одного положенія, которое бы противорѣчило человѣческому разуму. Онъ находитъ примиримымъ съ законами нашего мышленія даже и христіанское ученіе о Богѣ, какъ единомъ Существѣ, но Троичномъ въ Лицахъ. Богъ или субстанція, по ученію Ляменне, образуется тремя основными свойствами, изъ которыхъ каждое является всѣмъ бытіемъ и которыя однако же отличаются другъ отъ друга, вслѣдствіе чего христіанское ученіе о тріединомъ Богѣ должно быть признано философски вѣрнымъ. Въ Богѣ необходимо долженъ существовать принципъ различенія, безъ котораго немислимо ни какое бытіе. Этотъ-то принципъ различенія и даетъ возможность Богу быть однимъ и тѣмъ же и въ то же время множественнымъ. Чтобы существовать,—необходима *сила*, которая бы сдѣлала возможнымъ существованіе; но существованіе должно быть опредѣленнымъ, должно имѣть форму, должно быть умопредставляемымъ; отсюда—необходимость интеллигенціи, порождаемой самою силою существованія; но обѣ эти силы должны быть объединяемы однимъ общимъ принципомъ, который въ высшемъ смыслѣ долженъ быть мыслимъ какъ совершенный принципъ единства или любовь. Сила эта—Богъ Отецъ, рожденная ею интеллигенція—Сынъ, любовь—Духъ Святой. Эта Троичность Божества при абсолютномъ единствѣ по существу отпечатлѣвается и на всемъ твореніи, которое не есть ни эманация, ни тво-

реніе изъ пичего, а—причастность или осуществленіе божественныхъ идей внѣ Бога. Три лица Божіи въ человѣкѣ обнаруживаются психологически—въ умѣ, волѣ и сердцѣ, въ природѣ—физически—въ электричествѣ, свѣтѣ и теплотѣ—на всѣхъ ступеняхъ бытія и при томъ въ строгой постепенности, постоянно переходя отъ простаго къ сложному. Тѣмъ не мене, не смотря на совершенную примиримость Божественнаго Откровенія съ разумомъ, Ляменне утверждаетъ, что не только Богъ, но и вселенная недоступны нашему научному изслѣдованію,—и цѣль философіи состоитъ не въ томъ, чтобы анализировать ихъ, а въ томъ, чтобы познать ихъ. Вотъ почему Ляменне и считается основателемъ теологическаго скептицизма.

Шатобрианъ (1769—1848) признается представителемъ особаго, по преимуществу—популярнаго направленія христіанской апологетики. Онъ извѣстенъ какъ богословъ, поэтъ, историкъ, философъ и публицистъ. Нѣкоторое время онъ былъ даже министромъ иностранныхъ дѣлъ, но чаще становился въ оппозицію къ правительству и служилъ опорой для либераловъ. Сначала онъ былъ увлеченъ атеистическимъ ученіемъ французскихъ энциклопедистовъ; но слезы умирающей матери, ея просьбы и мольбы тронули его чувствительное сердце. Послѣ долгихъ и глубокихъ размышленій онъ, наконецъ, рѣшительно порвалъ всякія связи съ атеистическимъ направленіемъ своего времени и сталъ вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Мало того, онъ даже рѣшился посвятить свои силы защитѣ католичества, которое, къ сожалѣнію, онъ отождествлялъ съ христіанствомъ. Не задаваясь цѣлію указать всѣистинно научныя или философскія основанія для оправданія христіанскихъ истинъ, Шатобрианъ ограничивается лишь выясненіемъ того благотворнаго вліянія, которое оказываетъ христіанство на всѣ стороны человѣческой жизни—общественную, государственную и частную,—на развитіе науки, искусства, поэзіи, на возбужденіе патриотизма, самопожертвованія, безкорыстнаго служенія страждущему человечеству и т. д. Въ сочиненіяхъ Шатобриана мы не встрѣтимъ тѣхъ сухихъ и отвлеченно-схоластическихъ доказательствъ христіанскихъ истинъ, на которыя такъ щедры были апологеты 17-го и 18-го вѣка; но за то въ нихъ часто могутъ встрѣ-

тятся рядомъ съ выраженіемъ возвышенныхъ и искреннихъ чувствъ пустяя фразы, чисто декламаторскіе приемы, сильно напоминающіе бездушную риторику прежняго времени. Между апологетическими трудами Шатобріана первое мѣсто, безъ сомнѣнія занимаетъ его „Genie du Christianisme. London. 1802“ (Духъ христіанства), въ которомъ онъ старается оказать противодѣйствіе вольтерьянству и показать важное значеніе христіанства съ его эстетической стороны. Это сочиненіе раздѣляется на четыре книги. Въ первой Шатобріонъ излагаетъ важнѣйшіе догматы христіанства и вообще разясняетъ глубокой смыслъ христіанскаго ученія, истины котораго были отчасти предначертаны рукою Божественнаго Промысла и во всѣхъ религіяхъ древнихъ культурныхъ народовъ; во второй книгѣ рѣчь идетъ о христіанской поэзіи и ея значеніи для частной и общественной жизни, въ третьей объ отношеніи христіанства къ литературѣ и искусствамъ; въ четвертой Шатобріонъ разсуждаетъ о христіанскомъ культѣ, молитвахъ, обрядахъ, празднествахъ, благочестивой жизни, христіанской любви и преданности, о готовности ко всякаго рода жертвамъ и самопожертвованію, средневѣковой романтикѣ, привлекательныхъ чертахъ монашества, рыцарства, отдаленнаго миссіонерства среди языческихъ дикарей и т. п. Апологетъ приходитъ въ восторгъ отъ гармоничной стройности звона церковныхъ колоколовъ, поражается пышностью и великолѣпіемъ христіанскихъ храмовъ, умиляется содержаніемъ католическихъ легендъ. Въ другомъ апологетическомъ трудѣ—*Les Martyrs. Paris, 1809*—Шатобріонъ предоставляетъ цѣлую христіанскую эпопею, состоящую изъ 24 пѣсень, въ которыхъ прославляются подвиги древнехристіанскихъ мучениковъ, своею кровію запечатлѣвшихъ истину христіанскаго ученія. Наконецъ сочиненіе „Itineraire de Paris à Jerusalem, Paris, 1811“ (въ русскомъ переводѣ—„Путешествіе изъ Париза въ Іерусалимъ чрезъ Грецію и Египетъ, Спб., 1816) Шатобріонъ посвящаетъ драгоцѣннѣйшимъ историческимъ воспоминаніямъ христіанства“.

Нельзя не поставить въ заслугу Шатобріана, что своимъ художественнымъ, популярнымъ, чисто беллетристическимъ способомъ разясненія важнаго значенія христіанства для жизни

и при томъ не въ формѣ публичныхъ рѣчей или церковныхъ поученій, а въ формѣ разсказа, повѣствованія и даже эпопеи онъ сумѣлъ возбудить интересъ къ религіознымъ вопросамъ среди парижскаго образованнаго общества. Его сочиненія были читаемы съ удовольствіемъ и даже были переведены на иностранные языки. Но тѣмъ не менѣе отсутствіе серьезнаго научнаго изложенія христіанскихъ истинъ, какъ одинъ изъ недостатковъ новаго апологетическаго направленія, сказалось скоро. Уже послѣдователи Шатобріана увидѣли нужду въ болѣе серьезной, жизненной и даже философской постановкѣ христіанской апологетики. Они перестали увлекаться благозвучностію колоколовъ и великолѣпіемъ церковныхъ зданій; они не стали указывать ни на средневѣковое рыцарство, ни на католическіе монашескіе ордена, потому что противники христіанства въ этихъ же самыхъ учрежденіяхъ умѣли находить и обратную сторону медали. Новые христіанскіе апологеты Франціи начали выяснять болѣе важное значеніе христіанства для рѣшенія тѣхъ общихъ соціальныхъ вопросовъ, которые волновали тогда Францію, какъ, напр., вопросъ о бракѣ и семейной жизни, о домашнемъ воспитаніи, о постановкѣ школьнаго образованія, о конституціонной свободѣ народовъ, объ истинномъ прогрессѣ и государственномъ устройствѣ, о положеніи рабочаго класса и т. д. Недостатокъ апологетическихъ трудовъ этого времени состоялъ съ одной стороны въ томъ, что и здѣсь подъ христіанствомъ было понимаемо исключительно католичество, а съ другой стороны—въ томъ, что апологеты отличались слишкомъ большою уступчивостію духу и требованіямъ времени, вступали иногда въ недостойныя сдѣлки съ народными руководителями различныхъ партій и нерѣдко одобряли такія явленія въ общественной жизни, которыя положительно шли въ разрѣзъ съ требованіями христіанства.

Зенакъ (Senac) пишетъ апологетическое сочиненіе—„Le christianisme considéré dans ses rapports avec la civilisation moderne. Paris. 1837“ (въ двухъ томахъ),—въ которомъ онъ проводитъ ту мысль, что христіанство всегда можетъ быть примирено съ повѣйшею цивилизаціею, такъ какъ оно признаетъ значеніе не за внѣшними формами жизни, а за духомъ любви

и нравственнаго усовершенствованія, который можетъ обнаруживать свою живительную силу безотносительно къ условіямъ жизни частной, семейной и общественной и всегда только содѣйствуетъ истинному прогрессу человѣчества.

Сабатье (Sabatieur), внукъ знаменитаго возстановителя библейскаго текста по доіеронимовскимъ памятникамъ; въ своемъ апологетическомъ трактатѣ—„L'église catholique vengée du reproche de favoriser le despotisme politique et ecclesiastique. 1841“,—отожествляя католическую церковь съ христіанствомъ вообще, старается защитить ее отъ упрековъ въ деспотизмѣ политическомъ и церковномъ.

Сигьеръ (Siguiet) стремился раскрыть величіе католичества, какъ оно проявилось въ исторической жизни народовъ и какъ оно благотворно будто бы вліяло всегда на развитіе различныхъ государственныхъ учрежденій.

Реймондъ (Raymond), защищая христіанство отъ нападеній и клеветъ со стороны раціонализма и матеріализма, доказываетъ ту мысль, что оно вполне удовлетворяетъ требованіямъ нашего, 19-го, вѣка и совершенно мирится съ устройствомъ новѣйшаго государства и общества.

Гомъ (Gaume) раскрываетъ благотворное вліяніе христіанства на семейную жизнь, воспитаніе дѣтей, ихъ отношеніе къ родителямъ, на отношенія самыхъ родителей другъ къ другу, къ дѣтямъ, прислугѣ и т. п.

Такое направленіе христіанской апологетики не было однакоже господствующимъ; рядомъ съ нимъ прокладывало себѣ путь и другое, мало по малу принимавшее уже чисто научный характеръ. Рядомъ съ сочиненіями, стремившимися оправдать христіанство ссылкой на свидѣтельства и изреченія знаменитыхъ мужей въ пользу христіанскихъ истинъ, стали появляться уже и болѣе или менѣе систематическія изложенія научныхъ доказательствъ христіанскаго ученія, раціонально-спекулятивное раскрытіе христіанскихъ истинъ, даже стремленіе создать систему христіанской религіозной философіи или представить апологетику христіанства въ собственномъ смыслѣ.

Женудъ (La raison du christianisme, ou preuves de la verite de la religion chrétienne, tirées des écrits des plus grands

hommes. Paris. 1841; въ 4-хъ томахъ) доказываетъ истину христіанства обширными выдержками изъ сочиненій знаменитыхъ лицъ разныхъ областей знанія.

Розелли де Лоръз (Roselly de Lorgues) удостоверяетъ истину христіанства ссылкой на свидѣтельства различныхъ наукъ и его сочиненіе выдерживаетъ болѣе 15-ти изданій, расходуется въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и переводится на многіе иностранные языки.

Дро въ своемъ сочиненіи—„Pensées sur le christianisme, preuves de sa vérité. Paris, 1842“ уже предлагаетъ систематическое изложеніе доказательствъ истины христіанства, выработанныхъ прежними апологетами и получившихъ классическое значеніе.

Дюпанлу (Duranlou), бывшій профессоръ сорбоннскаго университета и редакторъ журнала *Ami de la religion*, впоследствии орлеанскій епископъ и прелатъ, извѣстный противникъ новоизмышленнаго догмата о непорочномъ зачатіи на соборѣ 1869—70 г., членъ парижской академіи и сенаторъ, извѣстенъ своею защитою не только католичества, но и христіанства вообще. Ему принадлежитъ апологетическое сочиненіе: *Le christianisme, présenté aux hommes du monde par Fenelon. Paris. 1847* (въ шести томахъ), въ которомъ онъ излагаетъ въ систематическомъ порядкѣ всѣ тѣ доказательства истинности христіанства, которыя были указаны, но недостаточно обстоятельно разработаны Фенелономъ.

Барранъ (Barran) въ своемъ сочиненіи *Exposition raisonnée des dogmes et de la morale du christianisme. Paris. 1843*“ старается доказать и разъяснить истины христіанскаго вѣроученія и нравоученія, на общихъ началахъ научной апологетики.

Поверъ (Pauvert) написалъ довольно обширный (въ двухъ томахъ) апологетическій трудъ—„*Harmonie de la religion et de l'intelligence humaine; Exposition et enchainement du dogme catholique. Paris, 1842*“,—въ которомъ онъ ставитъ своею цѣлю достигнуть полнаго примиренія между разумомъ и Божественнымъ Откровеніемъ и разъяснить христіанскія истины въ ихъ логической связи и систематической послѣдовательности.

Ляшаданедъ (La Chadenède) доказываетъ истины христіан-

ства ссылками на католическія преданія и въ этомъ смыслѣ онъ составилъ свой трудъ, состоящій изъ двухъ томовъ: „Le christianisme démontrée par les traditions catholiques. Paris, 1837.

Въ это же время (въ 1843 г.) было издано въ свѣтъ апологетическое сочиненіе извѣстнаго противника французскихъ энциклопедистовъ и матеріалистовъ, *Дютертра*—*Entretiens sur la religion, où l'on établit les fondemens de la religion révélée contre les Athées et les Deistes* (въ трехъ томахъ). Это сочиненіе, представляющее полный и систематическій сводъ всего, что только можно было бы сказать противъ атеизма и деизма, не былъ бесполезенъ и для 50-хъ годовъ нашего столѣтія, когда вмѣстѣ съ развитіемъ естественныхъ наукъ, начали снова и съ особеннымъ усиліемъ распространяться въ западной Европѣ разныя атеистическія ученія.

Огюстъ Никола является выдающимся апологетомъ христіанства во Франціи въ текущемъ столѣтіи. Цѣлыхъ сорокъ лѣтъ онъ велъ борьбу съ невѣріемъ и защищалъ христіанство въ своихъ „*Etudes philosophiques sur le christianisme*“. Желая доказать божественность происхожденія христіанства, Никола раздѣляетъ свой трудъ на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ онъ указываетъ „фундаментальныя или философскія основанія“ для доказательства истины и божественнаго происхожденія христіанства, подъ которыми разумѣются всѣ такъ называемыя истины естественной религіи и историческая достовѣрность Божественнаго Откровенія; во второмъ отдѣлѣ онъ излагаетъ уже внутреннія или чисто богословскія основанія, т. е. подвергаетъ спекулятивному изслѣдованію главные догматы христіанскаго вѣроученія; въ третьемъ предлагаются вышнія основанія или историческія свидѣтельства, въ особенности касающіяся исторической достовѣрности евангельскихъ повѣствованій, міроваго значенія христіанства, какъ центра міровой исторіи и какъ исполненія всѣхъ надеждъ и обѣтованій ветхозавѣтнаго человѣчества. Быть можетъ, мы не найдемъ въ этихъ „философскихъ этюдахъ“ Огюста Никола ничего новаго и оригинальнаго въ сравненіи съ тѣмъ, что было уже раскрыто апологетами предшествовавшихъ вѣковъ,—ни новыхъ открытій, ни новыхъ рѣшеній великихъ вопросовъ; но нельзя не признать

важной заслуги, которую оказалъ Николая богословской наукѣ своимъ живымъ, краснорѣчивымъ и полнымъ искренности изложеніемъ рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ. Все свидѣтельствуетъ о томъ, что въ своемъ трудѣ авторъ защищаетъ истину и божественное происхожденіе христіанства съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла, съ неподдѣльнымъ чувствомъ воодушевленія и любви, говоритъ отъ сердца, ничего не выдумываетъ искусственнаго, а сообщаетъ лишь то, что считаетъ истиннымъ и справедливымъ, что подсказываетъ ему сама истина. Оттого и читатель оставляетъ его книгу, примиренный съ своими сомнѣніями и съ сердечнымъ успокоеніемъ. Такое впечатлѣніе на душу человѣка можетъ производить лишь тотъ, кто говоритъ правду и кому не вѣрить было бы преступно.

Дешанъ (Dechamps), знаменитый католическій ораторъ, архіепископъ и кардиналъ, доказываетъ истину и основательность христіанской вѣры въ своемъ апологетическомъ трактатѣ: „Le libre examen de la verité de la foi“; сочиненіе это переведено также и на многіе иностранные языки.

Ляфоре въ своемъ обширномъ (четырёхтомномъ) апологетическомъ сочиненіи: „Les dogmes catholiques exposés, prouves et vengés des attaques de l'herésie et de l'incrédulité“— задается великою и благородною цѣлію: защитить истину христіанства противъ нападокъ и возваженій со стороны еретиковъ и невѣровъ. При этомъ онъ старается защитить не общія только истины христіанской религіи, а все вообще христіанское ученіе, всю христіанскую догматику. Неудивительно послѣ этого, что рассматриваемое сочиненіе Ляфоре могло явиться въ свѣтъ не иначе, какъ въ количествѣ цѣлыхъ 27 книгъ. Сначала Ляфоре излагаетъ ученіе о бытіи и существѣ Божіемъ, приводя въ подтвержденіе этого ученія всѣ извѣстныя доказательства и опровергая мнѣнія пантеистовъ и атеистовъ; изъясняя догматъ о троичности лицъ въ Богѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ разбираетъ всѣ древнія еретическія мнѣнія и деистическія теоріи, извращающія это ученіе, и обнаруживаетъ научную несостоятельность гегелевскаго истолкованія этого непостижимаго христіанскаго догмата; раскрывая повѣствованіе Моисея о ше-

стидневномъ твореніи міра, Ляфоре указываетъ на бессодержательность неоплатоническаго ученія о твореніи и новѣйшаго пантеистическаго понятія объ этомъ предметѣ у Кузена и другихъ. Трактатъ о Промыслѣ содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и систематическое изложеніе опроверженій деизма и его возраженій противъ христіанскаго ученія о Божественномъ промышленіи; богооткровенное ученіе объ ангелахъ Ляфоре излагаетъ въ связи съ опроверженіемъ возраженій Шлейермахера и Штрауса противъ признанія бытія безплотныхъ духовъ. Раскрытіе библейскаго повѣствованія о первосостояніи и паденіи человѣка сопровождается у него полемикою съ послѣдователями Кузена, отвергающими фактъ первооткровенія. Ученіе о первородномъ грѣхѣ и его наслѣдственности вынуждаетъ Ляфоре вступить въ борьбу съ раціоналистическимъ искаженіемъ этого догмата и опровергать возобновленное Рейнодомъ, Леру и Лораномъ лжеученіе древнихъ о предсуществованіи человѣческихъ душъ. Предуготовленіе искупленія, избраніе израильскаго народа и руководство его чрезъ посланниковъ Іеговы излагаются въ связи съ опроверженіемъ безчисленнаго количества возраженій со стороны деистовъ и раціоналистовъ; но еще затруднительнѣе было для Ляфоре разяснить догматъ о вочеловѣченіи Сына Божія и искупленіи человѣческаго рода, потому что ему пришлось при этомъ разоблачать ложныя возрѣнія всѣхъ новѣйшихъ представителей отрицательной критики, начиная съ Вольтера и кончая Штраусомъ и его единомышленниками. Изложеніе ученія объ установленіи христіанской церкви, о составѣ ея и членахъ и о данныхъ ей преимуществахъ сопровождается у Ляфоре полемикою съ протестантскими богословами и историками, утверждающими, будто-бы первоначально были равны между собою всѣ вѣрующіе и въ церкви не было никакого іерархическаго устройства и раздѣленія; при этомъ разрѣшается и тотъ упрекъ христіанству, будто-бы авторитетъ церковнаго учительства и символы вѣры слишкомъ стѣсняють свободное и самостоятельное развитіе мысли. Христіанское ученіе о благодати и таинствахъ Ляфоре излагаетъ въ связи съ опроверженіемъ самыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ возраженій всѣхъ старыхъ и новыхъ вольтеріанцевъ, а также со стороны філософско-раціоналистическаго пелагіанизма Ло-

рана и Жюль-Симона. Наконецъ, при постоянной полемикѣ съ анти-христіанскими воззрѣніями древняго и новаго времени Ляфоре видѣлъ себя вынужденнымъ раскрывать и христіанское ученіе о смерти, кончинѣ міра, всеобщемъ воскресеніи и страшномъ судѣ.

Не будемъ долѣе останавливать своего вниманія на ознакомленіи съ трудами французскихъ апологетовъ, изъ которыхъ одни пользуются такою популярностію, что, по всей вѣроятности, хорошо извѣстны каждому образованному читателю, такъ какъ они переведены и на русскій языкъ, какъ, напр., *Гизо* „Размышленія о сущности христіанской вѣры“ (переводъ свящ. Н. Сергіевскаго М. 1865), *Прессансе* „Иисусъ Христосъ, Его время, Его жизнь и Его дѣла“. *Эрнеста Навиля* „Отецъ небесный“, „Вѣчная жизнь“ и т. п.; съ другими мы еще встрѣтимся въ свое время. Но нельзя не задать себѣ вопроса: какихъ результатовъ достигла обширная, почти необозримая, всесторонняя французская апологетическая литература? Не трудно предвидѣть, что и здѣсь повторилось то-же, что и въ Англіи. Французская апологетика христіанства сдѣлала все, что могла. Она представила самыя убѣдительныя, научныя — философскія и историческія — доказательства истинны и божественнаго происхожденія христіанства. Она обнаружила съ полною основательностію всю ложь атеистическихъ, деистическихъ, пантеистическихъ и матеріалистическихъ воззрѣній, господствовавшихъ во Франціи со времени появленія энциклопедистовъ и натуралистовъ и господствующихъ еще въ настоящее время. Мало того, она сумѣла защитить отъ возраженій и нападковъ со стороны невѣрія не только общія истины христіанскаго ученія, но и всѣ частныя пункты его. Нельзя не поставить въ заслугу французской апологетикѣ и того, что своимъ живымъ, художественнымъ и въ то же время популярнымъ изложеніемъ доказательствъ важнѣйшихъ истинъ христіанства она заинтересовала высшее французское образованное общество и привлекла его вниманіе къ религіи, произвела, какъ говорятъ, поворотъ къ религіозной вѣрѣ и церкви. Было время, когда во Франціи христіанская апологетика могла даже съ триумфомъ торжествовать побѣду, одержанную надъ атеистическимъ направленіемъ. Было время, когда въ 1844 году соста-

витель предисловія къ „Dictionnaire des sciences philosophiques“ не безъ основанія могъ сказать: „атеизмъ почти совершенно исчезъ изъ философіи; успѣхи здравой психологіи сдѣлають его возвращеніе совершенно невозможнымъ“. Но не прошло и двадцати лѣтъ послѣ этого, какъ оказалось, что атеизмъ вовсе не исчезъ изъ французскаго общества и философіи, что онъ только замолкъ на нѣкоторое время какъ бы для того, чтобы снова поднять свою голову и при томъ еще съ гораздо большимъ ожесточеніемъ, чѣмъ прежде. Апологетика разрушила только сомнѣнія разсудка относительно истинъ Божественнаго Откровенія; но корень невѣрія, какъ мы сказали уже, находится въ развращенности и нравственной испорченности сердца, а не въ разсудкѣ. Выходя изъ развращеннаго сердца, невѣріе ищетъ для себя только оправданія въ доводахъ разсудка и потому лишь становится подъ флагъ той или другой философіи. Понятно, что апологетика не въ силахъ уничтожить невѣріе въ самомъ его корнѣ; она можетъ только ослабить его, разрушивъ тѣ доводы разсудка, которыми оно хотѣло бы оправдать себя. Такъ и случилось во Франціи. Невѣріе продолжало оставаться здѣсь не особенно замѣтнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока не явилось философское направленіе, ложь котораго еще не была обнаружена и которое благопріятствовало ему. Такое направленіе въ видѣ позитивной философіи явилось однако уже вскорѣ послѣ того, какъ благомыслящіе люди готовы были объявить безбожіе исчезнувшимъ среди мыслящихъ людей Франціи.

Огюстъ Контъ (1798—1857), извѣстный французскій математикъ и философъ, бывшій сначала послѣдователемъ коммунистическаго сенсимонизма, своимъ „Курсомъ позитивной философіи“ положилъ начало новому направленію философской мысли, такъ называемому—позитивизму. Онъ объявилъ религію лишь низшею ступенью знанія, которое теряетъ всякій смыслъ и значеніе для людей ученыхъ и образованныхъ, способныхъ возвыситься до позитивной или высшей ступени знанія и философствованія. Все значеніе, по Контю, принадлежитъ только положительнымъ наукамъ. Религія и метафизика лишь мѣшаютъ человѣчеству въ его дальнѣйшемъ развитіи. Ясно, какую опору нашель для себя атеизмъ, едва тянувшій свое существованіе, въ этой философіи, отрицавшей уже и самую филосо-

фію. Если религія можетъ имѣть значеніе только для черни и людей невѣжественныхъ, то понятно, что атеизмъ, невѣріе и враждебное отношеніе къ христіанству должны служить признакомъ умственной зрѣлости, научнаго образованія, прогресса, И вотъ уже ближайшіе послѣдователи Конта, какъ, напр., *Литтре*, *Ломбраль* и др., начинаютъ открыто проповѣдывать атеизмъ, невѣріе, враждебность къ христіанству. „Съ насъ достаточно одной земли и не нужно неба; человѣкъ можетъ обходиться самъ собою и не нужно ему Бога; съ насъ достаточно дѣйствительности и не нужно намъ химеръ! Мудрость въ томъ и состоитъ, чтобы довольствоваться міромъ такимъ, каковъ онъ есть“. Вотъ тѣ идеи, которыя господствовали во Франціи съ появленіемъ позитивной філософіи и господствуютъ до послѣдняго времени. А вотъ и урокъ молодежи, выраженный словами *Жильбера*: „Я подозреваю, что вы вѣруете въ Бога. Остерегайтесь сознаваться въ этомъ. Бойтесь смѣшнаго и уважайте своихъ наставниковъ. Вѣрить въ Бога—ошибка, которая была простибельна нашимъ предкамъ, но не въ наше время. Постарайтесь исправиться и слѣдовать за своимъ вѣкомъ, вмѣсто того, чтобы судить его“. Позитивная філософія подготовила настолько удобную почву для атеистическихъ учений, что не прошло и года послѣ смерти Конта, какъ французскій философъ *Вашеро* (*Vacherot*), пользовавшійся среди позитивистовъ репутаціею глубокаго и серьезнаго мыслителя, пицетъ обширное сочиненіе (въ тысячу двѣсти страницъ)— „*La Méthaphysique et la Science*“ (1858) съ единственною цѣлію—доказать, что нѣтъ Бога и что вѣровать въ Его бытіе неразумно и людямъ научно образованнымъ не слѣдуетъ. Периодическая печать, живопись, театръ—все обратилось въ орудіе живой пропаганды атеизма, невѣрія и враждебности къ христіанской религіи. И неудивительно, если на такой почвѣ могли развиваться воззрѣнія подобныя тѣмъ, какія *Ренанъ* излагаетъ въ своемъ возмутительномъ пасквилѣ на евангельскую исторію, которому онъ далъ однако же громкое названіе—*Vie de Jésus!* Неудивительно и то, если подъ вліяніемъ такого фанатическаго невѣрія во Франціи развилась и та крайняя враждебность къ христіанской религіи, которая была причиною удаленія изъ школъ иконъ и распятій и запрещенія говорить съ

дѣтьми въ школѣ о Богѣ и религіи. Къ чести французскаго народа нужно однако-же сказать, что среди него нашлось много благонамѣренныхъ лицъ, стремившихся положить предѣлъ распространенію этого ужаснаго невѣрія. На борьбу съ атеизмомъ выступилъ длинный рядъ христіанскихъ апологетовъ съ ихъ защитительными сочиненіями, какъ, напр., *Сессе*—„Опытъ религіозной философіи“ (*Essai de philosophie religieuse*); *Шарль Секретанъ*—„Разумъ и христіанство“ (*La raison et le christianisme*); *Каро*—„Идея о Богѣ“ (*L'Idée de Dieu*); *Дамиронъ*—„О Промыслѣ“ (*De la Providence*); *Гратри*—„О познаніи Бога“ (*De la connaissance de Dieu*); *Амеде де Мажери*—„Теодицея, изслѣдованія о Богѣ, твореніи и промышленіи“ (*Théodicée, Etudes sur Dieu, la Création et la Providence*); *Эрнестъ Берзо*—„Опытъ изслѣдованія о Промыслѣ“ (*Essai sur la Providence*) и мн. др. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что нѣкоторые изъ французскихъ апологетовъ нашего времени сами не всегда остаются вѣрными ученію Божественнаго Откровенія и въ отдельныхъ пунктахъ настолько расходятся съ нимъ, что оказывается, можно сказать, нужда еще въ апологетахъ и противъ апологетовъ. Тѣмъ не менѣе замѣчаютъ много такихъ явленій въ жизни французскаго народа, которыя считаются признаками поворота къ религіозной вѣрѣ. Дай Богъ! Но не нужно забывать урока исторіи. Не слѣдуетъ возлагать надеждъ лишь на одну науку—Апологетику. Только тотъ поворотъ къ религіи отраденъ, который совершается не подъ вліяніемъ однихъ доводовъ разума, но главнымъ образомъ подъ благодатнымъ вліяніемъ истинной Христовой Церкви, истинно-христіанскаго воспитанія, христіанской постановки частной, домашней и общественной жизни. Появленіе въ Парижѣ буддійскаго культа дѣйствительно есть признакъ поворота къ религіи... но только къ буддійской, языческой, а не христіанской. Не нужно забывать, что европейскій атеизмъ порожденъ папствомъ; почва для него подготовлена отпаденіемъ западной церкви отъ союза съ восточною. Слишкомъ расшатана религіозная жизнь въ Европѣ вообще,—и потому едва ли скоро прійдется христіанамъ увидѣть во Франціи полное пораженіе атеизма и торжество чистой религіи христіанской!

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Буткевичъ.*

Историческій очеркъ возрѣній на нравственно-юридическую вмѣняемость еретикамъ ихъ лжеученій въ христіанскихъ церквахъ.

Предлагаемый очеркъ имѣетъ своимъ предметомъ нравственно-юридическую вмѣняемость еретикамъ ихъ еретическихъ заблужденій. Нѣтъ сомнѣній, что предметъ этотъ, какъ всегда такъ и въ настоящее время, представляетъ весьма важный вопросъ для общественной жизни, такъ какъ охрана религіи и теперь необходима не только въ интересахъ индивидуума—свободы его совѣсти, но и въ интересахъ самого общества, для котораго религія служитъ однимъ изъ жизненныхъ условій существованія и развитія. Отсюда вытекаетъ то важное значеніе, которое представляютъ собою въ строѣ общественной жизни противорелигіозныя посягательства вообще и преступленіе ереси въ частности. Между тѣмъ, если мы обратимся къ юридической литературѣ нашего предмета, то окажется, что въ данномъ отношеніи въ ней существуетъ ощутительный пробѣлъ. Въ особенности недостаточно разработана исторія преступленія ереси, тогда какъ только она главнымъ образомъ и можетъ дать твердыя основы для теоретическихъ выводовъ, уясняя намъ не только юридическую природу преступленія, но и его чисто общественное значеніе. Русская литература весьма скудна въ этомъ отношеніи: кромѣ труда проф. Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскаго: „Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада“, намъ неизвѣстна сколько нибудь серіозная статья по исторіи преступленія ереси. Но не многимъ богаче и иностранная литература, имѣющая по этому вопросу краткія замѣтки преимущественно въ учебникахъ каноническаго права.

Крайняя скудость свѣдѣній, отрывочныхъ и разбросанныхъ въ литературѣ нашего вопроса, весьма затрудняетъ изслѣдователя, и нашъ первый опытъ изслѣдованія о нравственно-юридической вмѣняемости ереси не претендуетъ обнять вопросъ въ полномъ его объемѣ. *Feci, quod potui; faciant meliora potentes.*

Историческое изслѣдованіе намъ показываетъ, что кругъ религіозныхъ преступленій подвергался значительнымъ измѣненіямъ. Ограниченный въ языческой періодъ жизни народовъ, онъ, съ появленіемъ христіанства, постепенно расширялся и достигъ своего высшаго развитія въ средніе вѣка. Въ новый періодъ жизни европейскихъ народовъ мы замѣчаемъ обратное явленіе: кругъ преступленій противъ религіи сокращается, и преступленіе ереси почти повсюду выходитъ изъ уголовныхъ кодексовъ. Эти разные періоды исторіи, столь рѣшительно вліявшіе на судьбу ереси, были бы не понятны, если бы мы ограничили нашу задачу простымъ изложеніемъ исторіи даннаго преступленія. Характеръ ереси, какъ преступленія, въ значительной мѣрѣ обуславливается тѣмъ положеніемъ, какое занимаетъ государство по отношенію къ религіозной свободѣ въ извѣстный періодъ исторіи. Другими словами: отъ признанія или непризнанія государствомъ идеи религіозной свободы зависитъ характеръ юридическаго опредѣленія даннаго преступленія. Необходимо, слѣдовательно, въ связи съ исторіей нашего предмета указать хотя главнѣйшіе моменты этихъ отношеній государства къ религіозной свободѣ, или, иначе, свободѣ совѣсти.

Порядокъ нашего изложенія представляется, такимъ образомъ, въ слѣдующемъ видѣ: I глава посвящается теоретическимъ положеніямъ. Здѣсь мы устанавливаемъ каноническое понятіе ереси; опредѣляемъ ересь, какъ преступленіе, съ указаніемъ его истиннаго характера и отличія отъ другихъ родственныхъ преступленій. Во II—IV гл. предлагаемъ исторію преступленія ереси въ западной Европѣ. Въ главѣ V говоримъ о преступленіи ереси у насъ, въ Россіи ¹⁾.

1) Источниками для труда нашего послужили слѣдующія сочиненія и статьи, помѣщенныя въ журналахъ: *Ioh. Casp. Suicer. Thesaurus ecclesiasticus, e patribus graecis ordine alphabetico concinnatus. Vide voces: Αἵρεσις et Αἱρετικὸς.*—

Современныя ложныя возрѣнія на христіанскіе догматы.

Говорятъ, что наше время есть время замѣтнаго оживленія религіозной мысли и религіознаго чувства въ нашемъ обществѣ. Извѣстный рефератъ г. В. Соловьева, сочиненія гр. Л. Толстого, замѣтный притокъ лицъ свѣтскаго званія въ ряды духовенства, особенно монашествующаго, повидимому, служатъ признаками современнаго религіознаго настроенія нашего общества. Не мало есть и другихъ признаковъ, повидимому, подтверждающихъ эту же мысль. Правда, въ однихъ людяхъ они возбуждаютъ недовольство, какъ проявленіе „реакціи“; напротивъ, другіе видятъ въ нихъ залогъ духовнаго возрожденія Россіи. Тѣмъ не менѣе фактъ возбужденія религіозной мысли въ современномъ обществѣ признается всѣми.

Но въ этомъ возбужденіи религіозной мысли и религіознаго чувства, какъ бы мы ни опредѣляли ихъ размѣры, есть одна очень странная черта, заслуживающая особеннаго вниманія.

Holtzendorff. Rechtslexicon. Art. Ketzerei. B. II.—Herzog. Real-encyklopädie für protestantische Theologie und Kirche. Art. Häresie. B. V. 1879.—Schulte. System des allgemeinen katholischen Kirchenrechts. Giessen. 1856.—Idem. Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts.—Phillips. Lehrbuch des Kirchenrechts. 1881.—Idem. Kirchenrecht. B. II. 1857.—Friedberg. Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts. 1889.—Richter-Dove. Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts.—Walter. Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen.—Möhler. Die Einheit in der Kirche.—München. Das kanonische Gerichtsverfahren und Strafrecht. B. II. 1866.—Löning. Geschichte des deutschen Kirchenrechts. B-de I—II. 1878.—Dove. De jurisdictionis ecclesiasticae apud Germanos Gallosque progressu. Berolini. 1855.—Friedberg. De finium inter ecclesiam et civitatem requndarum iudicio. Lipsiae. 1861.—Riffel. Geschichtliche Darstellung des Verhältnisses zwischen Kirche und Staat.—Hergenröther. Katholische Kirche und christlicher Staat. 1872.—Kober. Der Kirchenbau. 1863.—Idem. Die Deposition und Degradation. 1867.—Gieseler. Lehrbuch der Kirchengeschichte. B. II. 1828.—Geffcken. Staat und Kirche in ihrem Verhältniss geschichtlich entwickelt. 1875.—Bar. Handbuch des deutschen Strafrechts. 1882.—Jarcke. Handbuch des gemeinen deutschen Strafrechts. B. II. 1872.—Л. Тихомировъ. Духовенство и общество въ современномъ религіозномъ движеніи. 1893.—Амвросій, архіеп. Харьковскій. О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ.—Вѣра и Разумъ. 1891. I. 209, 467.—Архим. Іоаннъ. Опытъ курса церковнаго законодѣнія. 1851.—Онъ же. Охраненіе православной вѣры въ древней вселенской церкви. Хр. Чт. 1862. II.—Н. Заозерскій. Церковный судъ въ первые вѣка христіанства. 1878.—Н. Суворовъ. Объемъ дисциплинарнаго суда и юрисдикціи церкви въ періодъ вселенскихъ

Это—доходящая порой до явнаго антагонизма разобщенность между общественнымъ религіознымъ движеніемъ и учительной дѣятельностью пастырей Церкви. Во времена еще очень недавнія отношенія вѣрующихъ и невѣрующихъ къ Церкви были проще. Кто не вѣрилъ, тотъ часто былъ ярымъ врагомъ Церкви, но всегда открытымъ. Кто вѣрилъ и приходилъ къ Церкви, тотъ приходилъ искренно, съ довѣріемъ, не для того, чтобы какъ-нибудь воздѣйствовать на Церковь, но чтобы воспринять ея воздѣйствіе. Нынѣ же эта простота отношеній окуталась мракомъ непроницаемости и скрытности. Религіозное движеніе общества похоже на какое-то „броженіе“. Въ самомъ дѣлѣ, не малая доля этого броженія уходитъ прямо въ сектантство или противное Церкви (какъ Пашковщина), или даже не заслуживающее названія христіанскаго (какъ Толстовщина). Другая часть движенія не только не ищетъ руководства Церкви, но страстно критикуетъ ее и открыто выражаетъ стремленіе передѣлать ее на-ново. Уже одинъ фактъ

соборовъ. 1884.—Онь же. Курсъ церковнаго права. 1889—90.—Онь же. О церковныхъ наказаніяхъ. 1876.—И. Бердниковъ. Краткій курсъ церковнаго права. 1888—89.—Н. Соколовъ. Изъ лекцій по церковному праву. 1874—75.—И. Миловановъ. О преступленіяхъ и наказаніяхъ церковныхъ. Хр. Чт. 1887.—П. Лашбарева. Отношеніе римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности.—Ф. Маассень. Девять главъ о свободной церкви и о свободѣ совѣсти. Рус. пер. Н. Суворова 1882.—Объ образѣ дѣйствованія православныхъ государей греко-римскихъ въ IV, V и VI вѣкахъ въ пользу церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ. Творенія Св. Отцовъ. 1860.—Л. С. Бѣлогриць-Котляревскій. Преступленія противъ религіи въ важнѣйшихъ государствахъ Запада. Врем. Дем. Лич. 1885—86.—М. Капустинъ. Очеркъ исторіи права въ западной Европѣ. 1866.—Н. Гартунгъ. Исторія уголовнаго судопроизводства и судостройства Франціи, Англіи, Германіи и Россіи. 1868.—С. Богородскій. Очеркъ исторіи уголовнаго законодательства въ Европѣ съ начала XVII вѣка. 1862.—Галлуа. Исторія пнэвизиціи. Рус. перев. В. Модестова. 1873.—Н. Осокниъ. Исторія альбигойцевъ. 1869—72.—К. Неволнинъ. О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи до Петра Великаго. Т. VI. 1859.—Мвтр. Макарій. Исторія русской церкви.—Іоаннъ, еп. Смоленскій. Охраненіе православной вѣры въ отечествѣ. Прав. Собесѣд. 1858. II.—А. Кистяковскій. О преступленіяхъ противъ вѣры. Наблюдатель. 1882. № 10.—И. Бѣляевъ. Лекціи по исторіи русскаго законодательства. 1879.—А. Лохвицкій. Курсъ русскаго уголовнаго права. 1871.—Я. Сѣверскій. Особенная часть русскаго уголовнаго права. 1892.—А. Берперъ. Учебникъ уголовнаго права. Рус. перев. Н. Нежлудова. 1865—67.—П. Тагавцевъ. Лекціи по русскому уголовному праву.—А. Кистяковскій. Элементарный учебникъ общаго уголовнаго права. 1882.—С. Будзинскій. О преступленіяхъ въ особенности. 1887.

свѣтскаго учительства, оправдываемый только недостаткомъ вѣры и страстію къ умствованію, можетъ подтвердить сказанное. Миссіонерами современнаго общества зачастую являются журналисты, романисты, „вольные пророки“. Это ненормальное явленіе доходитъ до такихъ размѣровъ, что въ религіозныхъ спорахъ иного интеллигентнаго кружка не услышишь другихъ ссылокъ, кромѣ какъ на Хомякова, Достоевскаго, Леонтьева, Соловьева и другихъ, почитаемыхъ за церковный авторитетъ. Возьмемъ еще примѣръ изъ новѣйшаго времени: лжеученіе гр. Л. Толстого. Къ нему обращаются не только взоры, но и сердца очень многихъ. Его встрѣчаютъ не только съ рукоплесканіями, но и съ умиленіемъ, забавнымъ, правда, и даже не разумною и страшною мольбою: „Великій учитель! учи насъ, учи! Графъ, говорите теперь, говорите безъ разсужденій, безъ анализовъ філософскихъ, безъ горькихъ воспоминаній о прошломъ, безъ самобичеванія... Мы готовы васъ слушать“ (какую бы нелѣпость вы ни сказали), „слушать также безъ разсужденій съ своей стороны и исполнять безъ противорѣчій, безъ возраженій, покорно и благоговѣнно. Учи насъ, учи неразумныхъ, великій нашъ учитель“!.. И графъ проповѣдуетъ. Графъ литераторъ, романистъ, творецъ Анны Карениной, великій, по его собственной исповѣди вслухъ всего свѣта, грѣховодникъ, сочиняетъ новое евангеліе! И есть умники и много ихъ, которые новое евангеліе изъ рукъ графа—литератора принимаютъ съ такимъ же умиленіемъ и благоговѣніемъ, какъ и Анну Каренину. Сказали бы мы древнимъ стихомъ: „смѣхъ удержите, друзья“, если бы это не было такъ плачевно, такъ горько для православнаго русскаго сердца, такъ позорно для православнаго русскаго ума. Обаяніе, производимое ересеученіемъ гр. Л. Толстого на современное общество, падкое на отрицаніе религіозныхъ основъ вслѣдствіе своего индифферентизма, позволяетъ намъ сдѣлать еще одно заключеніе. Въ движеніи этомъ, прежде всего, крайне мало религіознаго элемента; оно по преимуществу есть движеніе мечтательное. Оно ищетъ Бога не для того, что-бы стать тѣмъ, чѣмъ указываетъ Богъ, а для того, что-бы закрѣпить и усилить свои желанія, свои требованія отъ жизни. Это ложный приѣмъ въ

рѣшеніи вопросовъ жизни. Онъ самъ по себѣ обнаруживаетъ упадокъ духовной природы людей, впадающихъ въ такую ошибку. Неискаженная духовная природа человѣка ведетъ его къ исканію абсолютной истины, безъ всякаго предписыванія ей прикладныхъ цѣлей. Таково религіозное исканіе. Оно ищетъ Бога въ томъ проявленіи, какое угодно было Ему дать Свою истину, и не позволяетъ себѣ перебирать эти проявленія, одни отбрасывать, другія принимать, обращаться съ текстами Св. Писанія и фактами Божественнаго проявленія, какъ иной адвокатъ обращается съ законами, подтасовывая ихъ по указанію интересовъ кліентовъ. Вотъ этого-то дѣйствительнаго, повелительно-религіознаго чувства и мало у насъ. Тенденціозныя стремленія нашего якобы „религіознаго“ движенія удивительнымъ образомъ совпадаютъ съ господствомъ тенденціозныхъ стремленій въ другихъ отрасляхъ нашихъ духовныхъ и душевныхъ интересовъ. Не та же ли самая неспособность къ чистому исканію истины въ этотъ самый періодъ проявляется у насъ въ отношеніяхъ къ „чистой наукѣ“, чистому искусству“?—На такой-то почвѣ, духовно истощенной, является наше „религіозное“ движеніе, въ которомъ менѣе всего самаго главнаго—вѣры безкорыстной, самоотверженной и болѣе всего, покорной. Что ни вольный пророкъ, то новая вѣра! Всякій смѣетъ представлять себѣ Бога, какъ ему вздумается, какъ будто въ самомъ дѣлѣ Богъ Самъ Себя не показалъ отъ начала жизни рода человѣческаго!

Эти умствованія, всегда безплодныя, составляютъ проявленіе религіозной слѣпоты, отсутствіе чувства вѣры. Если нѣтъ вѣры, непременно приводящей къ церковному единству, тогда неизбежно появляются мечтательныя попытки разсудкомъ найти Бога. Но разсудокъ—способность подчиненная. Если онъ не направляется высшимъ единымъ органомъ религіознаго воспріятія—чувствомъ вѣры, то онъ будетъ направляться низшими стремленіями, которыя безконечно разнообразны. Отсюда — всѣ ереси, „всѣ толки“, всѣ современныя умствованія. Это такой путь исканія истины, который заранѣе предсказываетъ только безкопечное разложеніе, раздробленіе, во всѣхъ проявленіяхъ одинаково безплодное, а потому въ концѣ концовъ

лишь утомляющее и приводящее людей къ ложному убѣжденію, что въ сущности никакой религіозной истины не существуетъ. Конецъ его, въ лучшемъ случаѣ—холодный скептицизмъ, съ одной стороны, и грубый, чувственный мистицизмъ, развратъ нравовъ, съ другой.

Типическія черты религіознаго брожевія въ современномъ образованномъ обществѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія потому, что духъ этотъ чрезвычайно вліятеленъ. Онъ господствуетъ въ прессѣ, въ наукѣ, искусствѣ, проникаетъ и въ промышленность. У него тысячи средствъ вліять на народъ. Эта возможность вліянія нравственно обязываетъ cadaго относиться къ себѣ съ сознаниемъ великой отвѣтственности за свои ошибки. Это такое положеніе, когда ошибающійся губитъ не себя одного, но многихъ другихъ. Дѣйствительно, если предположить, что религіозное движеніе образованнаго общества не выйдетъ на правильную дорожку, то почти вемыслимо надѣяться, чтобы оно не сдѣлалось очагомъ разложенія для чрезвычайно большей части населенія. А это обстоятельство, не мѣшая, конечно, остальной православной части населенія попрежнему оставаться вѣрными чадами истинной церкви, несомнѣнно компрометируетъ будущность потомства. Если бы верхніе слои русскаго общества, столь вліятельные и дѣятельные въ данномъ случаѣ, не отрывали другихъ отъ православія, а наоборотъ, стали бы орудіемъ его укрѣпленія въ странѣ, то трудно себѣ даже представить всѣ великія послѣдствія этого. Церковь, лишняя сознательнаго и вѣрнаго содѣйствія верхнихъ слоевъ уже почти двѣсти лѣтъ, не можетъ воздѣйствовать на всѣхъ такъ всесторонне, какъ это было бы желательно, особенно же при настоящемъ состояніи христіанскаго міра, слабого ввѣшне на Востокѣ, разлагающагося внутри на Западѣ. При такихъ условіяхъ православное развитіе Россіи, какъ цѣлаго, во всѣхъ сторонахъ ея культуры, во всѣхъ учрежденіяхъ и т. д. могло бы имѣть дѣйствительно міровое значеніе. Но для этого необходимо дѣйствительное православіе верхнихъ, образованныхъ слоевъ страны, ибо православный характеръ соціальной жизни достигается не формами, а духомъ, вліяніемъ личностей. Но даже помимо „міровыхъ“ дѣлъ, даже для нашей

собственной, мѣстной и личной жизни вопросъ о дальнѣйшемъ ходѣ нашего религіознаго движенія представляетъ весьма жгучій интересъ. Оставимъ въ покоѣ „міръ“,—но мы сами не можемъ не страдать отъ всего, что ложно и фальшиво въ мысли и настроеніи наиболѣе вліятельныхъ слоевъ нашего общества.

Слѣдуетъ указать еще на популярную идею русскаго „все-человѣчества“. Эта злополучная идея, приглашающая Россію пережить всѣ духовныя болѣзни прочихъ народовъ, „перестрадать“ ихъ заблужденія и потомъ все и всѣхъ привести ко Христу, очень ярко показываетъ смѣсь распущенности и гордости въ нашихъ якобы „религіозныхъ“ стремленіяхъ. Просто позаботиться о своемъ спасеніи—кажется слишкомъ сухо, не интересно. Нужно сначала забраться во всякую грязь, какая только гдѣ нибудь на свѣтѣ найдется, заразиться всѣми грѣхами и потомъ ужъ изъ самой глубины паденія вознестись въ святость, да еще поднять съ собою весь міръ—вотъ что „эффектно“, затрогиваетъ нервы нашего больного интеллигента! Кстати же, пока до святости, идея разрѣшаетъ всякую распущенность, можно и должно всласть вкусить грѣха. Нечего и говорить, что всѣ эти измышленія только губятъ носителей ихъ. Мы теперь видимъ много обрашковъ этихъ „перестрадавшихъ“: типы больные, изломанные, потерявшіе всѣ силы, всякую способность прійти къ духовному равновѣсію. Это путь такой же нелѣпый, какъ если бы мы, желая развить физическое здоровье человѣка, съ этою цѣлью подвергали его всѣмъ заразамъ, предписали ему попеременно пожить въ чумныхъ госпиталяхъ, лихорадочныхъ долинахъ, лепрозныхъ убѣжищахъ и т. д. Конечно, съ такимъ „санитарно-гигіеническимъ“ воспитаніемъ можно получить только хилый, въ конецъ испорченный организмъ.

Какъ же избавится отъ такой заразы? Гдѣ средства направить на истинный путь такое религіозное броженіе?

Для полученія здоровой личности нужно здоровое воспитаніе. Для этого надобно не портить себя, не уродовать до невозможности исправленія, а хранить и развивать здоровье. Надобно искать себѣ спасенія не въ какихъ-либо соціальныхъ формахъ. Нужно духовное развитіе. У насъ есть сѣмена здороваго духовнаго раз-

витія, насажденные Св. Церковью. Ихъ-то и нужно возвращать. Только такимъ путемъ мы можемъ спастись сами и, если намъ это указано, дать примѣръ міру. На этотъ путь должно направиться „религіозное“ движеніе нашего образованнаго общества для того, чтобы изъ него вышло добро, а не зло. Но внутреннихъ силъ для такого здороваго развитія въ этомъ движеніи нѣтъ. Его тенденціи совсѣмъ иныя. Нашему образованному обществу необходимо поэтому искать помощи извнѣ, самостоятельно, добровольно подчинившись оздоравливающему вліянію Церкви, т. е. на первыхъ же шагахъ прислушаться къ наставленію нашихъ пастырей. Это единственный путь, которымъ общество можетъ привести въ порядокъ свои стремленія. Когда жизнь духовная, стремленія вѣры даютъ основной тонъ, все остальное сложится и разовьется правильно. Когда искаженное развитіе перемѣститъ центръ тяжести отъ главнаго во второстепенное, изъ основнаго въ производное, все путается, какъ это мы теперь и видимъ. Для возстановленія правильнаго развитія нашему обществу необходимо воспитаніе чувства вѣры и, стало-быть, отрѣшеніе отъ умствованій, отъ глубоко-ошибочной привычки разсудкомъ „самочинно“ и мечтательно искать религіозной истины. Первый актъ стремленія къ развитію и укрѣпленію чувства вѣры есть скромное обращеніе за наученіемъ туда, гдѣ Господу угодно было Самому показать это, то есть, въ Церковь ¹⁾. Этотъ первый шагъ еще лежитъ предъ нашимъ „религіознымъ“ движеніемъ. Скромное, безхитростное подчиненіе авторитету Церкви есть для общества первый шагъ, безъ сомнѣнія, самый безопасный. Но когда онъ будетъ сдѣланъ, то общество сразу попадетъ въ надлежащую школу духовнаго воспитанія. Все остальное—вопросъ времени и личныхъ способностей. Весь вопросъ и все будущее въ томъ: будетъ ли общество само устраивать свое религіозное развитіе, все глубже и безнадежнѣе его разстраивая, или, бросивъ шатавье, пойдетъ на призывъ Церкви. Пойметъ ли заблуждающееся общество, что его вольные пророки въ общемъ пониманіи законовъ духовной жизни не больше какъ дѣти, въ сравненіи съ носителями вѣковой

¹⁾ 6 всех. соб. 64 пр.

мудрости Церкви? Сохранять ли представители церковной власти въ отношеніи „шатающихся“ свое твердое положеніе, не допуская своей христіанской снисходительности къ „немощи“ доходить до „уступокъ“ и „компромиссовъ“, вредныхъ для самихъ же заблуждающихся? Въ этихъ вопросахъ все будущее общественнаго „религіознаго“ движенія настоящаго времени.

Задача современной богословской мысли состоитъ въ томъ, что-бы провести духъ истинной религіозности во всѣ сферы богато разросшейся на Руси цивилизаціи. Сознаніе такой задачи уже отражается въ трудахъ и направленіи многихъ дѣятелей на поприщѣ духовной литературы и въ нѣкоторыхъ органахъ духовной журналистики.

Но рядомъ съ оживленіемъ богословской мысли обсуждаются и мѣры борьбы съ нашимъ новѣйшимъ сектантствомъ. Главнѣйшую задачу открывшагося 1-го іюля въ Казани третьяго противу-сектантскаго съѣзда составляетъ, какъ извѣстно, обсужденіе вопроса о борьбѣ съ новѣйшими нашими рационалистическими сектами, къ каковымъ принадлежать: штунда, пашковщина (съ толстовщиной) и баптизмъ. Это обстоятельство заставляеть обратить вниманіе на одинъ изъ весьма существенныхъ источниковъ быстраго и повсемѣстнаго распространенія указанныхъ лжеученій,—источникъ, всегда ускользающій почему-то отъ вниманія даже интересующихся сектантствомъ лицъ. Мы, конечно, разумѣемъ интеллигентную пропаганду, являющуюся несомнѣнно главнѣйшимъ источникомъ распространенія у насъ какъ пашковщины и толстовщины, такъ и штундо-баптизма. Какъ справедливо указываетъ одинъ изъ противусектантскихъ дѣятелей, „почва сектантства очень удобна для воздѣйствія интеллигенціи на народную массу. Сектантство темную массу народа дѣлаеть воспримчивою ко всякому вѣроученію, ибо сбиваетъ ее съ историческихъ устоевъ, а этого только и надо всевозможной „интеллигентной пропагандѣ“, давно стремящейся овладѣть міровоззрѣніемъ народа, чтобы расгнать его потугами либеральнаго прогресса“¹⁾. И предыдущій противусектантскій съѣздъ пришелъ къ положительному заклю-

1) В. М. Скворцовъ. О штундизмѣ и мѣрахъ борьбы съ сектой. Кіевъ, 1895 г.

ченію, что „къ условіямъ, благопріятствующимъ развитію штунды, слѣдуетъ отнести усиленную до назойливости пропаганду при помощи брошюръ графа Толстого, Пашкова, фирмы „Посредникъ“ и даже заграничныхъ подпольныхъ листковъ... Сочувствіе интеллигентныхъ слоевъ общества многихъ подкупаетъ умы въ пользу штунды, примиряетъ съ нею колеблющееся чувство и способствуетъ быстрому распространенію и проникновенію ея въглубь православной Руси“ ¹⁾). Нельзя также не обратить вниманія и на дѣятельность у насъ Британскаго библейскаго общества, въ качествѣ агентовъ котораго являются различныя сомнительныя личности и агитаторы изъ „интеллигенціи“. Поэтому надлежитъ прежде всего устранить самый этотъ источникъ, тотъ источникъ, на который не разъ уже указывали и сами противусектантскіе дѣятели, но который, не взирая на то, все-же остается неприкосновеннымъ и, благодаря этому, разрастается.

Но по мѣрѣ того, какъ интеллигентная пропаганда, устная и, главнымъ образомъ, печатная, проникала въ народныя массы, наше рационалистическое сектантство все болѣе и болѣе принимало социально-политическій характеръ. Въ настоящее время ученіе штундо-баптистовъ и пашковцевъ во многомъ стало сродно съ ученіемъ, которое исповѣдуется нашими интеллигентными лжелибералами и конституціоналистами. Путемъ самооправданія и автономіи въ дѣлахъ вѣры договариваются уже и до признанія равенства гражданскаго и социальнаго, до толковъ о „свободѣ“ и „братствѣ“. „Познайте истину, говорятъ сектанты, она васъ освободитъ отъ грѣховъ, отъ постовъ, отъ пановъ, отъ поповъ, отъ браковъ, бѣдности и малоземелья“. Далѣе проводится ученіе о незаконности существованія властей, протестуется противъ присяги, военной службы, судовъ. Вообще отрицательно относясь къ современному нашему социально-политическому строю, сектанты мечтаютъ уже о наступленіи новыхъ формъ жизни, среди нихъ начинаютъ бродить мысли о раздѣлѣ имущества, проявляется тревожное ожиданіе какого-то новаго государственнаго строя. Отрѣшаясь отъ традиціонномъ началъ пра-

¹⁾ См. „Всеподданнѣйшій отчетъ г. Оберъ-прокурора Св. Синода за 1890—91 г., стр. 243.

вославія, сектанты порываютъ всякую связь и съ историческимъ прошлымъ русской народности. Однимъ словомъ, сектанты въ точности вторятъ утопіямъ нашихъ лжелибераловъ и являются вполне достойными учениками ихъ. При помощи интеллигентной пропаганды сектантство, распространившись всюду, приобрѣло характеръ и формы не только анти-церковные, но и противугосударственные. Это-то послѣднее обстоятельство и усугубляетъ, конечно, значеніе такъ называемаго сектанскаго вопроса, нынѣ уже не только религіознаго, церковнаго, но и еще болѣе политическаго, государственнаго. А отсюда ясно, что и борьба съ сектантствомъ, столь озабочивающая въ послѣднее время духовную власть, въ равной же степени должна озабочивать и власть гражданскую, свѣтскую. Борьба должна быть совмѣстная и дружная: только при такомъ условіи и можетъ быть устранена та грозная опасность, какую представляетъ для церкви, общества и государства новѣйшее раціоналистическое сектантство.

Обращаясь теперь къ предмету нашего сочиненія, мы должны согласиться, что тема: „о нравственно-юридической вмѣняемости ересей“ весьма современна и по сущности вопроса имѣетъ важное значеніе въ переживаемое время для современной мысли и современнаго общества. Можно ли представить ересь самой себѣ, или же надобно разсматривать ее, какъ преступленіе, которое необходимо вырвать съ корнемъ и употребить на то карательныя мѣры,—отвѣтъ на эти вопросы дать намъ настоящій очеркъ, къ которому теперь и переходимъ.

II. Наумовъ.

(Продолженіе будетъ).

Свидѣтельства апостольскихъ посланій о существованіи символа вѣры въ вѣкъ апостольскій.

Вопросъ о томъ, есть-ли въ апостольскихъ посланіяхъ какія-либо указанія на существованіе символа вѣры въ вѣкъ апостольскій, рѣшается неодинаково въ богословской литературѣ. Тогда какъ одни изъ богослововъ находятъ въ апостольскихъ посланіяхъ ясныя указанія на символъ,—другіе не видятъ въ приводимыхъ для этой цѣли текстахъ Св. Писанія никакихъ слѣдовъ существованія символа въ вѣкъ апостольскій. Само собою понятно, если-бы, дѣйствительно, не было никакихъ указаній въ посланіяхъ на символъ, то странно было-бы ссылаться на нихъ при защитѣ апостольскаго происхожденія символа, какъ это дѣлаютъ одни изъ богослововъ; а съ другой стороны, и богословы противоположнаго убѣжденія были-бы неправы, если-бы въ посланіяхъ содержались непрерываемыя свидѣтельства въ пользу символа. Уже одно сопоставленіе этихъ двухъ противоположныхъ мнѣній говоритъ за то, что въ апостольскихъ посланіяхъ, хотя дѣйствительно есть мѣста, свидѣтельствующія о существованіи символа въ этотъ ранній періодъ жизни Христовой Церкви; но эти указанія не настолько ясны и опредѣленны, чтобы исключали возможность спора. Въ апостольскихъ посланіяхъ есть только, такъ сказать, мимоходныя замѣчанія о символѣ, или даже лишь намѣки на него, которые иногда поддаются неправильнымъ толкованіямъ въ смыслѣ отрицанія символа.

Приступая къ отысканію и изъясненію тѣхъ мѣстъ изъ апостольскихъ посланій, въ которыхъ можно видѣть указанія на символъ, мы должны предварительно замѣтить, что древняя христіанская Церковь не знала какого-либо спеціальнаго термина для

обозначенія, краткаго и точнаго изложенія своего вѣроученія“. И что теперь у насъ извѣстно съ именемъ символа, не только во времена апостоловъ, но и гораздо позднѣе обозначалось другими названіями, папримѣръ: проповѣдь апостольская, преданіе апостольское *κανὼν τῆς πίστεως* (*regula fidei*)—правило вѣры ¹⁾ и т. д. Поэтому мы напрасно стали-бы искать въ апостольскихъ писаніяхъ такихъ мѣстъ, гдѣ прямо стояло-бы слово „символь“. Въ этихъ посланіяхъ мы можемъ найти лишь такія свидѣтельства, въ которыхъ лишь по смыслу должно видѣть указанія на символъ. Толковники находятъ нѣсколько подобнаго рода мѣстъ. Мы, ихъ можемъ раздѣлить на двѣ группы: къ первой принадлежатъ тѣ, въ которыхъ упоминается объ исповѣданіи вѣры при крещеніи; ко второй тѣ, въ которыхъ говорится о наученіи сообразно съ первоначальнымъ образцомъ вѣры.

I.

Къ первой категоріи должно отнести прежде всего 21 ст. 3 главы изъ 1 посланія ап. Петра. Въ данномъ мѣстѣ рѣчь у апостола о благодатномъ дѣйстви св. крещенія. Нѣкогда во дни Ноя спаслись отъ потопа лишь тѣ немногіе, которые вошли въ ковчегъ, такъ и теперь насъ спасаетъ крещеніе чрезъ воскресеніе Иисуса Христа. Какимъ образомъ,—это поясняетъ апостоль слѣдующими словами:

<p>οὐ σαρκὸς ἀπόθεσις ῥύπου, ἀλλὰ συνειδήσεως ἀγαθῆς ἐπερώτημα εἰς Θεόν.</p>	<p> Не плотскія отложенье свер- ны, но совѣсти благи вопро- шеніе у Бога.</p>
--	--

По смыслу рѣчи, апостоль этими словами хочетъ обозначить существо крещенія, и, чтобы сильнѣе отгѣнить свою мысль, онъ описываетъ крещеніе и отрицательно, и положительно. Объяснимъ сперва смыслъ первой части выраженія, насколько это необходимо для болѣе яснаго пониманія дальнѣйшихъ словъ взятаго стиха, въ которыхъ толковники видятъ собственно указаніе на символъ.

Родительный падежъ „σαρκὸς“ (плотской) почти всѣми толковниками поставляется въ зависимость отъ „ῥύπου“ (нечистоты)

¹⁾ Irin. de haer. Lib. I c. 2. 19; Tertull. de praescr. {haer. c. XIII;} Euseb. Hist., lib. VII, cap. 30.

и разумѣтся нечистота тѣлесная ¹⁾. *Σαρξ* стоитъ на первомъ мѣстѣ; слѣдовательно, апостоль дѣлаетъ на немъ удареніе, желая, такимъ образомъ, противопоставить наружную нечистоту внутренней, объ освобожденіи отъ которой и говоритъ затѣмъ. Сущность крещенія, по апостолу, составляетъ не омытіе отъ плотской нечистоты, а совѣсти благой вопрошеніе у Бога. Для объясненія этого выраженія, обратимся къ филологическому разбору его.

Прежде всего, чтó значить слово „ἐπερωτήματα“ (вопрошеніе)?— Гофманъ и Визингеръ повимають „ἐπερωτήματα“, какъ „испрошеніе“, „просьбу“, разумѣя здѣсь, такимъ образомъ, просьбу о полученіи доброй совѣсти ²⁾; но чрезъ это, какъ замѣчаетъ Мейеръ, вводится въ это слово чуждое понятіе ³⁾. Другіе толковники (напр. Винеръ) „ἐπερωτήματα“ объясняютъ въ смыслѣ „исканія“. Съ такимъ значеніемъ это слово употреблено, напр., у Исаи (65 гл. 1-омъ ст.), гдѣ ἐπερωτᾶν Θεοῦ равносильно выраженію ζητεῖν Θεοῦ (искать Бога ⁴⁾). Дѣйстви- тельно, ἐπερωτᾶν можетъ иногда соотвѣтствовать ζητεῖν; но это значеніе слова ἐπερωτᾶν не первоначальное, а главное при такомъ объясненіи искажается смыслъ предлога εἰς, который собственно значить „въ“, „къ“, иногда „для“, вообще—то же, что латин. „in“, и никогда не можетъ быть переданъ какъ „de“ („о“, „у“). Нѣкоторые толковники, наконецъ, думали, что „ἐπερωτήματα“ употреблено въ данномъ мѣстѣ у ап. Петра какъ юридическій терминъ. Такъ Минъ считалъ ἐπερωτήματα равно- сильнымъ выраженію *Stipulatio*. Каковымъ словомъ (т. е. *Stipulatio*), говоритъ Гангей, правовѣды обозначали извѣ- стную формулу словъ, когда на вопросъ отвѣчали словами вопроса-же, напр.: *promittis?—promitto; dabis?—dabo* (т. е. обѣщаешь?—обѣщаю; дашь?—дамъ ⁵⁾). При этомъ объясне-

¹⁾ Бенгелъ считаетъ *σαρξ* род. субъективнымъ при ἀπόθεσις, приписывая такимъ образомъ плоти сложеніе нечистоты; мысль въ сущности та же. См. у Мейера. *Kritisch exeget. Handb. über den I Brieff des Petrus* Bearb. Huter. 1859. s. 150.

²⁾ *Die heilige Schrist neuen Testam. von k. Hofman. Teil VII. 1874. S. 187.*

³⁾ *Krit. Exeg. Handb. über den I Brief des Petrus. von Hein. Meyer. Bearbeitet von Huter. Göttingen. 1859 г. S. 151.*

⁴⁾ *Ibid. p. 151.*

⁵⁾ *Scripturae sacrae cursus complexus. t. II. in. ep. I Pet. com. p. 721.*

ни получается такая мысль: вопрошеніе въ крещеніи есть какъ-бы нѣкоторое обѣщаніе, ибо крещающій спрашиваетъ: вѣришь-ли, и крещаемый отвѣчаетъ: вѣрую и т. д.; и самое крещеніе есть въ нѣкоторомъ смыслѣ торжественный договоръ, въ которомъ Богъ предлагаетъ свою милость, а человѣкъ (его совѣсть) обязуется вѣрить въ оставленіе грѣховъ и слѣдовать Богу. Этому толкованію, повидимому, благопріятствуетъ и нашъ русскій текстъ посланія. Однако принять его всецѣло трудно. Дѣло въ томъ, что при этомъ объясненіи обѣщаніе исходитъ отъ доброй совѣсти, или дается на основаніи доброй совѣсти; но у того, кто приступаетъ къ крещенію, и не можетъ быть доброй совѣсти: его совѣсть порочна (Евр. 10. 2; 19, 14); слѣдовательно, крещаемый нуждается еще въ приобрѣтеніи доброй совѣсти чрезъ прощеніе грѣховъ, которое подается въ крещеніи. Кромѣ того, и „stipulatio“ не выражаетъ вполне значенія „ἐπερωτήμα“ (interrogatio). Последнее можетъ быть только вопросомъ, который обращаетъ заключающій договоръ къ тому, кто долженъ вступить въ договоръ. Но всему этому гораздо лучше принять „ἐπερωτήμα“ съ тѣмъ-же значеніемъ, съ какимъ оно передается и въ наиболѣе авторитетныхъ переводахъ: Вульгаты—„interrogatio“ и въ нашемъ славянскомъ—„вопрошеніе“.

Συνειδήσεως ἀγαθῆς обыкновенно передается: „доброй совѣсти“; но въ этомъ случаѣ неудобно согласуется съ „συνειδήσεως“ выраженіе: εἰς Θεόν (у Бога). Въ виду этого, нѣкоторые толковники принимаютъ здѣсь „συνειδήσεως“ въ иномъ значеніи, а именно въ смыслѣ „сознанія“, „засвидѣтельствованія“; каковое значеніе оно дѣйствительно можетъ имѣть ¹⁾.

Если согласиться съ указаннымъ объясненіемъ, то получится такая мысль: „вопрошеніе добраго сознанія въ отношеніи къ Богу, или что то же „вопрошеніе истинной вѣры въ Бога“. При такомъ пониманіи этого мѣста, здѣсь можно будетъ видѣть указаніе на тѣ вопросы, которые катехеты предлагали оглашеннымъ, и на которые послѣдніе обыкновенно отвѣчали изложеніемъ вѣры, какъ это можно видѣть отчасти уже изъ факта крещенія ап. Филиппомъ евнуха царицы Кандакіи (Дѣян. 8.

¹⁾ См. греко-рус. словарь, изд. департ. народ. просвѣщ. Москва. 1848 г. ч. 2, стр. 646.

37). Такимъ обр. апостоль, желая обозначить духовный характеръ крещенія, для краткости упоминаетъ лишь о вопросахъ крещающаго, такъ какъ они предшествуютъ отвѣту крещаемого и предполагаютъ его. Потому-то Тертуллианъ называетъ ихъ „вопросеніемъ спасенія“, хотя спасительнымъ былъ собственно не вопросъ, а отвѣтъ, потому что послѣ него не оставалось препятствія для полученія благодати крещенія. Итакъ, несомнѣнно, въ данномъ мѣстѣ посланія св. Петра содержится указаніе на исповѣданіе вѣры, которое должны были давать оглашенные при крещеніи.

Но что это было за исповѣданіе, здѣсь о томъ ясно не говорится: было-ли это точно формулированное ученіе о главныхъ христіанскихъ истинахъ, или же это было простое выраженіе вѣры въ Иисуса Христа, какъ Сына Божія, подобное, напр., тому, какое далъ ап. Петръ на пути въ Кесарію Филиппову (Мѡ. 16. 16)? Очевидно, что это мѣсто получить свое надлежащее значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда изъ другихъ источниковъ будетъ извѣстно, что символъ существовалъ въ вѣкъ апостольскій и читался при крещеніи.

Здѣсь мы вступаемъ на тотъ пунктъ, изслѣдованіе котораго представляетъ нѣкоторый просторъ для субъективнаго пониманія толкователя фантазіи и оттого приводитъ не къ одинаковымъ результатамъ. Тѣмъ не менѣе справедливость требуетъ склониться въ пользу положительнаго существованія символа въ вѣкъ апостольскій. Дѣло въ томъ, что отрицающіе существованіе подобнаго символа не указываютъ ни одного такого основанія, которое хотя-бы намекало на то, что символъ при крещеніи не читался и что его не было. Но выводить отрицательное мнѣніе, какъ это обыкновенно дѣлается, изъ того лишь одного, что нѣтъ вполне достаточныхъ данныхъ для положительнаго рѣшенія вопроса объ апостольскомъ происхожденіи символа, не основательно. Между тѣмъ въ защиту апостольскаго происхожденія символа вѣры можно привести нѣкоторыя соображенія.

Такъ, уже обыкновенныя требованія разума заставляютъ предположить существованіе символа въ то раннее христіанское время. Въ самомъ дѣлѣ, что такое символъ?—это есть краткое, однако, по возможности, точное изложеніе сущности христіан-

ской вѣры. Само собою повятно, что апостолы, при распространеніи евангелія, учили народъ истинамъ вѣры, смотря по обстоятельствамъ, съ большею или меньшею подробностію. Когда-же потомъ нѣкоторые изъ народа изъявляли желаніе вступить въ Церковь Христову, то они должны были при крещеніи засвидѣтельствовать свою вѣру (Мѡ. 28. 19) и, конечно, не иначе, какъ повторивши сущность всего того, чему научилъ ихъ проповѣдникъ. Чтобы оглашенные могли точпѣе и короче излагать главныя положенія принимаемой ими вѣры, апостоламъ лучше всего было самимъ преподать имъ такой образецъ вѣры (символь), которымъ-бы обнимались главныя христіанскія истины, потому что оглашенные едва-ли на первыхъ порахъ въ состояніи были дѣлать это сами. Правда, въ тѣхъ мѣстахъ св. Писанія, гдѣ мы встрѣчаемся съ фактами крещенія апостолами новообращенныхъ, мы не находимъ болѣе или менѣе полного символа вѣры; но на это нужно замѣтить, что св. Писаніе, вообще, весьма рѣдко повѣствуетъ о событіяхъ подробно. Поэтому, разсуждаетъ бл. Августинъ, „хотя при крещеніи, на примѣръ, евнуха упоминается объ одномъ только членѣ вѣры, именно, что Христосъ есть Сынъ Божій, однако въ семь исповѣданій разумѣлось все то, о чемъ въ св. Писаніи умолчано для краткости, и что однако же дополняется при крещеніи по преданію“ ¹⁾.

Предположеніе существованія символа въ вѣкъ апостольскій находить для себя нѣкоторое подтвержденіе и въ слѣдующемъ аналогичномъ фактѣ. Извѣстно, что въ первенствующей Церкви обиліе благодатныхъ даровъ изливалось между прочимъ въ совершенно свободныхъ молитвахъ; пророки при богослуженіи могли произносить какія угодно молитвы. Не смотря на то, „Ученіе 12 апостоловъ“ заповѣдуетъ держаться той формы молитвъ, въ какой онѣ записаны въ упомянутой книгѣ ²⁾. И замѣчательно, что молитвы, помѣщенные въ новооткрытомъ памятникѣ, судя по ихъ содержанію, принадлежать не автору этого произведенія, а, по всей вѣроятности, происходятъ отъ времени апостольскаго. Точно также въ отрывкѣ изъ 1-го

1) Augustin. De fide et de gestis: cap. IX. (Лейпц.).

2) См. Das apostolische Symbolum. von Theod. Zahn. Leipg. 1893. 39.

посланія Климента есть древнѣйшая молитва церкви, которую, однако, сопоставивши съ іудейскими и христіанскими формулами молитвъ, нельзя считать за вполнѣ свободное произведеніе составителя посланія ¹⁾. Все это показываетъ, что уже въ весьма ранній періодъ времени литургическія формы получили свою опредѣленность. Но если такъ случилось съ богослужебными молитвами, то тѣмъ скорѣе должно было получить опредѣленный видъ исповѣданіе вѣры при крещеніи, такъ какъ въ символѣ была настоящая нужда и для насомыхъ, и для пастырей: для первыхъ потому, что здѣсь они почерпали необходимое для себя знаніе главныхъ истинъ христіанской вѣры въ краткой и доступной для всякаго формѣ, для вторыхъ-же символъ былъ нуженъ, какъ руководительный принципъ въ борьбѣ съ ложными вѣрованіями.

Потому-то отцы и писатели первыхъ вѣковъ, когда касаются символа, всегда предполагаютъ апостольское происхожденіе его. Такъ Иринеи и Тертуліанъ, излагая содержаніе разныхъ формъ символа указываютъ на нихъ не какъ на что-либо новое, на ихъ памяти получившее свое начало, а какъ на преданіе апостольское, какъ на проповѣдь апостольскую ²⁾, какъ на „правило вѣры, которое церковь получила отъ апостоловъ ³⁾. Всѣ подобныя свидѣтельства тѣмъ болѣе замѣчательны, что они не имѣютъ ни одного противоположнаго указанія писателей того времени; и это значитъ, что первенствующіе христіане не сомнѣвались въ апостольскомъ происхожденіи символа. Слѣдовательно, преданіе объ этомъ было слишкомъ еще живо и вѣрно.

Итакъ, по всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, мы должны сказать, что символъ уже существовалъ въ вѣкъ апостольской и читался при крещеніи ⁴⁾. Если же такъ, то и въ разбираемыхъ словахъ ап. Петра указывается на символъ-же.

¹⁾ Ibid.

²⁾ Чельцовъ. Древ. формы сив. вѣры пр. цер. С.-Пет. 1869 г. стр. 15.

³⁾ Tertull. De praesc. haer. cap. XIII.

⁴⁾ Хотя конечно этихъ символовъ было нѣсколько: по крайней мѣрѣ, каждый изъ апостоловъ, нужно думать, оставлялъ свой символъ въ основанныхъ имъ церквахъ. Мнѣніе (католиковъ), что символъ ап. былъ одинъ только, и онъ составленъ апостолами предъ отиращеніемъ ихъ на проповѣдь, не удерживаетъ критика.

Другое указаніе на символъ вѣры толковники усматриваютъ въ 12 ст. 6 гл. 1 посланія къ Тимоѳею, въ словахъ:

<p>ἐπιλαβῶν τῆς αἰωνίου ἑξῆς, εἰς ἣν καὶ ἐκλήθης, καὶ ὡμολόγησας τὴν καλὴν ὁμολογίαν ἐνώπιον πολ- λῶν μαρτύρων.</p>	<p>Емлися за вѣчную жизнь, въ нужде званъ былъ еси, и испо- вѣдалъ еси доброе исповѣда- ніе предъ многими свидѣтели.</p>
---	--

Мѣсто это совершенно сходно по характеру съ первымъ, и потому особыхъ для себя разсужденій не требуетъ, если только мы докажемъ, что рѣчь здѣсь у апостола идетъ объ исповѣданіи вѣры Тимоѳеемъ при крещеніи. Толковники обыкновенно насчитываютъ три случая, когда св. Тимоѳей могъ дать доброе исповѣданіе: во-первыхъ, это могло быть при вступленіи Тимоѳея въ церковь Христову, во-вторыхъ, при рукоположеніи и, наконецъ въ третьихъ, при столкновеніи его съ врагами церкви.

Принять послѣднее мнѣніе едва-ли возможно. Тимоѳей тогда былъ еще очень молодъ и, трудно предположить, чтобы онъ уже къ этому времени успѣлъ засвидѣтельствовать на дѣлѣ свою вѣру. Да и самое выраженіе: „исповѣдалъ исповѣданіе“, по мнѣнію Ольсгаузера ¹⁾, было-бы неудобнымъ при такомъ объясненіи этого мѣста. Къ еще менѣе можно согласиться съ тѣмъ предположеніемъ нѣкоторыхъ, главнымъ образомъ протестантскихъ богослововъ, по которому исповѣданіе Тимоѳея приурочивается къ тому-же событію, о какомъ упоминается въ 18 ст. 1 главы и 14 ст. 4 гл. 1-го же посланія къ Тимоѳею и 6 ст. 1 гл. 2 Тим. ²⁾. Главное основаніе для отрицанія такого мнѣнія заключается въ томъ, что защитники его не приводятъ въ свою пользу почти никакихъ соображеній и тѣмъ болѣе такихъ, которыя давали бы ему перевѣсъ надъ другими. А сопоставлять и даже поставлять въ связь 12 ст. 6 гл. съ 18 ст. 1 гл., по меньшей мѣрѣ, натянуто и произвольно. Можетъ быть, въ виду этого, и преосв. Теофанъ считаетъ приведенное

1) Die Brief des Ap. Paulus an Timoth... Von H. Olshausen. Fortgesetzt von Aug. Ebrard und Aug. Wiesinger. Königsberg. 1850. s. 549.

2) Вотъ эти мѣста св. Писанія: а) *Сие заповѣщаніе предаю ти, чадо Тимоѳее, по бывшихъ на тя прежде пророчествійхъ, да воинствоуеши въ нихъ доброе воинство.* б) *Не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священства.* в) *Вспоминаю тебѣ взръвати даръ Божій живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею.*

мнѣніе наименѣе умѣстнымъ при изъясненіи разбираемаго стиха ¹⁾. Что-же касается древнихъ толковниковъ, то они даже не упоминаютъ о немъ.

Насколько несостоятельною представляется защита 2-хъ упомянутыхъ случаевъ для исповѣданія Тимоѳея; настолько-же, напротивъ, основательнымъ выступаетъ то мнѣніе, которое видитъ въ словахъ апостола мысль объ исповѣданіи вѣры Тимоѳеемъ при крещеніи. Подтвержденіе высказанному положенію уже можно находить въ предшествующемъ выраженіи: „званъ былъ еси“. Правда, Лянге считаетъ неудобнымъ поставлять „исповѣдалъ“ въ ближайшую связь въ нюже, такъ какъ въ этомъ случаѣ получилась-бы очень произвольная конструкція, и потому онъ рассматриваетъ разбираемые слова апостола, какъ самостоятельную прибавку ²⁾. Однако и не дѣлая этой натянутой связи (конструкціи), во избѣжаніе которой Ланге отдѣляетъ выраженіе: „исповѣдалъ еси доброе исповѣданіе“... отъ предшествующей рѣчи, можно понимать оба разбираемые предложенія въ тѣсной связи между собою, на что указываетъ уже союзъ „καί“, употребляющійся обыкновенно для соединенія двухъ словъ или фразъ. Но выраженіе: τῆς αἰωνίου ζωῆς (емлися за вѣчную жизнь) находится въ такой связи, что можетъ переходить въ одно съ предметомъ отношенія ³⁾, и показываетъ, что и въ дальнѣйшихъ словахъ апостола, непосредственно примыкающихъ къ этимъ, продолжается рѣчь о томъ-же фактѣ призванія Тимоѳея къ вѣчной жизни. Намѣкъ на то же заключеніе даетъ отчасти и книга Дѣяній св. апостоловъ (16, 2), гдѣ замѣчается, что вѣрующіе рекомендовали ап. Павлу Тимоѳея, какъ исповѣдававшаго вѣру ⁴⁾. Наконецъ, исповѣданіе вѣры Тимоѳея называется добрымъ въ противоположность, очевидно, всякому другому. Это уже прямо наводитъ на мысль, что апостольскій разумѣетъ здѣсь определенное исповѣданіе, извѣстное какъ доброе. Правда, на это можно возразить, что исповѣданіе при крещеніи произно-

¹⁾ Толков. пастыр. посл. ап. Павла. Москв. 1882. стр. 401.

²⁾ Theolog.—homilet. Bibel.—Die Heilige Schrist alten und neuen Testam. mit Ruckl. auf das theol.—homil. des pastoralen amtes I. P. Lang. 1864. 76.

³⁾ Die heilige Schr. n. Testam. Von Hofman. t. VI. 1874. 194—195.

⁴⁾ Толк. пастыр. посл. ап. Павла, еп. Теофана, стр. 401.

силось и другими вѣрующими и, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи Тимоеей не заслуживаль-бы особой похвалы отъ апостола; но приведенное возраженіе само собою падаетъ, если мы вспомнимъ. для чего апостоль напоминаетъ Тимоеею объ этомъ фактѣ. Увѣщавая Тимоею подвизаться на поприщѣ благочестія, чтобы достигнуть вѣчной жизни, апостоль замѣчаетъ, что иначе онъ поставилъ-бы себя въ противорѣчіе съ тѣмъ „добрымъ исповѣданіемъ“, которое онъ такъ торжественно, при „многихъ свидѣтеляхъ“, произнесъ при своемъ призваніи. Это мнѣніе раздѣляютъ и древніе авторитетные толковники. Такъ, Св. Златоустъ замѣчаетъ при объясненіи разбираемаго выраженія, что „апостоль приводитъ ему (Тимоеею) на память оглашеніе“ ¹⁾. Точно также и, по мысли бл. Теофилакта, апостоль говоритъ здѣсь „объ исповѣданіи, бывающемъ при крещеніи“ ²⁾. Но хотя указанные толковники не отрицаютъ и другаго пониманія, по которому въ данномъ мѣстѣ разумѣется исповѣданіе вѣры предъ врагами, во Экуменій, подобно новѣйшему Гофману ³⁾, видитъ въ I посл. Тим. 6 гл. 12 ст. указаніе только „на исповѣданіе при крещеніи“ ⁴⁾.

Къ разряду приведенныхъ указаній на символъ вѣры изъ апостольскихъ посланій нѣкоторые толковники относятъ съ V гл. 12 ст. по 1 ст. VI гл. посланія къ Евреямъ. Въ этомъ мѣстѣ апостоль Павелъ упрекаетъ читателей посланія за ихъ медленное развитіе во Христѣ, за то, что они до сихъ поръ еще нуждаются въ молокѣ изъ ученія Христова, хотя, судя по времени, имъ надлежало уже перейти къ твердой пищѣ, быть учительными въ словѣ правды, а не „младенцами“. Итакъ, заключаетъ свою рѣчь апостоль, оставивъ „начатки вѣры“, поспѣшимъ къ совершенству. Толковники обыкновенно согласны между собою въ томъ, что подъ „начатками ученія Христова“

1) Sanc. patr. nost. Ioan. Chrysost. Opera omn. Bern. De Montfauc. 1734. t. XI. p. 650.

2) Theophylact. Arch. Bulg. in D. Pauli epist. comm. London. 1636. p. 792.

3) Die heil. Schr. neuen. Test. t. VI. 194--195.

4) Oecumen. oper. t. II. Parisiis 1631 in epist. ad. Thim. p. 247. Можно еще пожалуй, упомянуть о Св. Ефремѣ, который производитъ отъ примѣра Св. Тим. обычай читать символъ при крещеніи публично („предъ многими свидѣтели“), давалъ так. обр. ясно понять, какого рода исповѣданіе онъ разумѣетъ здѣсь (О покаян. гл. 5).

нужно разумѣть основные принципы христіанской вѣры, которые составляютъ фундаментъ ея, и, какъ такіе, сообщаются всякому желающему вступить въ церковь Христову, т. е. оглашеннымъ. Что апостоль, дѣйствительно, ведетъ здѣсь рѣчь о главныхъ началахъ христіанства, которымъ научаются вѣрующіе при крещеніи, въ этомъ убѣждаютъ насъ слова 1-го стиха (V гл.): „не станемъ снова полагать основаніе обращенію отъ мертвыхъ дѣлъ и вѣрѣ въ Бога“. Подъ „обращеніемъ отъ мертвыхъ дѣлъ“ въ настоящемъ случаѣ, несомнѣнно, разумѣется начальное покаяніе, когда человѣкъ оставляетъ тьму язычества и изъявляетъ готовность вступить въ христіанское общество, а подъ вѣрою въ Бога принятіе новой вѣры, въ связи съ предыдущимъ—принятіе въ формѣ „начатковъ ученія Христова“, „исповѣданія символа, которое давали приступающіе къ крещенію ¹⁾).

II.

Ко второй группѣ мы должны отнести прежде всего 6 ст. 12 гл. посланія св. Павла къ Римлянамъ. Разсуждая о различныхъ дарованіяхъ, по благодати свойственныхъ вѣрующимъ и о правильномъ пользованіи ими, Апостоль между прочимъ замѣчаетъ: если кто имѣетъ пророчество, пусть пророчествуетъ *по мѣрѣ вѣры*,—*κατὰ τὴν ἀναλογίαν τῆς πίστεως*.

Прежде всего разъяснимъ понятіе „пророчества“,—что подъ нимъ разумѣется въ новозавѣтныхъ Писаніяхъ?—Изъ сопоставленія разныхъ мѣстъ ветхаго завѣта можно видѣть, что до пришествія Мессіи пророками назывались особые избранники Божіи, люди, воодушевленные сильною вѣрою и любовію къ Богу, обязанность которыхъ по отношенію къ народу состояла въ томъ, чтобы учить его истинамъ богооткровенной вѣры, возвѣщая иногда, смотря по надобности, о такихъ событіяхъ, исполненіе которыхъ относилось къ далекому будущему. Последняго рода дѣятельность для пророковъ ветхозавѣтныхъ была необходима въ виду того, что все служеніе ихъ имѣло своею цѣлію постепенное подготовленіе избраннаго народа къ принятію Искупителя. Въ новомъ завѣтѣ не стало такой нужды возвѣщать о будущихъ событіяхъ міра, потому что это не при-

¹⁾ Synopsis critic. aliorumque sacrae script: interpet. et. comment. a Matth. Polo. Vol. V, p. 1284.

носило-бы особой пользы людямъ, а насколько нужно было созерцаніе отдаленныхъ судебъ Церкви и міра, настолько оно открыто было имъ Самимъ Основателемъ Церкви, или-же Его апостолами. Тѣмъ не менѣе служеніе пророческое на первыхъ порахъ и въ новозавѣтной церкви продолжалось. Какая-же могла быть теперь обязанность пророковъ? Разъясненіе этого вопроса мы можемъ найти въ 14 главѣ 1-го посл. къ Коринѳянамъ. Тамъ апост. Павелъ убѣждаетъ вѣрующихъ, чтобы они изъ всѣхъ духовныхъ дарованій особенно заботились о пріобрѣтеніи дара пророческаго и, объясняя почему они такъ должны поступать, указываетъ, что сущность пророческаго служенія состоитъ въ томъ, чтобы изъяснять то, о чемъ прикровенно сообщаютъ имѣющіе даръ языковъ и, вообще, назидать вѣрующихъ, разъясняя имъ тайны царствія Божія (2 ст.). Конечно и новозавѣтные пророки иногда предсказывали будущее, какъ напр., пророкъ Агавъ предсказалъ голодъ въ Антиохіи, а цѣлый сонмъ пророковъ—узы апостолу Павлу, (Дѣян. XI, 28) ¹⁾, но изъ самаго повѣствованія объ этихъ событіяхъ можно видѣть, что предсказанія будущаго выходили изъ устъ пророковъ въ исключительныхъ лишь случаяхъ, и ни въ какомъ разѣ не составляли главной ихъ обязанности ²⁾.

Высказанныя сужденія убѣждаютъ насъ въ томъ, что и въ разбираемомъ мѣстѣ изъ посланія къ Римлянамъ ап. Павелъ говоритъ о пророчествѣ въ смыслѣ простаго вѣдѣнія, а не прозрѣнія будущаго. Да если-бы тутъ рѣчь шла о предсказываніи будущаго, а не о дарѣ учительства, то едва-ли апостоль сталъ-бы давать какія либо предписанія на этотъ счетъ, и тѣмъ болѣе опредѣлять даже мѣру пророчества. Въ послѣднемъ случаѣ все зависитъ отъ воли Божіей, такъ что пророкъ открываетъ лишь то, что ему открыто и такъ, какъ открыто. Мысль апостола становится понятною и естественною только тогда, когда мы предположимъ, что онъ рассуждаетъ здѣсь о дарѣ истолкованія всего, что касается ученія, утѣшенія и утвержденія и что служить на пользу Церкви (1 Кор. 14. 13), такъ какъ въ этомъ случаѣ дѣйствительно необходимо имѣть извѣ-

1) Даръ пророчества могъ выражаться, кромѣ того, въ молитвахъ и гимнахъ.

2) Тѣмъ не менѣе при такомъ пониманіи пророки нуждались въ особыхъ благодатныхъ дарахъ, чтобы глубже проникать въ тайны божественныхъ дѣлъ.

ственное руководительное начало, чтобы не уклониться отъ праваго ученія, свою мысль не принять за мысль божественную.

Какъ теперь понимать выраженіе: „κατὰ τὴν ἀναλογίαν τῆς πίστεως (по мѣрѣ вѣры)?—Объяснимъ сперва, въ какомъ смыслѣ употреблено слово „вѣра“. Древніе толковники (св. Златоустъ, бл. Теодоритъ) разумѣли здѣсь вѣру субъективную и слова „κατὰ τὴν ἀναλογίαν“ относили къ полученію дара пророчества по мѣрѣ личной вѣры пророчествующаго. Но обыкновенно толковники считаютъ здѣсь рѣчь апостола усѣченною ¹⁾ и распространяютъ ее такъ: „имѣешь-ли пророчество, пророчествуй, по мѣрѣ вѣры. При такомъ дополненіи странно было-бы думать, что рѣчь здѣсь идетъ о полученіи пророчества по мѣрѣ вѣры, такъ какъ въ этомъ случаѣ апостолу слѣдовало бы сказать: „имѣешь-ли ты пророчество по мѣрѣ вѣры, пророчествуй“. Согласиться съ указаннымъ мнѣніемъ тѣмъ болѣе трудно, что связь между силою вѣры и пророчествомъ настолько естественна, что едвали апостоль сталъ бы о ней говорить: это само собою предполагается. Если кому подается пророчество, то, конечно, въ той степени, въ какой способна воспринять этотъ даръ его вѣра. Съ другой стороны, пророчество не необходимо соединяется съ личною вѣрою: многіе имѣютъ большую вѣру, однако этого дара лишены. Очевидно, что апостоль не о томъ учить римскихъ христіанъ, какимъ образомъ приобрѣтается даръ пророчества, но какъ должно имъ пользоваться, и подѣ вѣрою разумѣть вѣру объективную. Вѣра же, понимаемая въ этомъ смыслѣ, можетъ быть опредѣлена „какъ вѣроученіе“, какъ совокупность догматовъ—символь ²⁾. Мысль эта тѣмъ съ большею необходимостію будетъ слѣдовать изъ словъ апостола, если мы примемъ во вниманіе, что выраженіе „ἀναλογία“ иногда употребляется въ смыслѣ слова „καὶν“, какъ „поставленіе“, „опредѣленіе“ ³⁾. Отсюда выраженіе „ἀναλογία τῆς πίστεως“ равносильно выраженію „καὶν τῆς πίστεως“. А этимъ именемъ у церковныхъ писателей часто обозначается, дѣйствительно, символъ вѣры ⁴⁾.

¹⁾ Преосв. Теофанъ: толков. на посл. къ Римл. Москв. 1879 г. стр. 201 Matth. Pol.: Synops. crit. alior. sacr. script. interp. et comm. v. V. p. 269.

²⁾ Еп. Теофанъ. Толк. на посл. къ Римл. стр. 203.

³⁾ Matth. Pol. „Syn. crit.“ p. 269.

⁴⁾ Tertul. de praescr. Cap. XIII (regula fidei); Trip. de haer. Lib. I cap. II.

Послѣ всѣхъ приведенныхъ разъясненій становится понятною мысль апостола. Св. Павелъ даетъ наставленіе христіанскимъ пророкамъ относительно границъ въ пользованіи своимъ даромъ: пророки должны изъяснять тайны „божественныхъ дѣлъ“ сообразно съ *καὶ τῆς πίστεως*, въ согласіи съ основными началами христіанской вѣры—символомъ вѣры. Такъ понимаютъ это мѣсто, кромѣ преосв. Теофана, многіе западные толковники, напр.: Беда, Пареусъ ¹⁾).

Указаніе на символъ вѣры, подобное только что разобранному изъ посланія къ Римлянамъ, мы находимъ и во 2 посланіи къ Тимоѳею (1. 13), въ слѣдующихъ словахъ:

<p>„ὁποῦτως ἐχε ὑγαίνόντων λόγων οὖν παρ' ἐμοῦ ἤκουσας ἐν πίστει καὶ ἀγάπῃ τῇ ἐν Χριστῷ Ἰησοῦ“.</p>	<p>„Образъ имѣй здравыхъ словесъ, иже отъ мене слышалъ еси, въ вѣрѣ и любви, яже о Хри- стѣ Иисусѣ“.</p>
---	--

Для насъ важна первая половина этого стиха. Слово *ὁποῦτως* (образъ) у Квинтиллиана употребляется для обозначенія риторической фигуры, которая кратко и живо изображаетъ существо предмета ²⁾. Гердеръ, Шрадеръ разумѣютъ подъ „ὁποῦτως“ письменный образчикъ. Ольсгаузенъ, не соглашаясь съ послѣдняго рода мнѣніемъ, потому что въ такомъ случаѣ трудно было-бы объяснить употребленіе глагола „ἤκουσας“ (слышалъ), принимаетъ „ὁποῦτως“ въ смыслѣ „нормы“, „образца“ ³⁾. Про письменное-ли здѣсь изложеніе здравыхъ словесъ говоритъ апостоль или про устное—для насъ почти безразлично,—для насъ важно лишь то, что всѣ толковники разумѣютъ подъ „ὁποῦτως“ образецъ и тѣмъ наводятъ на мысль, что у апостола рѣчь идетъ о какомъ-то образцѣ христіанскаго вѣроученія, а не о всемъ, вообще, вѣроученіи. Такъ какъ *ὁποῦτως* стоитъ на первомъ мѣстѣ и, слѣдовательно, имѣетъ на себѣ логическое удареніе, то можно думать, что апостоль особенно настаиваетъ на мысли, чтобы Тимоѳей хранилъ этотъ образецъ вѣры. Уже вполнѣ окончивши свою рѣчь, онъ еще разъ напоминаетъ Тимоѳею о томъ ⁴⁾, что особенно важно должно

¹⁾ У Matth. Pol. Syn. crit. pag. 270. ²⁾ См. Хр. чт. 1862 г. ч. I стр. 161.

³⁾ Olshausen. for. august. Ebrard and Vessenger. 1850 г. S. 609. Die Briefe des Ap. Paulus an Titus. Timoth.

⁴⁾ Ст. 13 и 14 составляютъ приложение къ предыдущему разсужденію Св. Павла. См. Тол. Ел. Теофана пастыр. посл. стр. 459.

быть для него, какъ-бы такъ говоря: главное держись образца, даннаго мною тебѣ, чтобы не увлечься ложными мыслями и не испортить своей проповѣди, храни его, какъ-бы въ нѣкоторомъ сосудѣ, въ вѣрѣ и любви. Изъ такого хода рѣчи апостола, уже само собою открывается, что Св. Павелъ разумѣлъ подѣ „*ὁποῦτος ὑγιαίνουσιν λόγους*“ „*καὶ τῆς πίστεως*“, символъ вѣры; иначе ему не было-бы нужды въ такомъ оборотѣ „образъ имѣй здравыхъ словесъ“. Если-бы апостоль имѣлъ въ виду все, вообще, христіанское ученіе, преподанное имъ Тимоѳею, то для него естественнѣе было-бы сказать: „сохрани здравыя слова, какъ онѣ дѣйствительно и выражается затѣмъ въ слѣдующемъ стихѣ: „доброе завѣщаніе соблюди“ (14).

Такъ понимаетъ это мѣсто и Св. Златоустъ. Правда, онъ не говоритъ прямо, что апостоль ведетъ здѣсь рѣчь о символѣ вѣры, но онъ обозначаетъ выраженіе взятаго стиха такими словами, которые слишкомъ близко подходятъ къ термину „символь“. Апостоль, по Златоусту, какъ-бы такъ говоритъ Тимоѳею: „я далъ тебѣ нѣкоторое правило (*καὶ νόμος*), первообразъ (*ἀρχετύπον*) и опредѣленіе (*ἄρα*) вѣры; держись его и, если возникнутъ недоразумѣнія о вѣрѣ, сообразуйся съ нимъ и принимай его за образецъ ¹⁾. Всѣ эти имена на самомъ дѣлѣ приписываются отцами символу вѣры ²⁾.

Мало этого: если мы сопоставимъ латинскій переводъ разбираемаго стиха съ названіемъ символа вѣры у латинянъ, то увидимъ, что „*formula fidei*“ слишкомъ напоминаетъ выраженіе: *formam sanctorum verborum habere*. Въ виду этого, нельзя не считать заслуживающимъ вниманія то мнѣніе нѣкоторыхъ богослововъ, что названіе символа у латинянъ можетъ быть замѣнено словомъ формула и заимствовано изъ 13 ст. 1 гл. 2 посланія къ Тимоѳею.

Въ заключеніе можно замѣтить, что нѣкоторые толковники находятъ въ апостольскихъ посланіяхъ и другія указанія ³⁾ на символъ, но они еще менѣе ясны, чѣмъ приведенныя, а потому и нѣтъ нужды подвергать ихъ особому разбору.

Н. Лысогорскій.

¹⁾ Ioann. Chrisostom. oper. omn. In 2 ep. ad Timoth. Tom. III. p. 672, ed. Monttanc.

²⁾ См. Христ. Чт. 1862 г. ч. I, стр. 161.

³⁾ Таковы напр.: Римл. VI, 17; Евр. X, 23; 1 Корѣ. XV, 29; III. 2.

Ученіе Канта о пространствѣ и времени, какъ о субъективныхъ только формахъ нашего чувственнаго познанія.

Пространство и время, по обыкновенному человѣческому разумѣнію, имѣютъ объективное бытіе,—существуютъ не только въ насъ, но и внѣ насъ. Для обыкновеннаго человѣческаго сознанія не можетъ быть и сомнѣнія въ объективной реальности пространства и времени: мы своими собственными чувствами замѣчаемъ пространство, самое свое тѣло, имѣющее ту или другую мѣру протяженности, не можемъ мыслить иначе, какъ помѣщеннымъ непременно въ объективномъ пространствѣ; мы сами замѣчаемъ теченіе времени; свои душевные акты: мысли, чувства, волевые движенія—мы не можемъ представлять иначе, какъ совершающимися во времени, въ продолженіе извѣстнаго промежутка времени...

Отсюда, казалось бы, можно было бы, безъ всякаго колебанія, съ полною вѣрою въ истинность своихъ мыслей, придти къ заключенію о реальномъ бытіи пространства и времени и внѣ насъ, внѣ нашего чувственнаго познанія. Но для философіи вопросъ о субъективномъ или объективномъ бытіи пространства и времени не представляется такимъ легкимъ, удобоисполнимымъ и не возбуждающимъ сомнѣній, какимъ онъ представляется обыкновенному человѣческому разумѣнію. Давно уже, даже болѣе—чуть не съ самаго начала появленія философіи и философскаго направленія міровоззрѣнія, философскіе умы стали сомнѣваться въ объективности пространства и времени, мысля ихъ, какъ понятія, хотя бы лишь отчасти, субъек-

ективные. Такъ еще Аристотель (слѣд., въ IV в. до Р. Х.) принималъ время единственно лишь за число, какъ мѣру движенія, а число безъ числящей души—прямо за ничто. Впрочемъ, много протекло времени послѣ Аристотеля до того момента, когда въ философіи появилось ученіе, въ смыслѣ строго выработанной философской системы, рѣшительно отвергшее объективное существованіе пространства и времени и признавшее ихъ только субъективными формами нашего чувственнаго познанія. Главнымъ и лучшимъ представителемъ этого ученія былъ знаменитый Кантъ, философскія изысканія котораго вообще, можно сказать, направлены, главнымъ образомъ, къ различенію во всякомъ познаніи двухъ элементовъ: независимаго, чисто объективнаго, элемента предмета, и субъективнаго, —что такъ или иначе, въ большей или меньшей степени и мѣрѣ, зависитъ отъ мыслящаго я, отражаетъ на себѣ вліяніе тѣхъ или иныхъ условій созерцающаго и мыслящаго ума. И такъ какъ въ философскомъ міровоззрѣніи Канта вообще господствуетъ рѣзкая противоположность между этими двумя элементами человѣческаго познанія (субъективнымъ и объективнымъ), то весьма естественнымъ и логически неизбежнымъ представляется и то обстоятельство, что онъ пытается научнымъ путемъ вывести и доказать, что пространство и время суть только субъективныя формы нашего чувственнаго познанія, или „созерцанія мыслящаго ума“: при томъ первое—внѣшняго, а второе—внутренняго чувства. Такимъ образомъ, философія Канта рѣшительно отвергаетъ объективное бытіе пространства и времени.

Такой взглядъ на понятія о пространствѣ и времени естественно долженъ казаться обыкновенному человѣческому разумѣнію весьма страннымъ и явно противорѣчащимъ дѣйствительности, и кажется таковымъ при обсужденіи его съ обычной, житейской—такъ сказать, точки зрѣнія. Но не такъ страненъ онъ для ума философскаго, такъ какъ вообще философія нерѣдко находитъ сомнѣнія и недоумѣнія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ для обычнаго мышленія и сознанія, и—наоборотъ. Сверхъ того, для философскаго ума признаніе пространства и времени только субъективными формами мышленія можетъ показаться

весьма желательнымъ и даже благодѣтельнымъ въ смыслѣ освобожденія науки отъ излишняго балласта. Это—потому, что пространство и время, понимаемая, какъ нѣчто сущее внѣ насъ, представляются запутанными въ необъяснимыя противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно постигнуть и уразумѣть пространство, которое слыветъ обыкновенно безконечнымъ, и притомъ въ двухъ совершенно противоположныхъ направле- нійхъ—безконечно растяженнымъ и безконечно дѣлимымъ? Подобная сущность явленія непостижима ни для какой мысли: пространство здѣсь является какъ бы нѣкіимъ громаднымъ чудовищемъ, съ которымъ не можетъ совладать философскій умъ. Равнымъ образомъ, столь же непостижимымъ является для философіи и объективно понимаемое время. Объективное время представляется уму человѣческому, если можно такъ вы- разиться, существомъ, родящимъ постоянно и пожирающимъ, восстанавливающимъ и упраздняющимъ себя, такимъ существомъ, которое бѣжитъ отъ себя, какъ отъ своего собственнаго при- видѣнія, потому что настоящее не остававливается ни на одну минуту, даже секунду, прошедшее уже не существуетъ, а бу- дущее еще не существовало. Какъ же можетъ быть постигнута философскимъ размышленіемъ сущность такого явленія?.. Между тѣмъ, всѣ эти недоумѣнные вопросы какъ будто рушатся съ признаніемъ пространства и времени только субъективными формами нашего чувственнаго познанія. Такимъ образомъ, уче- ніе Канта о пространствѣ и времени, какъ о субъективныхъ только формахъ нашего чувственнаго познанія, представляясь для обыкновеннаго человѣческаго пониманія весьма страннымъ и явно противорѣчающимъ для всѣхъ очевидной дѣйствительно- сти, въ то же время, повидимому, освобождаетъ науку и фило- софскую мысль отъ излишней и тяжелой ноши. Въ силу этого, для болѣе или менѣе научно мыслящаго человѣческаго ума, и тѣмъ болѣе для философіи, разрѣшеніе или попытки разрѣше- нія вопроса о томъ, можетъ ли быть признано истиннымъ уче- ніе Канта и его единомышленниковъ о пространствѣ и вре- мени, какъ только объ исключительно субъективныхъ формахъ нашего чувственнаго познанія, представляются не только весь- ма интересными, но и въ высшей степени серіозными и не-

малозначительны и для многихъ другихъ философскихъ выводовъ и заключеній и въ иныхъ вопросахъ философствующей мысли.

Предпринимая посильный анализъ вышеозначеннаго философскаго ученія о пространствѣ и времени, несомнѣнно заслуживающаго вниманія всѣхъ мыслящихъ людей, при всей своей сравнительной неосновательности, — мы должны, прежде всего, рассмотреть тѣ основанія, какія приводятся въ защиту этого мнѣнія.

Основанія эти, излагаемыя Кантомъ въ его „Трансцендентальной эстетикѣ“, состоятъ въ слѣдующемъ.

1. Пространство и время не суть эмпирическія понятія, извлеченныя нами изъ опыта. Самый опытъ возможенъ не иначе, какъ только подъ условіемъ предшествующаго ему представленія пространства и времени. Безъ раннѣйшаго по отношенію къ опыту представленія пространства и времени, мы не могли бы относить свои ощущенія къ чему-то существу внѣ насъ и располагать ихъ подлѣ или послѣ другъ друга, а безъ этого расположенія ихъ подлѣ и послѣ другъ друга — мы не могли бы различать ощущаемаго, т. е., не могли бы имѣть и самыхъ ощущеній. Значитъ — представленіе пространства и времени, какъ условіе самаго опыта, не можетъ быть заимствуемо нами изъ него, а потому есть представленіе *a priori*.

2. Пространство и время суть необходимыя и всеобщія основопредставленія, которыхъ никто не можетъ уничтожить въ мышленіи. Никакими усиліями мысли нельзя отрѣшиться отъ представленія пространства, хотя и можно вообразить его не заключающимъ въ себѣ никакихъ предметовъ. Равнымъ образомъ, нельзя отрѣшиться и отъ времени по отношенію къ явленіямъ, хотя и можно послѣднія отрѣшить отъ перваго. Значитъ, пространство и время составляютъ условіе *возможности* явленій и даны намъ *a priori*.

3. Пространство и время не могутъ быть дискурсивными или общими понятіями: они суть единственныя чистыя воззрѣнія. Всякое дискурсивное понятіе образуется чрезъ отвлеченіе отъ многихъ представленій того, что обще многимъ вещамъ, такъ что всякое дискурсивное понятіе можетъ быть разложено на составныя его признаки. Между тѣмъ, частныя

пространства и частныя времена не могутъ быть предшествующими составными отдѣлами одинаго пространства и одинаго времени. Эти частныя пространства и времена суть только ограниченіе одинаго всеобъемлющаго пространства и времени. Значить, — отъ многихъ представленій пространства или времени не можетъ быть отвлечено общее представленіе пространства или времени. Поэтому, представленіе пространства или времени есть наглядное представленіе а priori, такъ какъ наглядное представленіе характеризуется именно тѣмъ, что оно имѣетъ предметомъ своимъ одинъ какой-либо предметъ.

4. Пространство и время даны въ сознаніи, какъ безконечныя величины. Всѣ же опредѣленныя пространства и времена суть только части безконечныхъ пространства и времени, такъ что послѣднія содержатъ въ себѣ безконечное множество представленій. Между тѣмъ, всякое понятіе должно быть мыслимо, какъ представленіе, заключающееся въ безконечномъ множествѣ другихъ возможныхъ представленій, но никоимъ образомъ — не какъ представленіе, само заключающее въ себѣ эти представленія. Слѣдовательно, пространство и время суть не понятія, образованныя изъ безконечнаго множества чувственныхъ представленій, но представленія а priori.

5. Если разсматривать пространство съ трансцендентальной точки зрѣнія, т. е., посмотрѣть, въ какой мѣрѣ оно служитъ принципомъ, условіемъ для синтетическихъ познаній а priori, то окажется, что геометрическія истины всецѣло основываются на характерѣ пространства, какъ чистаго представленія а priori, и что они возможны только въ томъ случаѣ, если въ этомъ именно смыслѣ смотрѣть на пространство. Но если мы будемъ смотрѣть на него, какъ на нѣчто реальное, внѣ насъ находящееся, или какъ понятіе объ отношеніяхъ вещей самихъ въ себѣ, то тѣмъ самымъ разрушаемъ всякую возможность геометрическихъ познаній, а съ ними и всей математики, т. е., мы становимся въ противорѣчіе съ несомнѣннымъ фактомъ. — Подобно этому, съ трансцендентальной точки зрѣнія — и время мы должны признать принципомъ, при которомъ единственно возможны понятія измѣненія и движенія. Не будь представленія времени, мы не могли бы понять измѣненія, т. е., смѣны

бытія признака вещи его небытіемъ и наоборотъ, не могли бы понять и движенія, т. е., бытія и небытія вещи въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Изъ этихъ пяти основаній Кантъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы.

1. Пространство и время не суть ничто существующее само по себѣ или составляющее объективное опредѣленіе вещей самихъ въ себѣ,—что, слѣдовательно, могло бы оставаться, если устранить всѣ субъективныя условія нагляднаго представленія. Познаются нами пространство и время а priori посредствомъ синтетическихъ положеній, а такое познаніе возможно только тогда, когда пространство и время будутъ признаны субъективными условіями нашихъ представленій: первое—условіемъ представленій о внѣшнемъ мірѣ, а второе—всѣхъ вообще представленій.

2. Пространство есть только форма всѣхъ явленій внѣшнихъ чувствъ, т. е., субъективное условіе чувственныхъ воспріятій, при которомъ единственно возможно внѣшнее наглядное представленіе. Если наша воспріимчивость къ дѣйствию внѣшнихъ предметовъ необходимо должна предшествовать всякому наглядному представленію о нихъ, то понятно, какимъ образомъ форма всѣхъ явленій можетъ предварять въ душѣ всякія дѣйствительныя воспріятія ихъ, и какимъ образомъ она можетъ заключать въ себѣ принципы взаимныхъ отношеній всѣхъ предметовъ до всякаго опыта...—Значитъ, только съ человѣческой точки зрѣнія можно говорить о пространствѣ, о протяженности предметовъ и т. д. Если мы уничтожимъ это субъективное условіе, при которомъ единственно возможно для насъ внѣшнее наглядное представленіе, то представленіе пространства ничего не будетъ значить. Протяженность можетъ быть приписана только явленіямъ, а никакъ не вещамъ самимъ въ себѣ. Такимъ образомъ, пространство, съ одной стороны, имѣетъ опытную реальность (по отношенію ко всякому возможному опыту), а съ другой стороны—оно имѣетъ трансцендентальную идеальность (по отношенію къ вещамъ самимъ въ себѣ).

3. Время есть форма внутренняго чувства, т. е., представленія насъ самихъ и нашихъ внутреннихъ состояній. Опредѣляя отношеніе нашихъ внутреннихъ состояній, время не можетъ

служить опредѣленіемъ внѣшнихъ явленій. Представленіе времени, какъ и представленіе пространства, есть наглядное представленіе, ибо всѣ его отношенія могутъ быть выражены внѣшнимъ, нагляднымъ и очевиднымъ образомъ.

4. Какъ пространство есть условіе а priori для внѣшнихъ явленій, такъ и время есть формальное условіе а priori всякаго вообще явленія. Именно—время есть непосредственное условіе всѣхъ внутреннихъ состояній человѣческаго духа. А такъ какъ къ числу внутреннихъ состояній относятся и представленія о внѣшнемъ мірѣ, то чрезъ нихъ время служитъ условіемъ и внѣшнихъ явленій.—Если же отвлечь субъективный способъ самовозрѣнія, а вмѣстѣ и способъ, которымъ мы объемлемъ наглядныя представленія, то время ничего не будетъ значить. Тѣмъ не менѣе, оно имѣетъ объективное значеніе по отношенію къ внѣшнимъ предметамъ, впрочемъ настолько, насколько они суть предметы нашего чувственного воспріятія. Такимъ образомъ, времени должно приписать, съ одной стороны, опытную реальность, т. е., объективное значеніе для всѣхъ предметовъ, какіе только могутъ представиться нашимъ чувствамъ, а съ другой стороны,—трансцендентальную идеальность—по отношенію къ предметамъ самимъ въ себѣ. Здѣсь слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ для выясненія этого характернаго признака, приписываемаго Кантомъ понятію о времени—его *опытную реальность*. Кантъ приписываетъ времени опытную реальность лишь въ томъ смыслѣ, что въ опытѣ мы никогда не встрѣтимся съ предметомъ, который не подчинялся бы условію времени, въ силу того что наши представленія наглядныя всегда основаны на чувствѣ. Но въ то же время Кантъ оспариваетъ у времени всѣ права на абсолютную реальность, именно, что оно, не будучи формой нашего чувственного представленія, существуетъ въ вещахъ, какъ условіе или свойство, такъ какъ чувства никогда не могутъ свидѣтельствовать намъ о свойствахъ, принадлежащихъ вещамъ самимъ въ себѣ. Въ этомъ, по Канту, и состоитъ трансцендентальная идеальность времени, по которой оно, если отвлечь субъективныя условія чувственного представленія, есть ничто, и не можетъ быть приписано вещамъ самимъ въ себѣ (безъ отношенія къ нашему предста-

влению) въ качествѣ сущности, или какъ свойство. Но при этомъ Кантъ эту идеальность отличаетъ и отъ обмановъ чувствъ, ибо предполагается, что явленіе, имѣющее признаки пространства и времени, имѣетъ объективную реальность; мы утверждаемъ, что они реальны, доколѣ мы имѣемъ дѣло съ предметомъ въ опытѣ, какъ съ явленіемъ. Такимъ образомъ, время реально по Канту въ опытномъ лишь смыслѣ, какъ условіе всякаго нашего опыта; оно есть не болѣе, какъ форма нашего внутренняго представленія и присуще не самимъ предметамъ, а только лицу, которое ихъ представляетъ.

Такова сущность философскаго ученія Канта о пространствѣ и времени. Чтобы составить себѣ объ этомъ ученіи ясное и опредѣленное сужденіе и сдѣлать критическую оцѣнку его, должно, прежде всего, тщательно проанализировать и рассмотреть порознь каждое основаніе, приводимое Кантомъ въ доказательство своего философскаго ученія, а потомъ уже опредѣлить общее значеніе для Кантова ученія всѣхъ этихъ основаній въ совокупности.

Первое основаніе, представленное Кантомъ въ защиту ученія о пространствѣ и времени, какъ только о субъективныхъ формахъ нашего чувственнаго познанія, заключаетъ въ себѣ мысль о томъ, что пространство и время не могутъ быть эмпирическими понятіями. Мысль эта подкрѣпляется у Канта тѣмъ соображеніемъ, что представленія пространства и времени должны существовать въ насъ раньше самаго опыта, такъ какъ иначе мы не могли бы данныя чувственнаго воспріятія считать находящимися внѣ насъ, относить наши ощущенія къ различнымъ мѣстамъ и временамъ.—Нельзя не согласиться, что мысли эти справедливы и основательны: существуютъ вѣскія доказательства въ пользу мысли, что представленія пространства и времени суть представленія а priori, а не понятія, выработанныя на основаніи данныхъ опыта. Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что когда мы въ первый разъ узнаемъ о существованіи въ нашемъ умѣ представленій пространства и времени, то узнаемъ также и то, что эти идеи безъ нашего вѣдома находились въ умѣ прежде, чѣмъ мы узнали о нихъ. Слѣдовательно, сознавая въ первый разъ въ умѣ

идеи пространства и времени, мы не приобретаемъ ихъ вновь, но только открываемъ въ своемъ сознаниіи. Не могутъ идеи эти и бессознательно выводиться нами изъ опыта, такъ какъ никакими усиліями воображенія мы не можемъ представить, чтобы что-нибудь, воспринимаемое нашими чувствами, не занимало пространства или времени. Поэтому безъ всякихъ колебаній можно согласиться съ Кантомъ въ томъ, что представленія пространства и времени уже находятся въ нашемъ умѣ, когда мы получаемъ какое-нибудь чувственное воспріятіе, а, слѣдовательно, это—представленія а priori и въ известной степени—представленія субъективныя. Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы пространство и время не были въ то же время и чѣмъ—нибудь объективнымъ, находящимся внѣ человѣческаго созерцанія. Признавая пространство и время данными а priori, мы имѣемъ полное право признавать ихъ и соотвѣтствующими чему-нибудь реальному, внѣ насъ находящемуся. Поэтому разсмотрѣнное нами первое основаніе, приводимое Кантомъ въ защиту его философскаго ученія о пространствѣ и времени, какъ только о субъективныхъ формахъ нашего чувственнаго познанія, могло бы имѣть надлежащую силу только въ томъ случаѣ, когда бы было доказано, что добытое мышленіемъ помимо опыта не можетъ соотвѣтствовать чему-нибудь реальному. Но такихъ доказательствъ у Канта нѣтъ, да и не можетъ это быть ничѣмъ доказано.

Во второмъ доводѣ Канта говорится о возможности отрѣшиться мыслию отъ всего, что опытъ даетъ намъ въ пространствѣ и времени и о невозможности отвѣчаться отъ понятія самаго пространства и времени. Отсюда Кантъ выводитъ необходимость послѣднихъ, а такъ какъ никакая необходимость не можетъ вытекать изъ опыта, то и субъективность ихъ.—Доказательство это имѣетъ такую же силу и значеніе, какъ и предъидущее основаніе, приводимое Кантомъ въ защиту своего ученія. Пусть пространство и время суть нѣчто субъективное; но что же мѣшаетъ имъ быть вмѣстѣ и чѣмъ-то объективнымъ? Далѣе, Кантъ говоритъ, что всѣ вещи, въ противоположность пространству и времени, можно уничтожить въ воображеніи. Это—правда, что пространства и времени нельзя

уничтожить въ воображеніи, въ мысляхъ; но вѣдь нельзя уничтожить въ воображеніи и всѣхъ вещей. Мы не можемъ, напр., не представлять самихъ себя, потому что уже самыя старанія и усилія наши не представляютъ себя въ сущности будутъ напоминать намъ о нашемъ существованіи, о томъ, что мы, какъ и предметы внѣшняго міра, находимся въ пространствѣ и времени, имѣемъ протяженное матеріальное тѣло. Слѣдовательно, не одни только представленія пространства и времени существуютъ съ такою привудительною необходимостью, что отъ нихъ нельзя отрѣшиться. Такимъ образомъ, разобранный доводъ Канта содержитъ въ себѣ мысли не вполне справедливыя, или, по крайней мѣрѣ, сомнительныя. вмѣстѣ съ тѣмъ, доводъ этотъ не доказываетъ того, что думаетъ доказать имъ Кантъ, т. е., не доказываетъ, что пространство и время суть *только* субъективныя формы нашего чувственнаго познанія.

Въ третьемъ доводѣ Кантъ указываетъ на то, что единныя всеобъемлющія пространство и время не состоятъ изъ признаковъ и не могутъ быть разложимыми на частныя представленія. Отсюда Кантъ приходитъ къ мысли, что пространство и время не могутъ быть дискурсивными или общими понятіями, а суть наглядныя представленія а priori, такъ какъ наглядное воззрѣніе характеризуется именно тѣмъ, что оно предметомъ своимъ имѣетъ одинъ какой-либо предметъ.—Нельзя не счесть этого довода нѣсколько страннымъ и даже противнымъ направленію самой Кантовой философіи. Дѣло въ томъ, что доводъ этотъ почерпаетъ свое основаніе изъ соотносительности предметныхъ вещей. Но мы созерцаемъ индивидуальную вещь только въ силу того, что ей соотвѣтствуетъ извѣстный предметъ. Это основаніе, заимствованное отъ внѣшнихъ вещей, приплетено здѣсь между тѣмъ къ такому взгляду, который отнимаетъ у пространства и времени всякое внѣшнее существованіе. По одной уже этой причинѣ приведенныя соображенія Канта теряютъ свою силу и являются малоосновательными и неубѣдительными. Впрочемъ, дѣйствительно можно согласиться съ тѣмъ, что пространство и время не могутъ быть дискурсивными или общими понятіями, потому что нѣтъ такихъ предметовъ, отъ которыхъ можно было бы отвлечь общую имъ черту—про-

странство. Все, что мы видимъ или ощущаемъ, имѣетъ большую или меньшую длину, совершается въ извѣстный промежутокъ времени, но самаго пространства, дѣлающаго возможнымъ протяженіе, и времени, дѣлающаго возможнымъ продолжительность, мы не ощущаемъ.—Но если пространство и время не суть отвѣченные понятія, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они не могли соответствовать чему-нибудь объективному. Такимъ образомъ, рассмотрѣнный доводъ Канта, подобно двумъ предъидущимъ, не доказываетъ ученія Канта о чистой субъективности пространства и времени.

Четвертое доказательство Канта опирается на безконечность, связанную съ представленіемъ пространства и времени. Изъ нея Кантъ также заключаетъ къ тому, что они суть представленія а priori, ибо всякое понятіе заключается въ безконечномъ множествѣ представленій, между тѣмъ какъ мысль о безконечномъ пространствѣ и времени заключаетъ въ себѣ представленія опредѣленныхъ пространствъ и временъ или частей единого пространства и единого времени.—Здѣсь такъ же, какъ въ предъидущемъ доводѣ, нѣчто, взятое изъ обыкновенныхъ отношеній, перенесено на отношенія, которымъ нѣтъ другаго примѣра. Кромѣ того, приведенный доводъ, точно такъ же, какъ и всѣ предъидущіе доводы, доказываетъ только то, что пространство и время не могутъ быть понятіями, добытыми на основаніи опытныхъ данныхъ, а суть представленія а priori. Между тѣмъ, Кантъ имѣлъ въ виду доказать не только это, но и то, что пространство и время не имѣютъ объективнаго бытія, а сего вовсе не вытекаетъ изъ довода Канта.

Равнымъ образомъ, не опровергается объективное бытіе пространства и времени и послѣднимъ доводомъ Канта, содержащимъ въ себѣ изложеніе трансцендентальнаго понятія о пространствѣ и времени. Этимъ доводомъ доказывается только необходимость и априорность представленій пространства и времени. Въ самомъ дѣлѣ, какъ, на примѣръ, была бы возможна геометрія, если бы пространство не было необходимымъ познаніемъ а priori, а познавалось бы нами на основаніи только опыта, т. е., болѣе или менѣе случайно. Тогда бы дѣйствительно геометрическія истины лишь постольку имѣли ха-

рактёръ аподиктической достовѣрности, поскольку онѣ были бы согласны съ предшествующимъ опытомъ и наблюдениемъ. Равнымъ образомъ, не могли бы для насъ быть такъ несомнѣнными и необходимыми совершающіяся въ мѣрѣ измѣненія и движенія, если бы время не было необходимымъ апріорнымъ представленіемъ. Такимъ образомъ, несомнѣнность геометрическихъ истинъ и различныхъ аксіомъ, касающихся замѣчаемыхъ нами измѣненій и движеній, дѣйствительно заставляютъ думать, что пространство и время суть необходимыя представленія а priori. Но что они не имѣютъ бытія внѣ нашего познанія,—этого изъ представленнаго Кантомъ доказательства вовсе не слѣдуетъ. Мало того, несомнѣнность математическихъ истинъ говоритъ скорѣе противъ Кантова ученія о пространствѣ и времени, нежели въ пользу его. Въ самомъ дѣлѣ, если достовѣрность геометріи покоится только на томъ, что она происходитъ изъ чистой формы созерцанія или воспріятія, какъ апріорная наука, то вмѣстѣ съ субъектомъ она и падаетъ. И если принять пространство за данную только форму, то случайный этотъ даръ можетъ вѣдь быть и совсѣмъ инымъ. А въ этомъ случаѣ ничто не противорѣчитъ той возможности и нѣтъ основанія оспаривать ее, что другія воззрѣнія и воспріятія надѣлены совсѣмъ иными формами, что другія разумно-свободныя существа знаютъ пространство о двухъ, на примѣръ, или о четырехъ измѣреніяхъ. Если же все это дѣйствительно такъ, то всѣ завоеванія математики, всѣ законы, какимъ подчинила она вещи и числа, всѣ пути, предначертанныя ею тѣламъ небеснымъ, всѣ соотношенія, къ какимъ привязала она тѣ или иныя опредѣленные движенія,—все это оказалось бы только пустой мечтой нашей валичной созерцательности, пока она такова есть. Возможность эта не можетъ противопоставляться теоріи со стороны, какъ внѣшняя какая-нибудь выдумка, но прямо исходитъ отъ самой теоріи. Итакъ, указываемая Кантомъ очевидная несомнѣнность для насъ математическихъ истинъ и происходящихъ послѣдовательно въ мѣрѣ измѣненій и движеній даетъ право думать, что пространство и время существуютъ, какъ въ мышленіи въ качествѣ необходимыхъ представленій а priori, такъ и объективно, внѣ насъ и нашего чувственнаго познанія.

Такимъ образомъ, доводы Канта, представленныя имъ въ его знаменитой „Критикѣ чистаго разума“ въ защиту и доказательство философскаго воззрѣнія на пространство и время, какъ на субъективныя только формы нашего чувственнаго познанія, оказываются недостаточно обоснованными и нисколько не доказывающими этого взгляда съ несомнѣнною очевидностью, — скорѣе наоборотъ. Если и допустить, что по этимъ доводамъ пространство и время выходятъ субъективными условіями, предшествующими въ нашемъ мышленіи воспріятію и опыту, то все-же здѣсь нельзя видѣть ни малѣйшаго доказательства тому, чтобы они не могли въ одно и то же время быть и объективными познаніями, имѣть свое мѣсто и объективное существованіе и внѣ нашего чувственнаго познанія, быть присущими не воспринимающимъ лишь черезъ чувственное воспріятіе лицамъ, но и самимъ предметамъ, имѣть не опытную лишь туманную реальность въ смыслѣ ученія Канта, но и реальность, такъ сказать, абсолютную, саму по себѣ, помимо нашихъ чувственныхъ представленій и условій ограниченнаго человѣческаго опыта. Въ томъ именно и заключается существенная и явная односторонность доводовъ Канта, что въ нихъ совершенно опущена изъ виду та несомнѣнная возможность, что факты эти имѣютъ и объективное значеніе наравнѣ съ апріорностію понятій пространства и времени, что пространство и время могутъ быть вмѣстѣ и субъективными и объективными, что первое нисколько не исключаетъ возможности и втораго, какъ нисколько не противорѣчиваго себѣ, хотя совершенно отличнаго и даже, пожалуй, противоположнаго и неоспариваемаго никакими очевидными данными. Конечно, Кантъ, быть можетъ и даже, судя по всей системѣ его ученія о пространствѣ и времени, по всей вѣроятности, и не помышлялъ о возможности тому и другому быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, имѣть одновременно и чисто-субъективное, и объективное значеніе и существованіе. Подѣливъ разъ субъективное съ объективнымъ, какъ исключаютъ собою одно другое, онъ приурочилъ, очевидно, вещи къ тому или другому разряду исключительно, рассматривая ихъ односторонне съ одной лишь стороны и всецѣло отвергая другую. Но такого строгаго раздѣленія

между субъективнымъ и объективнымъ, во всякомъ случаѣ, оправдать нельзя, какъ раздѣленіе совершенно произвольнаго и необоснованнаго. Произвольно также и то воззрѣніе, что необходимыя формы познанія, будучи замѣчаемы нашимъ разумомъ помимо ощущенія, не могутъ только въ силу этого быть и объективными формами познаваемаго содержанія. Чтобы мнѣніе это могло приобрѣсти характеръ большей или меньшей вѣроятности, нужно было бы сначала доказать, что наше различающее сознаніе не можетъ безъ помощи чувствъ усмотрѣть никакихъ всеобщихъ и необходимыхъ предметныхъ свойствъ. Ссылаться же, въ доказательство этого, на то, что всеобщее и необходимое не дано намъ въ ощущеніи, въ сущности значитъ указывать только тотъ фактъ, что оно дано а priori—и только, а это, какъ мы видѣли выше, нисколько не подрываетъ объективнаго его значенія. То обстоятельство, что всеобщее и необходимое дано а priori, а частное и случайное а posteriori,—показываетъ только то, что они даны различнымъ способомъ. Но этотъ различный способъ, коимъ они даны, вовсе не препятствуетъ имъ имѣть извѣстное отношеніе къ познаваемымъ предметамъ. Такимъ образомъ, вся аргументація, употребляемая Кантомъ въ доказательство его мнѣнія, что пространство и время суть только субъективныя формы нашего чувственнаго познанія, на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не доказываютъ этого мнѣнія, а потому оно должно быть признано по меньшей мѣрѣ гипотетичнымъ и произвольнымъ. Послѣ всего этого, даже съ философской, метафизической точки зрѣнія, становится затруднительнымъ и болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, раздѣлять Кантово воззрѣніе на пространство и время. Впрочемъ, должно сдѣлать оговорку, что отсюда еще не слѣдуетъ съ ясною очевидностью, чтобы это воззрѣніе было вовсе ложнымъ и несостоятельнымъ, ибо многія гипотезы часто доказывались въ концѣ концовъ очевидными истинами и такимъ образомъ дѣлались несомнѣнными истинами...

Въ силу этого послѣдняго обстоятельства, хотя мы и признавали вышерассмотрѣнные доводы Канта въ защиту его взгляда на пространство и время, какъ на субъективныя только формы нашего чувственнаго познанія, не имѣющія никакого внѣшня-

го, объективно-реального бытія, сомнительными и необоснованными,—мы должны, однако, и помимо *этихъ* доводовъ, ради научной философской истины, рассмотреть, по мѣрѣ силъ, не можетъ ли эта „гипотеза“ Канта о пространствѣ и времени быть оправдана и доказана другими данными, и имѣетъ ли ова вообще болѣшій или меньшій характеръ достовѣрности съ другихъ точекъ зрѣнія, если не принимать совсѣмъ въ расчетъ приводимыхъ знаменитымъ философомъ—мыслителемъ доводовъ, соображеній и доказательствъ.

Такъ какъ мы признали Кантово ученіе о пространствѣ и времени гипотетичнымъ, а степень вѣроятности всякой гипотезы опредѣляется тѣмъ, насколько естественно и непринужденно объясняются ею имѣющіе къ ней отношеніе факты, то является естественно-необходимымъ рассмотреть, насколько естественно и логически—непринужденно, если возможно такъ выразиться, гипотеза Канта о пространствѣ и времени объясняетъ фактъ нашей познавательной дѣятельности. А такъ какъ отрицаніе Кантомъ объективнаго бытія пространства и времени всецѣло вытекаетъ изъ его взгляда на представленія о внѣшнемъ мірѣ, какъ на чисто-субъективныя произведенія нашего я,—то обратимся къ рассмотрѣнію того, насколько естественъ и вѣроятенъ такой взглядъ на нихъ.

При этомъ, намъ кажется, слѣдуетъ, прежде всего, обратить вниманіе на нѣкоторые слѣдующіе факты познавательной дѣятельности человѣка.

1. Чувственные впечатлѣнія, ощущенія и воззрѣнія имѣютъ такую необыкновенную, напряженную степень живости, какой представленія, произведенныя съ несомнѣнною очевидностью дѣятельностью одного человѣческаго духа, обыкновенно достигаютъ только въ болѣзненныхъ состояніяхъ. Сверхъ того, первыя нерѣдко даютъ нѣчто новое, тогда какъ послѣднія (психоболѣзненные) представленія составляютъ нами почти всегда изъ старыхъ, знакомыхъ намъ прошлыхъ воспоминаній и отдѣльныхъ отрывочныхъ частей ихъ. Это послѣднее обстоятельство даетъ большее право объяснять чувственные впечатлѣнія изъ воздѣйствія внѣшняго міра, чѣмъ лишь изъ одного я.

2. Для происхожденія чувственнаго впечатлѣнія необходимо

чувство открытыхъ, въ большей или меньшей степени, для впечатлѣній и ощущеній чувственныхъ органовъ,—а, между тѣмъ, это чувство вовсе не обуславливаетъ необходимаго чувственного впечатлѣнія при неблагопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, напр., не обуславливаетъ необходимаго зрительнаго впечатлѣнія въ темнотѣ, обонятельнаго — въ отсутствіи запаха и т. д. Это обстоятельство легко объяснить лишь изъ воздѣйствія внѣшняго міра и весьма трудно изъ одного мыслящаго и познающаго я, безъ всякихъ внѣшнихъ объективно-реальныхъ воздѣйствій.

3. Чувственные представленія, т. е., такія, какія могутъ быть признаны произведенными самостоятельно человѣческимъ духомъ, безъ непосредственныхъ воздѣйствій внѣшняго, объективно-реальнаго міра, возникаютъ въ мышленіи не внезапно, но всегда стоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ предшествовавшими по времени представленіями, съ извѣстными ощущеніями, впечатлѣніями, настроеніемъ духа и т. д. Между тѣмъ, напротивъ, чувственные впечатлѣнія въ собственномъ смыслѣ, возникшія отъ воздѣйствій со-внѣ, помимо человѣческаго духа и законовъ мышленія человѣческаго, непосредственно на низшія чувства психо-соматическаго организма человѣка, появляются, по большей части, внезапно и неожиданно и постоянно—безъ внутренней связи съ предшествовавшимъ имъ по времени рядомъ ощущеній, чувствованій и мыслей. Слѣдовательно, если признать, что чувственные впечатлѣнія образуются лишь нашимъ я, безъ воздѣйствія существующаго въ объективной и абсолютной реальности внѣшняго міра, то необходимо будетъ допустить, что законъ послѣдовательности мыслей—то имѣетъ силу въ духѣ, то не имѣетъ. Но это—явное противорѣчіе, психологическая путаница, абсурдъ, съ которымъ не могутъ примириться ни разумъ человѣка, ни извѣстные намъ принципы мышленія и законы, управляющіе душевною жизнью человѣка. Въ такомъ случаѣ было бы болѣе чѣмъ странно и совсѣмъ неизяснимо, напр., это перемежающееся дѣйствіе такого закона, постоянно нарушающаго самого себя, въ прямой разрѣзъ и противовѣсь законамѣрности, цѣлесообразности и строгому единообразію всѣхъ силъ и законовъ природы,

созданныхъ такъ дивно премудростію, благостію и всемогущест-
вомъ Творца, и тѣмъ болѣе жизнію разумныхъ существъ, представ-
ляющихъ собою вѣнецъ творенія, по слову Божію и по естествен-
ному человѣческому разумѣнію. Помимо этого, останется тогда не-
понятнымъ и то обстоятельство, что дѣйствіе этого страннаго
„закона“, напротива самымъ необходимымъ, характернымъ
признакамъ понятія о законѣ, должны были бы, если признать
дѣйствительное существованіе такого явленія, естественно про-
стираться, прежде всего и почти исключительно, именно на
тѣ умственные акты, которые производятся однимъ духомъ,
не простираясь на тѣ акты, произведеніе которыхъ однимъ
нашимъ я—сомнительно. Это обстоятельство естественно и не-
избѣжно приводитъ къ той мысли, или, лучше сказать, убѣж-
денію, что чувствєнныя впечатлѣнія обусловлены воздѣйствіемъ
внѣшняго міра,—по крайней мѣрѣ до извѣстной степени.

4. Внутреннія представленія могутъ быть по произволу вы-
званы, удержаны и повторены сознательною волею,—чувствен-
ныя же впечатлѣнія при открытыхъ органахъ чувствъ вполнѣ
независимы отъ сознательной воли. Это послѣднее явленіе мо-
жетъ быть легко объяснимо воздѣйствіемъ именно внѣшняго
міра, но было бы крайне трудно, странно и мудрено объ-
яснять его изъ одного познающаго и дѣйствующаго лишь субъ-
ективнаго я.

Изъ приведенныхъ нами фактовъ познавательной дѣятельности
человѣка, кажется, достаточно выясняется, что вѣроятность суще-
ствованія самостоятельно, до нѣкоторой степени и въ нѣкоторомъ
смыслѣ отдѣльно и даже какъ бы другъ противъ друга—я дѣй-
ствующаго и познающаго и причинно на него вліяющаго объек-
тивнаго не—я—такъ велика, насколько это возможно. Болѣе того,
это для насъ не вѣроятность, а твердое и непосредственное убѣж-
деніе внутренняго чувства и человѣческаго самосознанія. Если,
такимъ образомъ, воспріятіе въ его цѣломъ есть нѣчто вынуж-
денное до нѣкоторой степени извнѣ,—то логически послѣдо-
вательно должно заключить, что и различія въ чувственныхъ
воспріятіяхъ не произошли отъ нашего я самостоятельно, но
и вынуждены отъ него воздѣйствіемъ абсолютно—реальнаго,
объективно существующаго внѣшняго міра. Вѣдь иначе разумъ

человѣческій рѣшительно ни къ чему не былъ бы обязанъ, если бы этого *не—я* не было, если бы оно было всегда безразлично, всегда одно и то же, слѣдовательно дѣствовало бы однимъ и тѣмъ же образомъ, потому что оно въ такомъ случаѣ доставляло бы одинъ внѣшній толчокъ. При постоянной одинаковости импульса со стороны внѣшняго міра, нашъ духъ имѣлъ бы полную волю придавать одному и тому же предмету и притомъ при одинаковыхъ условіяхъ—иногда то, иногда другое пространственное или временное опредѣленіе. Но этого не бываетъ въ дѣйствительности. Слѣдовательно, каждое отдельное опредѣленіе въ воспріятіи должно приписывать дѣйствию внѣшняго міра, а не субъективно лишь познающаго черезъ чувства *я*. А такъ какъ различныя дѣйствія всегда естественно предполагаютъ также и различныя причины, то мы получаемъ столь же много различій въ познаваемыхъ нами предметахъ, сколько ихъ находится въ воспріятіи. Конечно, эти различія въ объектахъ нашего познанія могутъ быть безпространственной и безвременной природы, а пространство и время—быть только чисто субъективными формами познанія. Но тогда эти различія въ познаваемыхъ нами предметахъ должны бы были двигаться въ двухъ другихъ объективных формахъ, которыя должны были бы тянуться параллельно субъективнымъ формамъ пространства и времени; потому что безъ этихъ другихъ формъ бытія, которыя бы замѣщали во внѣшнемъ мірѣ пространство и время, въ немъ не могло бы быть никакихъ соотвѣтствующихъ воспріятіямъ различій. Но это допущеніе возможности другихъ, только соотвѣтствующихъ пространству и времени, формъ бытія является совершенно безцѣльнымъ, фантастичнымъ и еще болѣе запутывающимъ философскіе вопросы касательно познавательной дѣятельности человѣческаго духа,—оно должно было бы противорѣчить тому общеизвѣстному закону, что природа, по всеобщему признанію, кажется, для своихъ цѣлей избираетъ простѣйшія средства. Признаніе этихъ излишнихъ, ненужныхъ и непонятныхъ формъ бытія, въ замѣнъ пространства и времени, противорѣчило бы дивной и премудрой гармоніи всего міра и Его Всесовершеннаго Творца и Промыслителя. Не говоря уже о томъ, что до-

пущеніе во внѣшнемъ мірѣ такихъ формъ бытія исключало бы возможность всякаго объективнаго познанія вещей и не вознаграждало бы никакою выгодною,—спрашивается, зачѣмъ бы природа пускала, такъ сказать, въ ходъ четыре формы тамъ, гдѣ она можетъ обойтись такъ же хорошо, и даже гораздо лучше, проще и цѣлесообразнѣе, двумя? Такимъ образомъ, естественнѣе и безпринудительнѣе, нежели ученіе Канта, объясняетъ факты нашего познанія тотъ взглядъ на пространство и время, что они суть формы какъ нашего субъективнаго мышленія, такъ и реальнаго объективнаго бытія.

Наконецъ, и помимо всего этого, существуютъ основанія, на которыхъ положительно можно признать философское ученіе о пространствѣ и времени, какъ о чисто субъективныхъ формахъ нашего чувственнаго познанія, крайне сомнительнымъ и даже прямо несостоятельнымъ.

Прежде всего, никакъ нельзя оспаривать тотъ несомнѣнный фактъ нашего сознанія, что пространство и время всегда представляются намъ не иначе, какъ объективными. Мало того, лишить ихъ мысленно объективнаго значенія представляется для насъ дѣломъ величайшей трудности. Такимъ образомъ, можно положительно утверждать, что пространство и время имѣютъ нѣкоторую несомнѣнную долю объективности. Правда, слѣдуя Канту, мы можемъ говорить, что эта ихъ объективность есть только свойство нашей мысли, но что въ самомъ дѣлѣ они субъективны. Однако, такое утвержденіе будетъ имѣть мѣсто одновременно съ неизбѣжностію представлять ихъ и объективными и нисколько не освободитъ насъ отъ внутренняго сознанія этой неизбѣжной объективности. Это показываетъ даже примѣръ самаго Канта. Почитая пространство и время чисто субъективными формами познанія, онъ все-таки, представлялъ ихъ до нѣкоторой степени не иначе, какъ неизбѣжно объективными, быть можетъ самъ того не замѣчая. Это доказывается отчасти многими выраженіями Канта, изъ которыхъ видно, что онъ не могъ отрѣшиться отъ объективности пространства. Такъ, у него встрѣчается слѣдующее выраженіе: если отвлечь сть предмета чрезъ опытъ познанные признаки, то „все-же остается *пространство, которое занималъ этотъ*

предметъ (уже совершенно исчезнувшій), но которое уже невозможно отвлечь“ (Критика чист. разума въ пер. Владислава, стр. 4). Въ другомъ мѣстѣ Кантъ выражается такъ: „свободнымъ полетомъ разсѣкая воздухъ и чувствуя его противодѣйствіе, легкій голубь могъ бы вообразить, что онъ еще лучше могъ бы летать въ безвоздушномъ пространствѣ“ (стр. 7). Или еще: „въ понятіи матеріи... мыслится тотько ея существованіе въ пространствѣ, наполняемомъ ею“ (стр. 14). Правда, можно объяснять эти и имъ подобныя выраженія Канта тѣмъ, что онъ говоритъ здѣсь о пространствѣ съ человѣческой, общепринятой точки зрѣнія: но почему же онъ не могъ замѣнить неточное обычное словоупотребленіе болѣе точнымъ? Не потому ли, что ему при такой замѣнѣ пришлось бы бороться съ голосомъ собственнаго сознанія? Мнѣніе Канта оказывалось бы, такимъ образомъ, въ противорѣчій съ его собственнымъ сознаніемъ. Чтобы освободиться отъ этого противорѣчія, окончательного подрывающаго мнѣніе о пространствѣ и времени, какъ исключительно субъективныхъ формахъ нашего чувственнаго познанія, Канту надлежало бы показать, вслѣдствіе какихъ причинъ наше сознаніе обманчиво выдаетъ ихъ за объективныя, когда они на самомъ дѣлѣ только субъективны. Но объяснить это, хотя бы лишь повидимому болѣе или менѣе удовлетворительно,—кажется совершенно невозможно.

Сверхъ этого прямого противорѣчія обыкновенному сознанію человѣческаго духа, Кантово ученіе о пространствѣ и времени противорѣчитъ ему еще болѣе или менѣе посредственнымъ и и косвеннымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что ученіемъ знаменитаго нѣмецкаго философа о такъ называемой „трансцендентальной идеальности“ пространства и времени весь міръ превращается въ какой-то пустой призракъ, такъ какъ внѣшній міръ мы не можемъ представить иначе, какъ заключеннымъ въ пространство и времени. Какое же значеніе, спрашивается, должны имѣть въ такомъ случаѣ естественныя науки, занимающіяся исключительно предметами, которые представляются намъ, нашему воспріятію и сознанію, не иначе, какъ только въ пространство и времени? Какова же будетъ достовѣрность математическихъ истинъ, если онѣ толкуютъ о томъ, что существ-

вуеть только въ насъ? Зачѣмъ послѣ этого дано намъ стремленіе и желаніе постигнуть вещь, какъ она есть,—желаніе, представляющее собою живой, напрягающій нервъ всякаго познанія?..—Вотъ къ сколькимъ недоумѣніямъ и противорѣчіямъ нашему сознанію должно естественно приводить признаніе пространства и времени исключительно субъективными формами нашего познанія. Не служитъ ли уже одно это свидѣтельствомъ неосновательности такого признанія.

Далѣе, мнѣніе о пространствѣ и времени, какъ только о субъективныхъ формахъ нашего познанія въ смыслѣ ученій Канта, противорѣчитъ различнымъ обстоятельствамъ пріобрѣтенія нами пространственныхъ воспріятій. Такъ, чувства зрѣнія и осязанія получаютъ соотвѣтствующія впечатлѣнія отъ совершенно различныхъ свойствъ тѣла, чрезъ совершенно различную среду и посредствомъ различныхъ фізіологическихъ процессовъ. Не смотря на это, отъ этихъ чувствъ получаемъ мы пространственныя воспріятія, въ которыхъ обнаруживается наивозможно большее согласіе и взаимное подтверженіе. Если бы сами объекты не были пространственны, но существовали бы въ какой-либо другой формѣ бытія, то было бы совершенно необъяснимо, что они столь различными путями могутъ производить въ душѣ столь согласныя пространственные образы, что напр., видимый нами шаръ въ осязаніи никогда не покажется намъ кубомъ или чѣмъ другимъ, а непременно всегда шаромъ,—и только. Если же допустить предположеніе, что пространство есть реальная (не опытно—реальная въ смыслѣ Канта, а реальная сама по себѣ—объективно и абсолютно) форма бытія, то эта необъяснимость и чудесность, если такъ можно выразиться, даннаго явленія исчезаетъ сама собою, и явленіе становится естественнымъ и понятнымъ для насъ.

Кромѣ приведенныхъ доводовъ болѣе отрицательнаго характера, противъ мнѣнія, что пространство и время сѣтъ только субъективныя формы нашего чувственнаго познанія, могутъ быть приведены еще нѣкоторыя соображенія болѣе положительнаго характера.

Прежде всего, намъ кажется, что пространство и время нельзя всецѣло смѣшивать и отождествлять съ протяженіемъ и

продолжительностью. Правда, протяженіе и продолжительность есть всегда протяженіе и продолжительность *чего-нибудь*. Значить, это—въ нѣкоторомъ смыслѣ то же пространство и время, но только съ прибавленіемъ *предметнаго* элемента. Но если отнять этотъ эмпирическій элементъ, то останется то-же, но уже чистое понятіе пространства и времени. Слѣд., здѣсь сродство, но не тождество понятій. Между тѣмъ, пространство и время недѣлимы, не состоятъ изъ частей, не увеличиваются и не уменьшаются сами по себѣ,—тогда какъ протяженіе и продолжительность дѣлимы,—потому что пространство и время могутъ отдѣлять части ихъ другъ отъ друга,—и, слѣдовательно, состоятъ изъ частей и могутъ увеличиваться и уменьшаться. Всѣ такъ называемыя геометрическія формы собственно суть видоизмѣненія протяженія, а не пространства; равнымъ образомъ, и измѣненія или виды времени суть только видоизмѣненія продолжительности, а не самаго времени. Пространство же и время въ данномъ случаѣ являются необходимыми условіями этихъ видоизмѣненій. Такимъ образомъ, протяженіе и продолжительность, съ одной стороны, предполагаютъ пространство и время, а съ другой—отличаются отъ нихъ. Слѣдовательно пространство есть только какъ бы возможность протяженія, а время—какъ бы возможность продолжительности,—хотя, несомнѣнно, объективно и реально существующія, или, иначе говоря, протяженіе и продолжительность суть лишь извѣстныя условныя формы пространства и времени.

Отсюда, для логически-естественнаго рѣшенія вопроса о пространствѣ и времени предстоить рѣшить другой вопросъ: протяженіе и продолжительность суть ли только наши представленія, или, сверхъ того, они даны намъ въ реальной дѣйствительности. Въ безусловной зависимости отъ рѣшенія этого послѣдняго вопроса, въ непосредственной и ближайшей причинной связи съ нимъ стоитъ и интересующій насъ вопросъ о пространствѣ и времени, какъ предметахъ нашего человѣческаго познанія. Дѣйствительно, если протяженіе и продолжительность даны намъ въ объективной дѣйствительности, то тогда будетъ ясно, что и возможность ихъ будетъ, несомнѣнно, только дѣйствительная, а не представляемая или воображаемая.

Поэтому, не безразличнымъ представляется для насъ хотя бы поверхностное разслѣдованіе и того, нѣсколько неопредѣленнаго, вопроса, объективны ли сами по себѣ, въ реальной дѣйствительности, протяженіе и продолжительность?

Вопросъ этотъ, намъ кажется, разрѣшается вполне положительно, т. е., что протяженіе и продолжительность, несомнѣнно, объективны. Что протяженіе и продолжительность не суть наши представленія, но имѣютъ объективное бытіе,—это видно уже изъ того, что представленія протяженія и продолжительности не суть самое протяженіе и продолжительность—ибо представленіе треугольника само въ себѣ не треугольно, представленіе столѣтія не длится сто лѣтъ и т. п.

Это отличіе протяженія и продолжительности отъ представленій показываетъ, что они не могутъ быть формами чисто чувственныхъ субъективныхъ впечатлѣній или чувственныхъ представленій, ибо протяженіе и продолжительность только могутъ быть представляемы, но сами по себѣ отнюдь—не представленія.

Такимъ образомъ, изъ рассмотрѣнія отношенія протяженія и продолжительности вытекаетъ заключеніе, что онѣ имѣютъ объективное, абсолютно-реальное бытіе.

Еще менѣе выступаетъ объективный характеръ протяженія и продолжительности, если обратить вниманіе на отношеніе ихъ къ вещамъ, даннымъ намъ въ опытѣ. Всякому, кто болѣе или менѣе серьезно и тщательно вдумается въ это, замѣтно станетъ, что онѣ суть неотъемлемыя принадлежности вещей, относящіяся къ вещамъ, какъ слѣдствія къ причинамъ. Безъ сомнѣнія, такой взглядъ и самое слововыраженіе многимъ могутъ показаться нѣсколько странными: вещи здѣсь являются какъ-бы производящими извѣстное протяженіе и продолжительность, а послѣднія—формами, опредѣляемыми вещами. Но такое причинное отношеніе вещей къ протяженію можно видѣть и выводить уже изъ того, что протяженіе осуществляется всегда посредствомъ движенія, для произведенія котораго потребна необходимо какая-либо сила реальная. Что касается продолжительности, то ее можно представить только чрезъ пребываніе въ извѣстныхъ опредѣленіяхъ, которыя становятся

намъ извѣстными или изъ опыта, или же умозрительно, смотря по тому, къ какому предмету относятся опредѣленія—эмпирическому, или умозрительному. О дѣйствительности продолжительности можно заключать изъ того факта, что относительно продолжительности можно сказать только одно *есть*, но никогда—*было* или *будетъ*. Продолженіе, какъ и предметъ, всегда въ настоящемъ. Когда оно становится прошедшимъ, то его уже собственно нѣтъ, ибо оно уже прошло. Подобнымъ образомъ, пока еще нѣтъ продолженія, если оно представляется будущимъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, есть не самое продолженіе, но только умственное представленіе его. И такъ, продолженіе есть лишь тогда, когда есть пребываніе, а пребываніе есть тогда, когда есть какой-нибудь пребывающій или существующій въ извѣстной опредѣленности предметъ, способный придавать эту опредѣленность самому себѣ, или принимать ее отъ другихъ.

Такимъ образомъ, какъ протяженіе, такъ и продолжительность нѣкоторымъ образомъ производятся вещами, какъ бы изъ слѣдствія, и неотдѣлимы отъ вещей, какъ ихъ опредѣленія. Вслѣдствіе этого, они должны имѣть такое-же предметное значеніе, какое имѣютъ и всякія другія опредѣленія вещей.

Но если протяженіе и продолжительность дѣйствительно имѣютъ объективное бытіе, то и возможности ихъ, если можно такъ выразиться, или, точнѣе говоря, то цѣлое, части и извѣстныя формы котораго они представляютъ, т. е., пространство и время—очевидно должны имѣть также объективное значеніе и существованіе реальное въ собственномъ смыслѣ. При этомъ, не будетъ ли справедливѣе мыслить не вещи въ пространствѣ и времени, а, напротивъ, эти послѣднія въ вещахъ? Должно лишь отрѣшиться отъ Кантовой точки воззрѣнія, отъ его понятія объ опытной лишь реальности пространства и времени въ томъ смыслѣ, что они реальны, доколѣ мы имѣемъ дѣло съ предметомъ въ опытѣ, какъ съ явленіемъ, но не существуютъ на самомъ дѣлѣ. Да, пространство и время не могутъ мыслиться нами въ чистомъ видѣ, они, можно сказать, неотдѣлимы отъ вещей, какъ и вещи отъ нихъ. Но это еще не значитъ, что они не имѣютъ объективнаго существованія и суть лишь извѣстныя формы нашего внутренняго представленія, присущія

одному только воспринимающему субъекту. Напротивъ, эта самая неотдѣлимость пространства и времени отъ вещей, это ихъ совмѣстное взаимоотношеніе и внутреннее наше сознаніе, по которому мы не можемъ мыслить вещи иначе, какъ въ пространствѣ и времени, а пространство и время иначе, какъ въ вещахъ, явно свидѣтельствуемъ объ ихъ объективномъ бытіи.

Вообще, взглядъ Канта на пространство и время, какъ на субъективныя только формы нашего чувственнаго познанія, страдаетъ крайнею и очевидною односторонностью, какъ и вся его „Трансцендентальная эстетика“. Обращая исключительное вниманіе свое на воспринимающаго субъекта, Кантъ слишкомъ мало вниманія на объекты познанія и часто не видитъ или отрицаетъ объективно-реальное бытіе тамъ, гдѣ оно не можетъ не быть. Вѣдь, безъ объектовъ познанія не можетъ быть самаго познанія. Недостаточно еще признавать лишь объективное существованіе вещей, нами познаваемыхъ. Такую же объективность должно приписывать и формамъ, въ которыхъ мы ихъ неизбежно мыслимъ, признакамъ, которые отъ нихъ неотдѣлимы, условіямъ, внѣ которыхъ онѣ, по нашему сознанію, не могутъ существовать, т. е., прежде всего и болѣе всего пространству и времени. Признавая объективное бытіе этого міра вещей, которыя мы познаемъ, было бы прямою несообразностью отрицать объективность пространства и времени, считая ихъ одними лишь чистыми (скорѣе туманными), субъективными опредѣленіями вещей со стороны лица воспринимающаго. Кантово ученіе о пространствѣ и времени слишкомъ гипотетично и не имѣетъ подъ собою никакой твердой почвы и надлежащихъ въ свою пользу доказательствъ. Но оно, сверхъ того, не имѣетъ возможности объяснить наши познанія внѣшняго міра и противорѣчить нѣкоторымъ фактамъ изъ области человѣческаго сознанія и познанія. Безъ сомнѣнія, пространство и время можно признать „интеллектуальными формами возрѣнія“, но это не есть еще чисто субъективный характеръ ихъ, усвояемый имъ Кантомъ. Мы называемъ ихъ „интеллектуальными формами возрѣнія“ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ихъ Кантъ,—какъ будто пространство и время не имѣютъ объективнаго существованія, т. е., не существуютъ на са-

момъ дѣлѣ. Направленія, по которымъ достигаютъ до нашихъ органовъ чувствъ лучи свѣта, звука и теплоты, скорѣе приводятъ насъ къ тому заключенію, что исходныя точки зрѣнія, т. е., *дѣятели* или *сочетанія силъ*, находятся въ пространственномъ протяженіи другъ подлѣ друга, и надъ и подъ другъ другомъ, и научное изслѣдованіе, открывая намъ пути небесныхъ тѣлъ, Кеплеровы и Ньютоновы законы, равно какъ на землѣ законы кристаллизаціи и законы оптики и акустики, рѣшительно подтверждаетъ объективность пространства и времени. Если же мы говоримъ, что субъектъ сознаетъ внѣшній міръ подъ *интеллектуальными формами пространства и времени*, то этимъ просто выражается только то, что пространство и время *не только* въ объектѣ существуетъ объективно, но что и субъектъ, съ своей стороны, обладаетъ способностью *воспринимать* эти *формальныя* протяженія,—другими словами, что существующему во внѣшнемъ мірѣ *измѣримому* протяженію соотвѣтствуетъ въ субъектѣ *измѣряющее*. Если бы это было не такъ, то мы точно также не могли бы доходить до понятій о пространствѣ и времени, т. е., о высотѣ, широтѣ, глубинѣ, о прошедшемъ и будущемъ, какъ, напр., не доходить до этихъ понятій и растеніе; мы точно также не въ состояніи были бы постигнуть, напр., ученіе Пифагора, какъ не можетъ постигать его и животное. Такимъ образомъ, пространство и время субъективны и апріорны. Но они въ то же время непременно должны быть и объективны, быть объективными формами внѣшнихъ вещей. Если бы пространство и время не имѣли объективнаго бытія, не существовали бы на самомъ дѣлѣ, если бы въ мірѣ не существовало никакой перемѣны, если бы вселенная, во всѣхъ своихъ частяхъ, оставалась равною самой себѣ, неподвижною и неизмѣнною,—то не было бы и никакой возможности воспринимать различіе въ пространствѣ и времени, дѣлать какія либо пространственныя и временныя измѣренія и опредѣленія. Но такъ какъ все течетъ (древнее изреченіе—*πάντα ῥεῖ*), такъ какъ вещи ясно представляются нашимъ чувствамъ въ постоянномъ движеніи и, слѣд., въ различныхъ измѣреніяхъ,—то отсюда происходитъ объективное различіе между временными или пространственными пунктами *a*, въ ко-

торыхъ вещи находились въ томъ или другомъ видѣ, и другими пунктами пространства и времени *b, c, d*, въ которыхъ онѣ были въ иномъ. А если такъ, то необходимо признаніе объективнаго бытія пространства и времени, безъ чего не было бы возможно и самое наше чувственное познаніе. Если мы не можемъ мыслить вещи иначе, какъ въ пространствѣ и времени,—то они должны существовать въ дѣйствительности, имѣть объективное, реальное бытіе. Такимъ образомъ, должно признать, что пространство и время заключаютъ въ себѣ два элемента: субъективный и объективный, т. е., съ одной стороны, они суть необходимыя представленія а priori и субъективныя условія нашего чувственнаго познанія, съ другой стороны—они суть объективныя формы внѣшнихъ вещей. И это элементы—не противорѣчивые, а, напротивъ, неразрывно связанные между собою, такъ что одинъ безъ другаго не мыслимъ при чувственныхъ воспріятіяхъ внѣшняго міра: пространство и время служатъ какъ бы посредниками между мыслящимъ и воспринимающимъ субъектомъ и воспринимаемыми и познаваемыми вещами, объектами чувственнаго познанія, и потому необходимо должны быть въ одно и то же время и субъективны, и объективны.

Но если ученіе Канта о пространствѣ и времени, какъ о чисто субъективныхъ формахъ нашего чувственнаго познанія, не имѣющихъ дѣйствительнаго, объективнаго существованія, и страдаетъ крайнею, очевидною односторонностью и должно быть признано несостоятельнымъ, то все-же за знаменитымъ кѣнигсбергскимъ мыслителемъ нельзя не признать здѣсь великой заслуги человѣческой мысли. Вообще нужно замѣтить, что заслуги Канта для философіи весьма важны по множеству плодотворныхъ и свѣтлыхъ мыслей, внесенныхъ имъ въ обращеніе. Замѣчательный его трудъ, извѣстный въ полномъ своемъ видѣ и составѣ подъ именемъ „Критики чистаго разума“, имѣетъ все свое значеніе и для настоящаго времени. Онъ поучителенъ для насъ какъ своими достоинствами, такъ даже и своими недостатками. Множество глубокихъ замѣчаній относительно способовъ нашего познаванія, весьма подробный и тонкій анализъ движеній нашего познающаго ума дѣлаютъ „Критику чистаго разума“ неизбежною для всякаго, кто хотѣлъ бы дать

себѣ отчетъ въ способѣ своего познаванія. Въ частности, это замѣчаніе можно отнести и къ „Трансцендентальной эстетикѣ“ Канта, къ его ученію о пространствѣ и времени. Если мы постараемся забыть крайнюю его односторонность и посмотримъ на предметъ нѣсколько съ другой стороны, то для насъ нѣсколько выяснится философское значеніе этого ученія. Кантъ съ особенною ясностью, какъ никто до него, указалъ апріорность нашихъ понятій о пространствѣ и времени, которыя, какъ мы видѣли, несмотря на свое дѣйствительное, объективное бытіе, имѣютъ соотвѣтственныя идеи въ нашемъ умѣ до опыта и иначе не могли бы нами быть постигнуты. Кантъ впалъ въ ошибку и крайнюю односторонность, доказывая исключительно субъективный характеръ пространства и времени, какъ *только* субъективныхъ, будто-бы, формъ нашего чувственного познанія,—но его заслуга въ томъ, что онъ убѣдительно указалъ на ихъ субъективный характеръ и тѣмъ защитилъ достоинство человѣческаго духа отъ посягательствъ со стороны новѣйшаго матеріализма, все пытающагося объяснять фізіологическими лишь причинами, ставящаго человѣческое познаніе въ исключительную зависимость отъ воздѣйствія внѣшняго міра и игнорирующаго воспринимающаго субъекта, мыслящій человѣческой духъ, прирожденныя идеи и апріорныя понятія. Наконецъ, поучительны и самые недостатки ученія Канта о пространствѣ и времени. Недостаточная психологія Вольфовою школы, положенная Кантомъ въ основу своихъ изслѣдованій и въ частности его „Трансцендентальной эстетики“, крайній формализмъ мысли и даже педантизмъ ея, узкая односторонность его взгляда на пространство и время,—все это должно побуждать къ новой постановкѣ вопросовъ и новой ихъ обработкѣ, побуждать философскую мысль и приводить ее къ болѣе правильному выясненію понятій о пространствѣ и времени и ихъ соотношенія съ мыслящимъ субъектомъ и внѣшнимъ объективнымъ міромъ. И, несмотря на заблужденія и односторонность Канта въ его ученіи о пространствѣ и времени,—и тутъ многія его замѣчанія могутъ быть приняты за руководящія начала и вносятъ новыя мысли въ наше умственное обращеніе...

ИЗБРАННЫЕ ТРАКТАТЫ ПЛОТИНА.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Продолженіе *).

К Н И Г А 5-я.

О томъ, что единое тождественное сущее вездѣ, во всемъ присутствуетъ во
всей своей цѣлости—изслѣдованіе второе (περί τοῦ τὸ ὄν ἐν καὶ ταῦτόν
ὄν ἅμα πανταχοῦ εἶναι ὅλον—δεύτερον).

Всеобщая вѣра людей въ единого вездѣ сущаго Бога. Доказательства истинн этой
вѣры. Отношеніе единого всеобъемлющаго абсолютно сущаго къ множественности
бытія въ сверхчувственномъ и въ чувственномъ мірѣ. Отношеніе матеріи къ идеѣ.
Міровая душа, какъ единый источникъ жизни для всего одушевленнаго. Отноше-
ніе чувственнаго міра, существующаго въ формѣ пространства и времени, къ
сверхчувственному міру непротяженному и вѣчному.

Что единое по числу и тождественное по существу начало
присутствуетъ вездѣ во всей своей цѣлости,—это есть убѣжде-
ніе, общее всѣмъ людямъ, ибо всѣ безотчетно, въ силу нѣко-
ею природнаго инстинкта говорятъ, что Богъ, присущій каж-
дому изъ насъ, есть одинъ и тотъ же (во всѣхъ и во всемъ).
И, когда люди говорятъ такъ, напрасно стали бы вы требовать
отъ нихъ объясненія, какъ это Богъ присутствуетъ въ насъ, и
спрашивать, на чемъ основывается это ихъ убѣжденіе: они въ
состояніи отвѣтить лишь одно,—что такъ оно есть (а иначе
быть не можетъ): покоясь на этомъ убѣжденіи, возникающемъ
одновременно съ первымъ пробужденіемъ мысли, они будутъ
твердить все одно, что должно существовать нѣчто единое и

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1898 г., № 24.

тождественное и ни за что не отрекются отъ этого единства. Это убѣжденіе представляетъ собою начало крѣпчайшее, достовѣрнѣйшее всѣхъ началъ,—начало, которое изначала звучитъ въ душахъ нашихъ, которое, конечно, наблюденіемъ вещей болѣе проясняется и подтверждается, но возникаетъ въ насъ и присуще намъ прежде всего прочаго, даже прежде положенія, гласящаго, что все стремится къ благу, ибо само это положеніе истинно лишь подъ тѣмъ условіемъ, если всѣ существа нуждаются въ единствѣ, стремятся къ единству, образуютъ единство. Это единое, нисходя насколько возможно въ иное, кажется многимъ и на самомъ дѣлѣ является въ извѣстномъ отношеніи какъ множество, но его первоначальная природа и его стремленіе къ благу, будучи (на самомъ дѣлѣ) стремленіемъ къ самому себѣ, приводитъ (это его множество) къ реальному единству, къ которому стремится всякая природа, насколько всякая хочетъ утвердить саму себя, ибо благо всякой такой единой и единичной природы не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ томъ, чтобы быть самой собою и для себя, утверждаться на себѣ—словомъ, чтобы быть единою, единичною. Поэтому вполне справедливо говорится, что благо такой природы заключается въ ней самой, есть ея собственное благо, котораго нечего ей искать внѣ себя. Да и какъ это, спрашивается, благо могло бы находиться гдѣ-то внѣ сущаго, то есть, падать въ область несущаго? Такъ какъ благо не есть жес что либо несущее, то ясно, что оно можетъ находиться лишь въ области сущаго. А если такъ, если благо само есть сущее и находится всегда въ сущемъ, то это значитъ, что, пребывая въ самомъ себѣ, оно въ то же время присуще и каждому изъ насъ (ибо существуемъ же мы). Итакъ, мы сами не далеки отъ сущаго, такъ какъ всѣ мы въ немъ находимся и оно не далеко отъ насъ. Выходитъ, что всѣ существа (какъ существующія) представляютъ собою въ этомъ отношеніи одно (цѣлость существующаго).

2. Такъ какъ разумъ человѣческой, занимающійся рѣшеніемъ этого вопроса (о природѣ истинно-сущаго), самъ не представляетъ чистаго единства, а кромѣ того въ своемъ изслѣдованіи обращается къ природѣ тѣлѣ и отсюда заимствуетъ для него основополагающіе принципы, то не удивительно, что онъ и

природу бытія сверхчувственнаго раздѣляетъ, считая ее похожую на природу тѣлесную, и приходитъ къ отрицанію ея единства; иначе и быть не можетъ, когда изслѣдованіе выходитъ изъ принциповъ, не соответствующихъ (природѣ предмета). Поэтому, намъ, въ основу нашего изслѣдованія о единствѣ абсолютно-сущемъ, слѣдуетъ положить начала самыя достовѣрныя, т. е., ноуменальныя свойственныя ноуменамъ и способныя выразить природу истинно-сущаго. Въ самомъ дѣлѣ, все чувственное, находящееся въ непрерывномъ движеніи, претерпѣвающее всяческія измѣненія, и вездѣ во всякомъ мѣстѣ раздѣленное, не можетъ быть названо бытіемъ въ строгомъ смыслѣ слова, а лишь бываніемъ ¹⁾; напротивъ бытіе сверхчувственное, какъ вѣчное, есть бытіе не раздѣленное,—оно остается всегда себѣ равнымъ и тождественнымъ, не происходитъ и не гибнетъ, не занимаетъ никакого пространства, не заключается ни въ какомъ опредѣленномъ мѣстѣ, не входитъ никуда и не выходитъ ни откуда, но пребываетъ всегда въ самомъ себѣ. Когда идетъ рѣчь о природѣ тѣлѣ, то конечно можно и должно выходить изъ понятія объ этой природѣ и ея свойствахъ и путемъ силлогистическаго умозаключенія получить болѣе или менѣе вѣроятныя положенія: но когда рѣчь идетъ о бытіи ноуменальномъ, тогда въ основу изслѣдованія должно полагать природу той сущности, которая составляетъ предметъ его, изъ нея самой извлекать всѣ начала его, совсѣмъ уже не обращаться къ иной природѣ, какъ бы по забывчивости, но исключительно только изъ этой одной (сверхчувственной) сущности извлекать понятіе о ней, ибо (по ученію Логики) и вездѣ вообще сущность предмета (τί ἐστὶ) должна служить исходнымъ пунктомъ всякаго о немъ изслѣдованія, и хорошее опредѣленіе вещи даетъ указаніе и на многія ея свойства. Поэтому, когда рѣчь идетъ о бытіи ноуменальномъ, гдѣ сущность составляетъ все, то тутъ уже все вниманіе слѣдуетъ сосредоточить на сущности, ея одной постоянно держаться, къ ней одной все относить.

3. Итакъ, если ноуменальное бытіе есть такое истинно-су-

1) ὃ δὲ γένεσιν ἄν προσήκοι ἀναρᾶσθαι, ἀλλ' οὐκ οὐσίαν. Это положеніе тоже цѣлкомъ взято у Платона. См. Филэбъ 54—56.

щее, которое не подвержено никакому измѣненію, никогда не удаляется отъ себя, исключаетъ изъ себя всякое бываніе и не занимаетъ никакого мѣста, то изъ такой его природы слѣдуетъ также, что оно всегда находится въ самомъ себѣ, что оно не имѣетъ частей, находящихся на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи—одна здѣсь, другая тамъ и т. д., что оно никогда не выходитъ изъ самого себя вовнѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно находилось бы во многихъ различныхъ субстратахъ, или по крайней мѣрѣ въ какомъ либо одномъ, и тогда уже не было бы недоступно страданію, ибо находится въ чемъ либо другомъ значить быть подверженнымъ страданію; а такъ какъ оно не подвержено никакому страданію, то оно не находится ни въ какомъ другомъ субстратѣ. А если такъ,—если оно не удаляется отъ себя, не дѣлитъ себя, но пребываетъ въ себѣ, какъ единое цѣлое, и можетъ находиться сразу во многомъ, не терпя отъ этого никакого измѣненія, то это значить, что оно, открываясь во многихъ существахъ, остается во всѣхъ ихъ однимъ и тѣмъ же, то есть, что оно пребываетъ вмѣстѣ и въ самомъ себѣ и внѣ себя, такъ какъ оно не представляетъ изъ себя одного опредѣленнаго существа, но всѣ существа участвуютъ въ немъ по мѣрѣ своей къ нему близости, зависящей отъ того, насколько они способны приближаться къ нему. Такимъ образомъ, остается одно изъ двухъ, или отвергнуть сейчасъ установленныя нами начала и положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать бытіе ноуменальнаго міра, или же, если нельзя отречься отъ признанія его бытія, принять, какъ несомнѣнную истину, высказанное нами въ самомъ началѣ положеніе, что истинно—сущее есть единое по числу, тождественное и нераздѣльное цѣлое. Оно не удалено ни отъ одного изъ существъ, но для этого (чтобы быть имъ близкимъ и присущимъ) оно вовсе не изливается такъ, чтобы нѣкоторыя части его существа отдѣлялись (и входили въ нихъ); нѣтъ, оно во всей цѣлости пребываетъ въ самомъ себѣ, и когда оно производитъ что либо низшее, менѣе совершенное, то при этомъ не покидаетъ себя и не распространяетъ себя здѣсь или тамъ въ этихъ другихъ вещахъ: допустить противное значило бы согласиться, что оно находится на одной сторонѣ, а созданныя имъ вещи на другой, и что оно, существуя от-

дѣльно отъ вещей, занимаетъ мѣсто. Умѣстно тутъ еще и такое соображеніе: что касается вещей происшедшихъ (отъ еди-наго сущаго), то каждая изъ нихъ представляетъ или цѣлое бытіе или только часть его; если она есть только часть его въ такомъ разѣ она не обладаетъ природою цѣлаго; а если она есть цѣлое, тогда мы должны или согласиться, что она можетъ быть раздѣлена на столько же частей, какъ и то все, въ составъ котораго она входитъ, или скорѣе уже признать, что единое тождественное бытіе можетъ находиться одновременно вездѣ во всей своей цѣлости.

Аргументація эта опирается на самой вещи ноуменальной и ея сущности и не содержитъ въ себѣ ничего чуждаго этой сущности, ничего заимствованнаго изъ области иной (тѣлесной) природы.

4. Слѣдуетъ твердо помнить, что Богъ не здѣсь только присутствуетъ, а тамъ отсутствуетъ, но вездѣ есть. Всѣ, имѣющіе понятіе о божествѣ, обыкновенно вѣрують и говорятъ, что не только этотъ Богъ (единный, высочайшій) есть вездѣсущій, но и всѣ вообще боги таковы,—такъ вѣрують, потому что и разумъ требуетъ этой вѣры. Но если Богъ вездѣ присущъ, то это именно потому, что во всемъ нѣтъ никакого раздѣленія, а иначе онъ и не могъ бы присутствовать вездѣ, ибо если-бы онъ состоялъ изъ частей, то одна часть его находилась бы здѣсь, другая тамъ,—кромѣ того, въ такомъ разѣ Онъ не былъ бы единымъ, ибо былъ бы похожъ на пространство, раздѣленное на множество частей, онъ уничтожился бы отъ такого раздѣленія, и части его не составляли бы изъ себя одного цѣлаго, словомъ, онъ былъ бы тѣломъ. Поелику же это невозможно, то необходимо признать за истину то, чему нѣкоторые не хотятъ вѣрить, но что удостовѣряется вѣрою всѣхъ людей, истекающею изъ самой природы человѣка, именно, что Богъ присутствуетъ одновременно вездѣ во всей цѣлости и въ тождествѣ своего существа. И если мы такую Его природу назовемъ безконечною на томъ основаніи, что для нея нѣтъ и не можетъ быть никакихъ границъ, то не то ли это будетъ значить, что она есть вседвлѣющая—такая, въ которой нѣтъ ничего ей недостающаго? А если ничего нѣтъ такого, что ей бы не доставало, то это потому и это значить, что она присутствуетъ

во всемъ существующемъ, ибо еслибы она въ чемъ либо не присутствовала, то это значило-бы, что въ иныхъ мѣстахъ ея вѣтъ и что ей недостаетъ чего-то (того, что въ нихъ находится). Существа, которыя (по своей природѣ) ниже Первоединого, существуютъ совмѣстно съ нимъ, и хотя слѣдуютъ послѣ него, но около него и въ немъ находятся, какъ его порожденія (οἶον γεννημα), такъ что если что либо въ нихъ участвуетъ, то участвуетъ также и въ немъ. Такъ какъ въ сверхчувственномъ мірѣ есть существа перваго, второго и третьяго порядка, такъ какъ они группируются около одного центра одного и того же круга, такъ какъ они находятся здѣсь всѣ вмѣстѣ, не раздѣляемые другъ отъ друга никакими пространственными промежутками, то это значитъ, что существа перваго или второго порядка находятся тамъ же, гдѣ и существа третьяго порядка, и наоборотъ.

5. Для большей ясности представленія (этой формы существованія) очень часто прибѣгаютъ къ образу круга, въ которомъ изъ одного центра исходитъ множество радіусовъ; подобно этому говорятъ и тамъ (въ сверхчувственномъ мірѣ отъ первоединого) происходитъ множество существъ. Но къ положенію, что происходящее тамъ многое существуетъ разомъ и вмѣстѣ, необходимо присовокупить слѣдующую оговорку: даже въ кругѣ сливающиміеся въ одно (въ центрѣ) радіусы могутъ быть принимаемы за особыя, отдѣльные (даже въ центрѣ), такъ какъ кругъ все таки есть поверхность; но гдѣ нѣтъ пространства и протяженія свойственнаго даже поверхности, гдѣ имѣютъ мѣсто однѣ лишь непротяженныя силы и сущности, тамъ эти силы и сущности легко могутъ быть представлены, какъ такія особыя центры, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ одинъ и тотъ-же единственный центръ, на подобіе того, какъ и всѣ радіусы, представляемые въ самомъ началѣ до распространенія ихъ въ пространствѣ, должны бы 'составлять изъ себя одну точку съ своимъ центромъ. Когда же затѣмъ радіусы распространяются въ пространствѣ, то они будутъ зависѣть отъ тѣхъ точекъ, изъ которыхъ вышли, при чемъ каждая точка будетъ имѣть свой особый центръ, не отдѣлимый однакожъ отъ перваго (общаго всѣхъ) центра; эти центры, не смотря на со-

единеніе всѣхъ ихъ въ одномъ первомъ центрѣ, будутъ также и особыми индивидуальными, ибо образуютъ изъ себя число—число какъ разъ равное числу радіусовъ, для которыхъ они послужили началомъ; сколько радіусовъ выходитъ изъ центра и опять въ немъ сходится, столько же для нихъ есть и центровъ, и одвакожь всѣ они составляютъ одинъ и тотъ же центръ. Сравнивая ноумень съ центрами, которые совпадаютъ въ одномъ центрѣ и сливаются здѣсь въ одно, и въ то же время кажутся особыми и многими въ радіусахъ, въ которыхъ они лишь раскрываются, по вовсе ими сами не порождаются, мы думаемъ дать этимъ сравненіемъ еще болѣе ясное представленіе о тѣхъ сущностяхъ, состоя изъ которыхъ, ноуменальная природа (при единствѣ) есть множественная и вездѣсущая.

6. Въ самомъ дѣлѣ ноумены, представляя изъ себя множество, образуютъ также и единство, и наоборотъ составляя единство, по причинѣ своей безконечной (не объятой пространственными границами) природы, образуютъ множество; тутъ многое въ единомъ и единое во многомъ и все вмѣстѣ; каждая сущность устремлена своею энергіею на все цѣлое и вмѣстѣ съ нимъ, и даже когда направляетъ ее на какую либо часть, дѣйствуетъ на нее совмѣстно съ цѣлымъ, ибо хотя первое ея дѣйствіе на эту часть имѣетъ видъ частнаго дѣйствія, но въ него входитъ и дѣйствіе цѣлага, какъ напр. когда человѣкъ въ себѣ (идея, сущность), входя въ какого либо человѣка, и становится этимъ именно особымъ человѣкомъ, то отъ этого онъ вовсе не перестаетъ быть человѣкомъ въ себѣ; человѣкъ тѣлесный (*ὁ ἀνθρώπος ἐν τῇ ὕλῃ*), происходящій отъ человѣка идеальнаго (*ὁ ἀνθρώπος κατὰ τὴν ἰδέαν*), который есть одинъ единственный, производитъ множество человѣческихъ индивидуумовъ, которые одвакожь всѣ одинаково суть люди именно потому, что одно тождественное нѣчто (идея) налагаетъ на все множество одну и ту же печать. А это значитъ, что человѣкъ въ себѣ, что каждый ноумень, что вся цѣлость ихъ не во множествѣ (индивидуальныхъ вещей) находится, а напротивъ (это видимое) множество въ томъ сверхчувственномъ мірѣ содержится, или вѣрнѣе, какъ бы располагается вокругъ его, ибо иначе напр. бѣлизна присутствуетъ во всемъ тѣлѣ и совсѣмъ

иначе одна тождественная душа присутствуетъ во всѣхъ членахъ организма; вотъ именно такъ (какъ душа въ органахъ тѣла) истинно-сущее вездѣ и во всемъ присутствуетъ.

7. И мы своимъ существованіемъ и своимъ существомъ утверждаемъ всецѣло на этомъ сущемъ, къ нему всегда обращены, ибо въ немъ лежитъ наше начало. Вѣдь мы мыслимъ ноумены, не прибѣгая къ образамъ и отраженіямъ, и это значить, что мы сами принадлежимъ къ числу ихъ, и когда мы бываемъ причастны истиннаго знанія, то это не потому, что мы ихъ воспринимаемъ, или овладѣваемъ, а потому что къ нимъ возносимся и въ средѣ ихъ находимся. Такъ какъ кромѣ насъ есть эти подобныя намъ ноуменальныя сущности, то (вслѣдствіе нашего сходства съ ними) мы всѣ принадлежимъ къ числу ноуменовъ, и, какъ ноумены, существуемъ совместно со всѣми прочими, и вмѣстѣ съ ними составляемъ одно цѣлое. Когда мы направляемъ взоръ вовнѣ а не туда, гдѣ мы коренимся (духовною природою), то конечно не можемъ усмотрѣть нашего единства (со всѣмъ сверхчувственнымъ цѣлымъ), и насъ можно въ этомъ разѣ уподобить множеству лицъ, которыя на внѣшній взглядъ кажутся многими, не смотря на то, что въ существѣ всѣ они растутъ и держатся на одной и той же головѣ. Но если бы каждое изъ этихъ лицъ, собственно ли силою, или движимое Аеиною, могло обратиться на самое себя, то оно увидѣло бы въ себѣ и Бога и все; конечно, сразу оно не увидитъ себя какъ единое все, но глядя все больше и больше и не находя нигдѣ точки опоры для очерченія собственныхъ границъ и для опредѣленія, доколѣ собственно простирается его собственное бытіе, оно въ концѣ концовъ оставитъ попытку отличить и отдѣлить себя отъ всеобщаго бытія, и такимъ образомъ, не двигаясь впередъ, не перемѣняя мѣста, очутится тамъ же, гдѣ это всеобщее бытіе,—само окажется этимъ бытіемъ.

8. Намъ кажется, что всякій, вдумывающійся въ вопросъ объ участіи матеріи въ идеяхъ (*ή τῆς ὕλης τῶν εἰδεῶν μετάληψις*), согласится съ нашимъ воззрѣніемъ, и не станетъ его оспаривать, какъ такое, которое допускаетъ нѣчто невозможное. На нашъ взглядъ, слѣдуетъ считать за вѣроятное и необходимое, что природа вещей вовсе не такъ устроена, чтобъ особо нахо-

дились тамъ-то идеи, и особо вдали отъ нихъ находилась матерія, въ которую потомъ откуда-то свыше исходитъ осіяніе (ἐλάμφει). Такое представленіе, на нашъ взглядъ лишено всякаго смысла, ибо какой тутъ могутъ имѣть смыслъ такія представленія, какъ особо, отдѣльно, вдали? А о томъ уже и говорить нечего, что при такомъ представленіи дѣла участіе въ идеяхъ (всего тѣлеснаго) представляло бы нѣчто самое неудобопостижимое и неудобовыразимое. Между тѣмъ познано и выяснено оно можетъ быть лучше всего посредствомъ примѣровъ и сравненій. И мы иногда употребляемъ тутъ выраженіе излученіе, осіяніе, но мы усвоаемъ ему здѣсь совсѣмъ не то значеніе, въ какомъ употребляемъ его въ примѣненіи къ чувственнымъ вещамъ, когда говорятъ объ излученіи, исходящемъ изъ одного предмета въ другіе. Такъ какъ матеріальныя вещи суть образы, первообразы которыхъ суть идеи, то и мы говоримъ, что онѣ освѣщаются идеями, чтобы дать этимъ понять, что освѣщаемое есть нѣчто совсѣмъ иное и особое отъ того, что его освѣщаетъ. Но чтобы быть вполне точными, мы должны къ этому присовокупить, что идея вовсе не отдѣлена мѣстомъ отъ матеріи и вовсе не такъ отражается въ матеріи, какъ тѣлесный предметъ въ водѣ, что напротивъ матерія отовсюду окружаетъ идею, примыкаетъ къ ней, не касаясь ея (какъ внѣшней вещи) и при такой близости, безъ посредства чего либо третьяго, вся воспринимаетъ отъ идеи столько, сколько воспринять способна, между тѣмъ какъ идея при этомъ вовсе не распространяется по всей матеріи и не носится надъ нею, но не перестаетъ пребывать въ самой себѣ. Напримѣръ, такъ какъ идея огня сама не находится въ матеріи, и мы вслѣдствіе этого принимаемъ матерію за общій субстратъ всѣхъ стихій, то идея огня, не нисходя въ матерію, даетъ всей ей форму огня, дѣлаетъ огненною, послѣ чего огонь (чувственный), какъ имѣющій въ матеріи свой субстратъ, является уже, какъ разнообразная, большая или меньшая масса. То же самое примѣнимо и ко всѣмъ такъ называемымъ стихіямъ. Итакъ, если этотъ единственный идеальный огонь усматривается потомъ повсюду, гдѣ онъ отражаетъ свой образъ, то онъ производитъ это отраженіе себя въ матеріи, не находясь въ иномъ, чѣмъ она, мѣстѣ на подобіе

того, какъ тѣлесный предметъ въ чемъ либо отражается, а иначе онъ весь былъ бы данъ гдѣ либо для нашего чувственнаго воспріятія (на подобіе предмета отражающагося въ чемъ либо). Если же онъ весь является въ каждомъ изъ многихъ своихъ образовъ, то это благодаря тому обстоятельству, что огонь (чувственный) самъ уже производитъ для себя мѣста, между тѣмъ какъ идея его пребываетъ въ самой себѣ (а не въ какомъ либо мѣстѣ), ибо становясь множественнымъ, онъ необходимо разбѣгается (въ пространствѣ) и удаляется, хотя, ставъ множественнымъ, не перестаетъ участвовать въ одномъ и томъ же принципѣ (отражать въ себѣ одну и ту же идею или форму огня). Такъ какъ идея недѣлима, то она ни малѣйшей части самой себя не отдаетъ матеріи, но не смотря на свое нераздѣльное единство, она не безсильна отпечатлѣвать форму свою въ томъ, что само по себѣ чуждо ея единства (и представляетъ чистую раздѣленность, т. е., матерія) и становится присущею сразу всей вселенной не такъ, что одною своею частію формируетъ одну ея часть, другою—другую, но сама будучи цѣлою, формируетъ сразу все и каждое порознь. Смѣшно было бы предполагать, что есть много идей огня, что каждый огонь образуется по особой идеѣ; это значило бы, что идей (одного и того же содержанія) есть безконечное множество. Да и какъ можно раздѣлить другъ отъ друга явленія, производимыя огнемъ, когда огонь (по своему субстрату) есть нѣчто единое и непрерывное? Вѣдь если подложить подъ эту часть матеріи другой огонь и увеличить его, то развѣ можно сказать, что тутъ какая то совсѣмъ другая и иная идея (или сила) огня дѣйствуютъ, а не та самая (одна единственная), которая вездѣ производитъ одно и то же дѣйствіе?

9. Если согласиться, что всѣ стихіи, по образованіи ихъ, составляютъ одно цѣлое, имѣющее форму шара, тогда нельзя уже допустить, что этотъ шаръ произведенъ многими дѣятелями, изъ коихъ одинъ произвелъ одну часть его, другой другую, но необходимо признать его произведевіемъ одного и того же создателя, притомъ такого, который въ дѣйствиіи созданія шара присутствовалъ нераздѣльно весь, а не производилъ одну часть его одною своею частію, другую другою, ибо въ послѣднемъ

случаѣ шаръ все таки былъ бы произведеніемъ многихъ дѣятелей, если бы во всей цѣлости своей не былъ произведеніемъ одного недѣлимаго начала. Но понятно, что такое единое недѣлимое начало не изливается же само во всю массу производимаго имъ шара, а напротивъ шаръ весь на немъ (его силою) держится, другими словами, одна и та же жизнь проникаетъ и охватываетъ весь шаръ, который такимъ образомъ весь содержится въ этой одной и той же жизни (а не она въ немъ). Такимъ-то образомъ все, что содержится въ этомъ шарѣ (во вселенной), объемлется и проникается одною и тою же жизнью, и всѣ души составляютъ одну душу, которая вълѣдствіе этого есть единая и вмѣстѣ безконечная. Вотъ почему нѣкоторые философы выражались, что *душа есть число*, а другіе прибавляли, что *душа увеличивается вмѣстѣ съ числомъ*, желая дать понять, что нѣтъ ничего такого, въ чемъ бы отсутствовала душа, что она вездѣ и во всемъ, не переставая въ самой себѣ быть тѣмъ, что она есть. Это значить, что если бы міръ могъ стать еще большимъ, чѣмъ каковъ онъ есть, то и тогда у души достало бы силъ на все и вся, потому что и тогда онъ весь содержался бы во всей душѣ (т. е., въ универсальной). Такимъ образомъ выраженіе: „*душа увеличивается вмѣстѣ съ числомъ*“ слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а въ томъ смыслѣ, что душа, не смотря на свое единство, не отсутствуетъ ни въ чемъ, присутствуетъ вездѣ, ибо единство ея вовсе не есть такое, которое подлежитъ измѣренію и какое свойственно той или иной природѣ (тѣлесной), которая тщетно претендуетъ быть единою и касается единою лишь насколько участвуетъ въ истинномъ единствѣ. Въ строгомъ смыслѣ слова единое есть только то бытіе, которое не составляется изъ многихъ особыхъ частей, а иначе постепенное отнятіе каждой изъ его частей повело бы къ уничтоженію его единства и цѣлости, потомъ-то, которое не отдѣлено никакою границею отъ всего прочаго (многаго), а иначе ему пришлось бы или не достигать до всего, если бы это все оказалось ббльшимъ, чѣмъ оно, или растягиваться въ желаніи стать въ урбвень со всѣмъ, и касаться частей этого всего своими частями, вмѣсто того, чтобъ присутствовать во всемъ вездѣ во всей своей цѣлости; а кромѣ того, такъ какъ при та-

кой своей раздробленности, оно не составляло бы одного непрерывнаго сосредоточеннаго въ себѣ цѣлаго, то ему самому неизвѣстно было бы, гдѣ оно находится. Итакъ, если это бытіе есть единое въ истинномъ смѣслѣ слова, если единство составляетъ саму сущность его, то оно должно извѣстнымъ образомъ содержать во власти и силѣ своей и противоположную природу, т. е., множество; мало того, необходимо, чтобъ оно, это множество, имѣло не внѣ себя, а у себя и отъ себя, другими словами,—чтобъ оно, будучи единымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ было многимъ и безконечнымъ. Будучи же таковымъ, оно вездѣ является во всей своей цѣлости какъ единый разумъ, который самъ себя обнимаетъ и обнимая или держа себя въ самомъ себѣ, нигдѣ не удаляется отъ себя, но вездѣ пребываетъ въ самомъ себѣ; онъ не отдѣляется мѣстомъ и отъ всѣхъ другихъ вещей, ибо онъ существовалъ прежде всѣхъ тѣхъ вещей, которыя существуютъ въ формѣ пространства; онъ не имѣлъ въ нихъ никакой нужды, напротивъ онѣ нуждались въ немъ какъ въ своей основѣ, но не смотря на то, что всѣ онѣ на немъ были утверждены, онъ все таки продолжаетъ назыблемо пребывать въ самомъ себѣ, и если бы какъ нибудь онъ двинулся (изъ себя), тогда всѣ прочія вещи тотчасъ погибли бы и исчезли, лишившись въ немъ той основы, на которой всѣ утверждаются. Но, не можетъ быть никакого разумнаго основанія для того, чтобы онъ, обладавшій совершеннымъ бытіемъ благодаря тому обстоятельству, что пребываетъ въ самомъ себѣ, вдругъ отчуждался отъ себя, удалялся изъ себя и ввѣрилъ свое существованіе той невѣрной измѣнчивой протяженной природѣ, которая для своего сохраненія сама въ немъ нуждается.

10. Итакъ, это истинно-сущее въ самомъ себѣ пребываетъ всею своею премудростію и ни во что другое само не входитъ, но за то всѣ прочія вещи устремлены къ нему, и это страстное стремленіе указываетъ имъ, гдѣ оно находится. Стремленіе это похоже на ту настойчивую любовь, которая готова проводить дни и ночи у дверей того, кого она любитъ, которая хочетъ находиться всегда совнѣ подлѣ красоты, движима желаніемъ владѣть ею и считая за счастье участвовать въ ней. Подобно этому и любящій красоту сверхчувственную не овладѣваетъ ею самою, а только находясь вблизи ея, наслаждается

участиемъ въ ней, между тѣмъ какъ она въ самой себѣ пребываетъ, и вотъ почему часто многіе любятъ одну и ту же красоту, любятъ ее притомъ во всей ея цѣльности, и если владѣютъ ею,—по мѣрѣ своихъ силъ, то владѣютъ, или по крайней мѣрѣ желаютъ владѣть ею во всей ея цѣлости. Развѣ мыслимо, что это истинно-сущее не довлѣетъ для всего (что въ немъ участвуетъ), пребывая въ самомъ себѣ? Оно довлѣетъ для всего именно потому, что, пребывая въ самомъ себѣ (какъ единое цѣлое), въ тоже время красотою своею присушее всему во всей своей цѣлости.

Подобно красотѣ и мудрость (*τὸ φρονεῖν*) присуща всему (что участвуетъ въ ней) во всей цѣлости, а не такъ, что одна часть ея здѣсь, другая тамъ, ибо смѣшно было бы думать, что она нуждается въ мѣстѣ, такъ какъ, вѣдь, она совсѣмъ не то есть, что бѣлизна (въ тѣлѣ) и вообще не есть что либо тѣлесное. Поэтому, если правда, что всѣ мы участвуемъ въ мудрости, то несомнѣнно также и то, что сама мудрость пребываетъ въ себѣ какъ единое цѣлое, и когда мы участвуемъ въ ней, то имѣемъ не разныя части ея, а всю цѣликомъ, притомъ такъ, что та цѣлостная мудрость, которую ты имѣешь, есть не иная, а та самая, которую цѣликомъ и я имѣю. Нѣкоторое подобіе этого отношенія (многихъ къ единой мудрости) представляютъ народныя собранія и всякія совѣщанія, на которыхъ всѣ присутствующіе всегда одно лишь имѣютъ въ виду—прийти къ одному мудрому рѣшенію: тутъ каждый въ отдѣльности какъ будто не способенъ мудрствовать, а собравшись вмѣстѣ и соединившись въ разсужденіи объ одномъ и томъ же, всѣ поражаютъ, или точнѣе находятъ одну для всѣхъ мудрость (т. е., одно всѣмъ являющееся, какъ самое мудрое, рѣшеніе). Да и что въ самомъ дѣлѣ могло бы раздѣлять другъ отъ друга умы, такъ чтобъ они не объединялись въ одномъ и томъ-же (всеобъемлющемъ) умѣ? Но, хотя всѣ мы, какъ умы, совмѣщаемся (въ этомъ одномъ умѣ), намъ кажется, что нѣтъ (что мы отдѣльны и отъ него и другъ отъ друга), на подобіе того, какъ тому, кто касается одного и того же предмета различными пальцами, кажется, что касается каждый разъ все иной и иной вещи, или какъ тому, кто ударяя по одной и той же струнѣ лиры (различными пальцами), кажется, что ударяетъ по разнымъ струнамъ.

А теперь слѣдуетъ сказать, какимъ образомъ мы душами нашими участвуемъ въ благѣ. Вѣдь и тутъ—благо, котораго ты достигъ, не иное, чѣмъ то, котораго я достигъ, а то же самое. Но, когда я говорю *то же самое*, то и то разумѣю, что отъ одного и того же блага истекаетъ на насъ обоихъ различныя дѣйствія такимъ образомъ, что само благо находится гдѣ-то тамъ высоко, между тѣмъ какъ дары его ниспадаютъ сюда (на землю),—а то хочу сказать, что дающій благо тутъ присущъ тѣмъ, которые получаютъ, чтобъ они поистинѣ воспринимали его, что онъ источаетъ свои дары лишь тѣмъ существамъ, которыя стоятъ во внутренней съ нимъ связи, но не тѣмъ, которыя были бы совсѣмъ чужды ему (имѣли бы совсѣмъ иную природу), потому что духовные дары сообщаются не путемъ пространственной передачи. Вѣдь наблюдение говоритъ, что даже тѣла, не смотря на раздѣляющее ихъ другъ отъ друга разстояніе, способны воспринимать одни и тѣ же воздѣйствія и совпадать между собою въ одинаковомъ у всѣхъ ихъ результатѣ этихъ воздѣйствій; мало того, вѣдь всѣ дѣйствія и страданія тѣлъ во вселенной истекаютъ изъ ея собственнаго лона,—такъ что ничто въ нее не вторгается отвнѣ. А если такъ, если даже тѣлесное—бытіе, которое по самой природѣ своей подвержено непрерывному теченію и всегда какъ бы убѣгаетъ отъ самого себя, ничего отвнѣ не воспринимаетъ, то какимъ образомъ могла бы воспринимать что либо отвнѣ сущность непротяженная? Изъ этого слѣдуетъ, что если мы созерцаемъ благо и касаемся его, то это благодаря тому обстоятельству, что содержимся и находимся всѣ въ одномъ и томъ же началѣ—находимся тамъ тою стороною нашего существа, которая имѣетъ (такую же, какъ и оно) поуменальную природу.

Ко всему этому можно присовокупить еще и то соображеніе, что сверхчувственный міръ долженъ обладать единствомъ въ гораздо высшей степени, чѣмъ міръ чувственный, а иначе мы имѣли бы два чувственныхъ міра, ибо, чѣмъ, спрашивается, отличался бы кругъ міра сверхчувственнаго отъ круга чувственнаго, еслибы не превосходилъ послѣдняго своимъ единствомъ? Слѣдовательно, онъ и въ самомъ дѣлѣ отличается отъ послѣдняго (болѣе совершеннымъ единствомъ). Ибо еще болѣе смѣшно было бы допустить, что между тѣмъ какъ одинъ изъ

этихъ міровъ имѣеть свойственную ему и соразмѣрную съ его природою массу, другой, не нуждающійся ни въ чемъ подобномъ (въ протяженной массѣ), тоже чего-то растягивается и отъ себя самого удаляется. Да и что можетъ служить помѣхою тому, чтобы въ сверхчувственномъ мірѣ всѣ сущности были въ единствѣ? Вѣдь тамъ одна сущность не отталкиваетъ отъ себя другую вслѣдствіе невозможности быть имъ обѣимъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, подобно тому какъ не мѣшаетъ другъ другу ваше пониманіе той или иной мысли, теоремы, моему пониманію или какъ не мѣшаютъ другъ другу разныя знанія находиться въ одной и той же душѣ. Но такое единство (возможное для представленій, понятій, вообще дѣятельностей), обыкновенно возражаютъ, не можетъ имѣть мѣста для субстанцій. Конечно не могло бы, если было истиннымъ предположеніе, что даже субстанціи въ истинномъ смыслѣ слова суть тѣлесныя массы.

11. Но какъ, спрашивается, сверхчувственное бытіе, будучи непротяженнымъ, можетъ простираться на все тѣло вселенной, которая такъ громадна? И какъ оно при этомъ можетъ оставаться тождественнымъ и не раздробленнымъ? Мы не разъ уже выдвигали это возраженіе, желая положить конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ по этому предмету; мы неоднократно старались доказать, что такъ оно есть и должно быть, а не иначе ¹⁾, но не будутъ, конечно, излишни и новыя соображенія по этому вопросу. Не послѣднимъ, а напротивъ самымъ главнымъ основаніемъ нашихъ доказательствъ служило понятіе о природѣ сверхчувственнаго бытія, какъ такой, которая не представляетъ ничего похожаго на камень или громадную глыбу, которая своимъ объемомъ занимаетъ въ пространствѣ определенное мѣсто и никоимъ образомъ не можетъ выступить изъ границъ своихъ, потому что мѣрою ея массивности и ея силы служить ея собственная природа—природа камня, вообще глыбы. Сверхчувственное бытіе, напротивъ, будучи бытіемъ первичной природы, не имѣетъ ограниченнаго и измѣримаго протяженія, такъ какъ само оно служитъ мѣрою для всей чувственной природы и представляетъ собою силу всеобъемлющую,

¹⁾ Объ этомъ будетъ рѣчь въ этой самой Эннеадѣ—въ 7-й книгѣ; объ этомъ трагуетъ и 7-я книга 3-й Эннеады.

превосходящую всякую опредѣленную величину. Равнымъ образомъ, оно и во времени не находится, а существуетъ внѣ времени, потому что и время представляетъ нѣчто раздѣленное, слагающееся непрерывно изъ отдѣльныхъ интерваловъ, между тѣмъ какъ оно вѣчно, а вѣчность остается всегда тождественною,—она господствуетъ надъ временемъ и превосходитъ его своею вѣчною силою,—тогда какъ время имѣетъ лишь теченіе безконечное. Время можетъ быть сравнено съ линією, которая, хотя простирается въ безконечность, но постоянно стоитъ въ зависимости отъ своей исходной точки, вокругъ которой она движется, такъ что, какъ бы далеко ни шла линія, повсюду можно усмотрѣть эту неподвижную точку, около которой она вращается. Если же такимъ образомъ время (своимъ теченіемъ въ безконечность) представляетъ лишь нѣкоторую аналогію съ тѣмъ истинно-сущимъ, которое, пребывая въ своемъ тождествѣ, безконечно не только своею вѣчностью, но также и своимъ могуществомъ, то понятно, что это истинно-сущее (не только могло, но и) должно было въ силу своего безконечнаго могущества произвести иную природу, которая, изъ него истекая и на немъ утверждаясь, къ нему и направляется и даже хочетъ поравняться бѣгомъ во времени съ его силою, которая пребываетъ неизмѣнно въ самой себѣ. Но ясно, что эта его сила все-таки выше той иной природы, ибо она дѣлаетъ то, что эта иная природа стремится растянуться въ параллель и въ уровень съ нею.

Но какъ; почему эта низшая природа участвуетъ въ сверхчувственномъ бытіи, и въ какой степени можетъ участвовать въ немъ? Участвуетъ она въ немъ потому, что она во всей цѣлости своей присутствуетъ вездѣ, хотя конечно не входитъ въ каждую отдѣльную вещь цѣликомъ, по причинѣ ея безсилія, неспособности воспринять его цѣлымъ; оно одинаково присутствуетъ вездѣ, но не такъ напримѣръ какъ треугольникъ матеріальный, а такъ, какъ треугольникъ идеальный, которымъ опредѣляются (въ построеніи) всѣ треугольники матеріальные. Почему вещественный, чувственный треугольникъ не можетъ находиться вездѣ, подобно идеальному? Потому что матерія не участвуетъ вся въ цѣлости въ этомъ идеальномъ треугольникѣ, потому что она кромѣ этой принимаетъ и многія другія фор-

мы, потому что вообще не вся она воспринимаетъ каждый изъ ноуменовъ, какъ и первичная (т. е. сверхчувственная) природа съ своей стороны не сразу непосредственно входитъ во все безразлично, но сперва въ самые первые и высшіе роды сущаго, и уже чрезъ нихъ во всѣ существа, и такимъ образомъ всегда присуща всей вселенной.

12. Но какъ и почему она присуща всей вселенной? Она присуща всей вселенной какъ единая нераздѣльная жизнь: вѣдь, въ живомъ существѣ жизнь простирается не до извѣстныхъ только границъ, за которыми ея уже нѣтъ, но находится въ немъ вездѣ. А кто захотѣлъ бы спросить, какъ же она можетъ находиться вездѣ, тотъ долженъ припомнить себѣ, что сила жизни не есть опредѣленная какая либо и ограниченная величина, а напротивъ такова, что какъ бы далеко ни простиралось въ мысленномъ анализѣ ея дѣленіе, она всегда сохраняетъ свой основной характеръ безконечности. Кромѣ того, она не содержитъ въ себѣ никакого вещества, а это значитъ, что она не можетъ быть, подобно массѣ, раздробляема на части и путемъ постепеннаго дѣленія приведена въ ничто. И если вы уразумѣли и можете представить себѣ эту жизнь безконечную и вѣчную, эту природу неустанную и неистощимую и настолько полную, что она, какъ бы кипя жизнью, переливается черезъ край, то, куда бы вы ни направили вашъ взоръ, на чемъ бы ни сосредоточили свое вниманіе, развѣ можете сказать, что ея тамъ, или здѣсь нѣтъ? Напротивъ, какъ не найдете вы ничего превышающаго ее своею величиною, такъ и не остановитесь ни на чемъ такомъ безконечно-маломъ, которому она ничего уже не могла бы дать вслѣдствіе истощенія (во всемъ прочемъ).

Кому удастся погрузиться своею мыслию въ единое всеобъемлющее сущее и очутиться въ его лонѣ, тотъ не ищи сверхъ этого ничего больше, а иначе ты удалишься отъ него и, обративъ вниманіе на что либо постороннее, утратишь сознание его присутствія въ тебѣ. Ничего болѣе (кромѣ его) не желая и не ища, ты почувствуешь въ себѣ присутствіе не какой либо части его, а всего его; въ этомъ состояніи ты даже себя самого не будешь сознавать и представлять какъ такого-то (какъ индивидуальное я), потому что погрузишься въ то всеобъемлю-

щее сущее и самъ какъ бы станешь таковымъ. Каждый изъ насъ и первоначально былъ таковымъ, но къ первоначальной природѣ присоединилось и вѣчто другое, что сдѣлало насъ худшими, потому что это другое имѣетъ свое начало, не въ томъ всеобъемлющемъ сущемъ, которое не допускаетъ никакого увеличенія, а въ томъ, что ему противоположно. Каждый изъ насъ, становясь индивидуумомъ вслѣдствіе присоединенія (къ первоначальной природѣ) несущаго, тѣмъ самымъ выдѣляется изъ области бытія универсальнаго, и наоборотъ по мѣрѣ того, какъ отрѣшается отъ несущаго, онъ какъ бы увеличиваетъ, расширяетъ свое бытіе. Но только когда мы всецѣло отрѣшаемся отъ всего прочаго, въ насъ вселяется то истинно-сущее, а въ противномъ случаѣ не является намъ. Впрочемъ, когда оно бываетъ присуще намъ, то это не то значить, что оно прошло, приблизилось къ намъ (а то, что мы себя къ нему приблизили), равнымъ образомъ, когда оно не присуще намъ, то это потому, что мы отъ него удаляемся (а не оно отъ насъ); строго говоря, мы даже не удаляемся отъ него, такъ какъ оно всегда и вездѣ близко къ намъ,—а только отвращаемся отъ него, направляя себя на что либо иное, или даже противное ему. Подобнымъ образомъ, боги нерѣдко, въ присутствіи многихъ, являются только одному изъ всѣхъ присутствующихъ, потому что этотъ одинъ способенъ зрѣть ихъ,—боги, которые (по словамъ Гомера) принимая различныя образы, посѣщаютъ разныя страны ¹⁾. Но всѣ страны—вся земля и все небо во власти того высочайшаго Бога находятся, чрезъ него и въ немъ существуютъ. Отъ него же происходитъ все сущее, всѣ истинныя (сверхчувственныя) сущности до души и жизни включительно, и всѣ онѣ, на немъ одномъ утверждаясь бытіемъ своимъ, составляютъ единство, которое безконечно, потому что изъято изъ условій пространства.

Профессоръ Г. В. Малеванскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Одиссея XVII, 486. Παντοῖσι τελέθοντες ἐπιστροφῶσι πάληας.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Марта № 6. 1899 года.

Содержаніе. Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году (окончаніе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

О пожертвованіяхъ въ Аѳонскіе монастыри и келліи.

Въ виду обнаруженныхъ повсемѣстно въ Россіи недозволенныхъ сборовъ пожертвованій на православныя учрежденія на Востоку, въ особенности на Аѳонскіе монастыри и келліи, въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ неоднократно разъяснялось, что обращеніе настоятелей Аѳонскихъ келлій, именующихъ себя старцами, къ русскимъ благотворителямъ посредствомъ писемъ и воззваній является злоупотребленіемъ и крайне неблаговидною эксплоатаціею религіознаго чувства русскаго народа и что лишь тѣ пожертвованія достигаютъ своей благотворительной цѣли, кои производятся по выдаваемымъ отъ Святѣйшаго Синода, въ пользу дѣйствительно нуждающихся обитателей, сборнымъ книгамъ, при чемъ были объявлены во всеобщее свѣдѣніе имена нѣкоторыхъ завѣдомо неблагонадежныхъ сборщиковъ келліотовъ, которымъ отсылка пожертвованій, поступившихъ въ Хозяйственное Управленіе, воспрещена Святѣйшимъ Синодомъ. Въ числѣ таковыхъ сборщиковъ келліотовъ поименованы: 1) старецъ келліи Трехъ Святителей *Варлаамъ Чернышевъ*, 2) старецъ келліи Рождества Богородицы (нынѣ Игнатія Богоносца) *Моисей Буренинъ*, 3) старецъ келліи Святыя Троицы *Серафимъ Мослинъ*, 4) старецъ келліи святителя Николая (Бѣлозерки) іеросхимонахъ *Неофитъ*, 5) старецъ келліи Іоанна Предтечи іеромонахъ *Иннокентій* и 6) старецъ келліи Положенія Поя-

са Богоматери, іеромонахъ *Іоанннкій Литвиненко*. Кромѣ того, не высылаются пожертвованія въ пользу перваго русскаго сиротскаго дома въ Константинополь, котораго въ дѣйствительности не существуетъ.

Нынѣ получены свѣдѣнія о томъ, что старцемъ келліи святаго Николая (Бѣлозерки) состоитъ теперь не іеросхимонахъ Неофитъ, а іеромонахъ Петръ, о поведеніи котораго нѣтъ неодобрительныхъ свѣдѣній, и что къ числу неблагонадежныхъ, сверхъ указанныхъ выше, должны быть отнесены еще старцы Аѳонскихъ келлій: Иверской Божіей Матери (Кутлумушскаго монастыря) *Семенъ Чеботаревъ*, Казанской Божіей Матери (Ставропигитскаго монастыря) іеросхимонахъ *Герасимъ Зиновьевъ* и Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы (Ставропигитскаго монастыря) схимонахъ *Матвей Воронковъ*, которые проживаютъ не на Аѳонѣ, а въ Константинополь, откуда и ведутъ свою переписку.

На основаніи этвхъ свѣдѣній, Святѣйшій Синодъ постановилъ: келлію святаго Николая (Бѣлозерки) исключить изъ числа тѣхъ, коимъ была запрещена высылка пожертвованій, и поступающія на эту келлію пожертвованія высылать по назначенію; пожертвованія же, адресованныя на имя остальныхъ названныхъ выше келлій, или ихъ настоятелей, не высылать, а возвращать жертвователямъ, по мѣрѣ ихъ требованія.

О такомъ постановленіи Святѣйшаго Синода Хозяйственное Управление сообщаетъ во всеобщее свѣдѣніе и проситъ о перепечатаніи онаго въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, для распространенія среди православнаго населенія.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно журналу Правленія Семинаріи отъ 16 іюня 1898 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 30 того же іюня, на разсмотрѣніе Епархіальнаго Съѣзда Духовенства Харьковской епархіи, имѣющаго быть 18 августа 1899 г., будетъ предложено ходатайство Правленія о покрытіи изъ епархіальныхъ средствъ дефицита, образовавшагося за прежніе годы по содержанію семинарскихъ зданій и объ увеличеніи суммъ, высылаемыхъ ежегодно церквамъ епархіи на этотъ предметъ, въ видахъ предупрежденія дефицита по этой статьѣ на будущее время. Кромѣ того Съѣздъ имѣетъ избрать двухъ членовъ Правленія Семинаріи отъ духовенства на новое трехлѣтіе и кандидатовъ къ нимъ.

Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей
одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ
въ г. Харьковѣ въ 1898 году.

(Окончаніе *).

Кромѣ этихъ обязательныхъ для всѣхъ занятій по предметамъ школьнаго курса, нѣкоторые курсисты обучались еще игрѣ на скрипкѣ, и переплетному мастерству.

6. Игрѣ на скрипкѣ обучались 23 учителя. Не всѣ учителя изучали скрипичную игру частію потому, что нѣкоторые уже умѣли играть на скрипкѣ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ можно было научиться этому искусству на курсахъ при ограниченномъ числѣ уроковъ, частію потому, что нѣкоторые учителя, перешедшіе 30-лѣтній возрастъ, уже устарѣли для этого занятія, а главнымъ образомъ потому, что оказалось возможнымъ достать только 23 скрипки изъ епархіальнаго женскаго и сумскаго мужскаго училищъ. По скрипичной игрѣ дано 11 уроковъ. Послѣ подготовительныхъ упражненій игрались важнѣйшія гаммы—до, фа, соль—и не трудныя гласовыя мелодіи. Наиболѣе успѣвными эти мелодіи игрались въ видѣ дуэта.

Скрипкѣ обучались слѣдующіе 23 учителя: Богославскій Ник., Бутковъ Серг., діак. Войновъ Стеф., Глушковъ Ал-дръ, псал. Должанскій Ив., Захарьевъ Конст., Квитка Савва, Крыжановскій Дим., Марченко Петръ, псал. Николаевскій Θεод., діак. Павловъ Мих., Подлуцкій Іоан., псалом. Протопоповъ Дим., псал. Раевскій Вас., Рубинскій Георг., Рубинскій Ив., псал. Семеновъ Ив., псал. Стесенковъ Θεодоръ, Сукачевъ Мих., псал. Толмачевъ Георгій, псал., Труфановъ Ал-ръ, псал. Фальченко Іак. и діак. Черняевъ Ал-дръ.

7. Переплетному мастерству курсисты обучались подъ руководствомъ переплетчика Шепелеза. Дано было 10 уроковъ. Изучавшіе это мастерство прошли полный курсъ его. Имъ показано было: разборка старыхъ и новыхъ книгъ; нашивка корешковъ и сшивка книгъ, заклепка корешка и обрѣзка; набивка фальца, приклепка картона; наклейка сафьяннаго корешка и золоченіе его, приклепка мраморнаго листа на наружной и бѣлаго на внутренней сторонѣ картона. Всѣ эти работы выполнялись затѣмъ самими учителями, такъ что въ результатѣ получилось много переплетенныхъ ими книгъ, которыя потомъ имъ же и были розданы.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1898 г., № 5.

Переплетное мастерство изучали слѣдующіе 34 учителя: Богославскій Ник., діак. Бородаевскій Іоаннъ, псал. Бородаевскій Мих., діак. Бугуцкій Іакинфъ, Бутковъ Сергѣй, Видутенко Θεокт., діак. Вонновъ Стеф., діак. Гревизирскій Пав., діак. Григорьевъ Іоаннъ, псал. Дзюбановъ Мих., псал. Должавскій Ив., Захарьевъ Конст., Квитка Савва, псал. Келебердинскій Ник., Клисенко Мих., Марченко Петръ, діак. Наумовъ Дим., псал. Нестеренко Мих., псал. Огульковъ Евг., діак. Павловъ Мих., Подлудскій Іак., діак. Подольскій Ал-й, псал. Раевскій Вас., псал. Родовскій Еве., Роменскій Симеонъ, Рубинскій Георгій, Рубинскій Ив., діак. Рубинскій Ник., псал. Семеновъ Ив., Сукачевъ Мих., псал. Толмачевъ Георг., псал. Фальченко Іак., Царевскій Вас. и діак. Черняевъ Ал-ръ.

VI. Образцовые и пробные уроки на курсахъ.

Сообщеніе теоретическихъ свѣдѣній по методикѣ Закона Божія, церковнаго пѣнія, русскаго языка съ церковно-славянскимъ, письма и арифметики сопровождалось образцовыми уроками, которые давались частію самими преподавателями предметовъ, частію учителемъ образцовой школы при Духовной Семинаріи, діакономъ Георгіемъ Олейниковымъ, и пробными уроками самихъ учителей—слушателей курсовъ.

1. *По Закону Божію* даны были 2 образцовые урока самимъ преподавателемъ, свящ. Вас. Ветуховымъ. Уроки имѣли цѣлію показать, какъ нужно вести занятія одновременно съ двумя группами учащихъся по обученію молитвамъ и священной исторіи.

2. *По церковному пѣнію* дано 3 пробныхъ урока: 1) діакономъ Наумовымъ Дим.,—предметомъ урока было изученіе высоты звука; 2) учителемъ Ив. Бородаевскимъ—изученіе длительности звука и 3) діакономъ Порф. Котляревскимъ—изученіе нотописа.

3. *По русскому языку и письму* дано было 15 уроковъ, именно: 1 урокъ данъ былъ самимъ преподавателемъ Н. Страховымъ. Предметомъ урока служило начальное упражненіе учащихъся въ черченіи; 5 образцовыхъ уроковъ дано было учителемъ образ. школы, діакомъ Георгіемъ Олейниковымъ. Содержаніе его уроковъ было слѣдующее: а) вступительная бесѣда съ учениками: бесѣда о классной обстановкѣ, объ обязанностяхъ учениковъ въ школѣ; понятіе о звукѣ, какъ составной части слова, разложеніе слова на звуки и составленіе изъ звуковъ слова; б) разложеніе словъ на звуки и

сліяніе изъ звуковъ словъ, письмо элементовъ буквъ; в) письмо и чтеніе слова: „оса“; г) письмо и чтеніе слова: „сало“; составленіе изъ буквъ слова: оса, лса, сила, соли, сало; д) предупредительная звуковая диктовка; различеніе зъ и ь въ концѣ словъ; различеніе буквъ: б и п. 9 пробныхъ уроковъ дано учителями: 1) Видутенко Теокистомъ—разложеніе предложеній на слова, словъ на звуки, нахожденіе знакомыхъ звуковъ въ предложенныхъ словахъ, составленіе словъ изъ знакомыхъ звуковъ; 2) Крутьевымъ Андреемъ—писаніе элементовъ буквъ—наклонной линіи и прямой съ закругленіемъ внизу; линіи писались учителями на классной доскѣ, а учениками на грифельныхъ, сначала нѣсколько линій ученики писали самостоятельно, а потомъ подъ тактъ; 3) Гаичинскимъ Григоріемъ—продолженіе предыдущаго урока—писали линіи, закругенныя вверху и внизу; при этомъ ученикамъ было рассказано, какъ держать при писаніи корпусъ, кисть руки, грифель и доску; 4) Мащенко Іаковомъ—разложеніе на звуки слова „лапа“, выдѣленіе новаго звука п, писаніе его на доскахъ, а затѣмъ и всего слова; 5) діак. Котляревскимъ Порфіріемъ—продолженіе предыдущаго урока—ознакомленіе учениковъ съ печатной буквой п, составленіе изъ печатныхъ буквъ словъ „лапа“ и „липа“, писаніе слова „липа“ на доскахъ; 6) псалом. Нестеренко Михаиломъ—изученіе звука ш въ словѣ „шило“ и писаніе этого слова; 7) діак. Черняевымъ Ал-ромъ—составленіе изъ подвижныхъ буквъ цѣлыхъ фразъ и чтеніе ихъ съ учениками, писаніе цѣлой фразы; 8) Рубинскимъ Иваномъ—объяснительное чтеніе басни Крылова „Квартетъ“ и 9) Бутомъ Иваномъ—объяснительное чтеніе басни Крылова „Осель и соловей“.

4. По ариметикѣ учят. образцовой при Семинаріи школы, діак. Георгіемъ Олейниковымъ, дано было 3 образцовыхъ урока: а) счетъ по порядку до 10, обратный счетъ; разложеніе числа десять крестиками на классной доскѣ; устный счетъ парами, тройками и т. д.; присчитываніе и отсчитываніе въ разбивку; б) рѣшеніе задачъ на сложеніе и вычитаніе въ предѣлахъ 10-ти; в) съ старшей группой: счетъ десятками до 100; непрерывный счетъ до 100; присчитываніе и отсчитываніе чиселъ въ предѣлахъ 100; устное рѣшеніе задачъ.

8 пробныхъ уроковъ дано было учителями—курсистами: 1) псал. Николаевскимъ Θεод.—сложеніе чиселъ 1-го десятка; 2) Огульковымъ Евгениемъ—вычитаніе чиселъ 1-го десятка; 3) Абросимовой

Евдокіей—4) діак. Эварницкимъ Іоанномъ—рѣшеніе задачъ на всѣ дѣйствія надъ числами въ предѣлахъ 1-й сотни; 5) псаломщ. Должанскимъ Иваномъ и 6) Рубиискимъ Георгіемъ—рѣшеніе задачъ на числа выше 100; 7) Подлуцкимъ Θεод. и 8) псал. Покровскимъ Ив.—рѣшеніе задачъ на числа выше 100 и выясненіе правилъ четырехъ ариѳ. дѣйствій надъ этими числами.

Такимъ образомъ всѣхъ уроковъ дано было 31. Для каждаго урока бралось соотвѣтствующее ему отдѣленіе учениковъ образцовой школы при Харьк. Духовн. Семинаріи и употреблялись необходимые учебныя принадлежности и пособія. Каждый пробный урокъ учителей—курсистовъ самими учителями, при руководствѣ преподавателей, подвергался всесторонней оцѣнкѣ, при чемъ указывались его достоинства и недостатки.

VII. Экзаменъ по церковному пѣнію.

4-го и 5-го Августа учителямъ курсистамъ произведенъ былъ экзаменъ по церковному пѣнію. Экзаменъ производился въ присутствіи членовъ распорядительной комиссіи, преподавателей и членовъ Епарх. Училищнаго Совѣта. Подвергнуты были экзамену всѣ слушатели курсовъ въ количествѣ 81 человекъ. Подвергавшіеся экзамену спрашивались по теоріи пѣнія и музыки въ предѣлахъ программы, приложенной къ „временнымъ правиламъ для устройства курсовъ“, по осмозласію, методикѣ преподаванія церк. пѣнія въ школѣ и управленію хоромъ. Результаты экзамена получились слѣдующіе:

а) въ старшей группѣ изъ 26 учителей оказали очень хорошіе успѣхи по всѣмъ отдѣламъ программы церковнаго пѣнія и признаны достойными полученія удостовѣренія о томъ, что они могутъ обучать пѣнію въ школѣ, образовывать хоръ и управлять имъ слѣдующіе 19 учителей: Бутъ Иванъ, діаконъ Бѣликовъ Аристархъ, Богославскій Николой, псаломщикъ Бородаевскій Иванъ, Видутенко Θεоктистъ, псаломщикъ Волкисъ Михайль, Галчинскій Григорій, діаконъ Даневскій Іаковъ, Машенко Іаковъ, діаконъ Мухинъ Іоаннъ, діаконъ Мухинъ Алексѣй, діаконъ Наумовъ Димитрій, діаконъ Павловъ Михайль, псаломщикъ Петровскій Константинъ, діаконъ Приходивъ Іоаннъ, діаконъ Платоновъ Тихонъ, псаломщикъ Толмачевъ Θεодоръ, діаконъ Троицкій Іоаннъ и Царевскій Василій.

б) въ старшей группѣ оказали хорошіе и въ младшей очень хорошіе успѣхи по всѣмъ отдѣламъ программы церковнаго пѣнія

и признаны достойными полученія удостовѣренія о томъ, что они знакомы съ одногласнымъ пѣніемъ и могутъ обучать оному въ школахъ слѣдующіе 36 учителей 1) старшей группы: діаконъ Котляревскій Порфирій, псал. Труфановъ Алексѣй и псаломщикъ Улановъ Михайль. 2) младшей группы: діаконъ Артюховскій Михайль, діаконъ Бородаевскій Іоаннъ, діаконъ Бугуцкій Іакинфъ, Бутковъ Сергѣй, діаконъ Григорьевъ Іоаннъ, псаломщикъ Дзюбановъ Михайль, псаломщикъ Должанскій Иванъ, Захарьевъ Константинъ, псал. Иваницкій Василій, діаконъ Иваницкій Михайль, Квятка Савва, псал. Келебердинскій Николай, діаконъ Киряченко Дмитрій, Кіяновскій Георгій, Клисенко Михайль, Крыжановскій Дмитрій, Левицкій Іаковъ, діаконъ Лобковскій Василій, псал. Нестеренко Михайль, Николаевъ Константинъ, псал. Огульковъ Евгений, діаконъ Подольскій Алексѣй, псал. Покровскій Иванъ, Протопоповъ Дмитрій, псал. Раевскій Василій, псал. Родовскій Евимій, Рубинскій Георгій, діаконъ Рубинскій Никсфоръ, псал. Семеновъ Иванъ, псал. Стесенковъ Θεодоръ, діаконъ Стефановскій Стефанъ, псал. Титовъ Александръ и псал. Ястремскій Иванъ.

VIII. Экскурсіи слушателей курсовъ.

Для пополненія знаній, получавшихся слушателями курсовъ на урокахъ по предметамъ школьнаго обученія, подъ руководствомъ г. смотрителя курсовъ, Епархіальнаго наблюдателя Вас. Давыденко, совершенно было нѣсколько экскурсій, именно:

29 Іюня курсисты ѣздили на пасѣку предсѣдателя мѣстнаго общества пчеловодовъ, проф. Университета Протоіерея Тимоея Буткевича, находящуюся въ 40 верстахъ отъ г. Харькова вблизи села Мерефы. На пасѣкѣ курсистамъ показаны были ульи разныхъ системъ и все пчеловодное хозяйство.

12 Іюля курсистамъ былъ показанъ музей изящныхъ искусствъ и зоологическій музей Харьковскаго Императорскаго Университета.

19 Іюля курсисты посѣтили Харьковскій Ветеринарный институтъ, гдѣ директоромъ института Арх. Ал. Раевскимъ была прочитана лекція по бактериологій и затѣмъ показаны были подъ микроскопомъ и въ стеклянныхъ колбочкахъ разнаго рода бактеріи и ихъ колоніи: бактеріи сапа, сибирской язвы, холеры и т. д.

Наконецъ въ свободные праздничные дни слушатели курсовъ посѣщали городскіе храмы, въ ихъ благолѣпніи находя побужденіе для заботы о такомъ же благолѣпніи и своихъ сельскихъ храмовъ.

IX. Помѣщеніе слушателей курсовъ и ихъ содержаніе.

Внѣшняя жизнь слушателей курсовъ обставлена была возможными удобствами. Въ ихъ распоряженіи въ харьк. дух. училищѣ для дневныхъ занятій отведена была просторная свѣтлая комната съ потребною мебелью и двѣ такихъ же комнаты для сна и столовая. Для классныхъ занятій они имѣли двѣ просторныхъ, свѣтлыхъ, чистыхъ комнаты, свободно вмѣщавшихъ всѣхъ слушателей. Столъ ихъ, не заключая въ себѣ никакихъ излишествъ и роскоши, былъ во все время вполне исправнымъ и питательнымъ, будучи приготовляемъ изъ свѣжаго и питательнаго матеріала. Обѣдъ курсистовъ всегда состоялъ изъ 3 блюдъ и ужинъ изъ одного. Кроме того 2 раза въ день они пили чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Въ отношеніи учебныхъ занятій слушатели курсовъ также находились въ благоприятныхъ условіяхъ. Не говори о томъ, что слушатели курсовъ располагались къ усердію въ занятіяхъ готовностію своихъ преподавателей удовлетворить всякое проявленіе любознательности съ ихъ стороны, въ ихъ распоряженіи находились программы церковно-приходскихъ школъ, потребные учебники и учебныя пособія, нотная бумага, письменныя принадлежности въ достаточномъ количествѣ. При курсахъ была школа изъ учениковъ образцовой школы при Духовной Семинаріи, въ которой давались образцовые уроки вполне опытнымъ учителемъ образцовой школы, діак. Олейниковымъ. Съ ихъ стороны требовалось только усердіе къ занятіямъ и желаніе пользоваться тѣми средствами пополненія своихъ знаній, которыя имъ съ полнымъ расположеніемъ предлагались.

X. Исполненіе сметы по устройству курсовъ.

На устройство лѣтнихъ курсовъ для учителей одноклассныхъ школъ въ г. Харьковѣ отъ Училищн. Совѣта при Св. Синодѣ распорядительною комиссіею получено было 3400 р. По статьямъ сумма эта распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: на проѣздъ слушателей курсовъ ассигновано 450 р., на содержаніе ихъ въ теченіи 6 нед. 1250 р., на вознагражденіе преподав. 700 р., на вознагражденіе членовъ распорядит. комиссіи 350 р., на пріобрѣтеніе учебниковъ и письменныя принадлежности 250 р., на хозяйственныя и мелочныя расходы—400 р.

Смѣта эта приблизительно выдержана по всѣмъ статьямъ:

1. На путевые расходы курсистовъ ассигновано 450 р., издер-

жано 467 р. 18 к., болѣе на 17 р. 18 р. При этомъ нужно замѣтить, что прогоны выданы курсистамъ только въ одинъ конецъ; такимъ образомъ смѣтная сумма по этой статьѣ оказывается совершенно недостаточною.

2. По содержанію курсистовъ пищею ассигновано 1250 р., издержано 1079 р. 59 к., менѣе на 170 р. 41 к.

3. На вознагражденіе преподавателей ассигновано 700 р., издержано 682 р. 50 к., менѣе на 17 р. 50 к.

4. На вознагражденіе членовъ распорядит. Коммисіи ассигновано и издержано 350 р.

5. На приобрѣтеніе учебниковъ и письменныхъ принадлежностей ассигновано 250 р., издержано 234 р. 38 к., менѣе на 15 р. 62 к.

6. На хозяйственные и мелочные расходы ассигновано 400 р., издержано 416 р. 47 к. болѣе на 16 р. 47 к. Такимъ образомъ по 2, 3 и 5 ст. оказалось сбереженіе на 203 р. 53 к., а по ст. 1 и 6 перерасходъ на 33 р. 65 к., за покрытіемъ котораго остатокъ получился въ 169 р. 88 к. Итого устройство курсовъ для учителей одноклассныхъ школъ обошлось въ 3230 р. 12 к.

XI. О лицахъ, посѣщавшихъ педагогическіе курсы.

20 Іюля слушатели курсовъ для учителей одноклассныхъ школъ Харьковской епархіи были собраны вмѣстѣ съ слушателями курсовъ для учителей второклассныхъ школъ въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи на литургію, которую совершалъ Его Преосвященство, Преосвященный Петръ, Епископъ Сумской. По окончаніи литургіи въ Семинарскомъ залѣ собрались: Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій Архіеп. Харьковскій и Ахтырскій, Харьковскій вице-губернаторъ, попечитель учебнаго округа, директоръ народныхъ училищъ, представители духовно-учебныхъ заведеній и учрежденій духовнаго вѣдомства, церковно-школьная инспекція, городское и сельское духовенство и слушатели курсовъ—учители второклассныхъ и одноклассныхъ школъ. Здѣсь прочитана была рѣчь Его Высокопреосвященства: „О значеніи молитвы въ дѣлѣ вѣры“, выслушанная всѣми присутствующими съ полнымъ вниманіемъ и произведшая глубокое впечатлѣніе. Рѣчь эта роздана была затѣмъ всѣмъ почетнымъ посѣтителямъ и слушателямъ курсовъ.

25 Іюля учительскіе курсы для учителей одноклассныхъ школъ посѣтилъ Его Превосходительство, старшій помощникъ наблюда-

теля церковныхъ школъ Имперіи, Павелъ Акимовичъ Игнатовичъ. Его Превосходительство присутствовалъ на урокъ церковнаго пѣнія, гдѣ учителя, по его указанію, пропѣли вѣкоторыя догматыки, вѣрсы, херувимскую пѣснь, тропари и другія церковныя пѣснопѣнія какъ подъ управленіемъ преподавателя, свящ. Іоанна Петровскаго, такъ и подъ управленіемъ нѣкоторыхъ слушателей курсовъ. Затѣмъ Его Превосходительство осмотрѣлъ помѣщенія курсистовъ, столовую, кухню и присутствовалъ на обѣдѣ, а вечеромъ — на всенощномъ бдѣніи въ церкви духовнаго училища.

Неоднократно посѣщали курсы и присутствовали на урокахъ по разнымъ предметамъ директоръ народныхъ училищъ Харьковской губерніи, д. с. с. Н. Гр. Жаворонковъ, Сухумскій Епарх. наблюдатель цер. школъ свящ. Вас. Гавр. Ястребовъ, члены Епарх. Учл. Совѣта и уѣздныхъ отдѣленій и всѣ уѣздные наблюдатели церковныхъ школъ Харьковской епархіи.

XII. Закрытіе курсовъ.

4-го Августа въ 11 ч. дня закончены были уроки на курсахъ для учителей одноклассныхъ школъ, съ 11 ч. 4-го Августа и 5-го произведенъ былъ экзаменъ слушателямъ курсовъ по церковному пѣнію и 6 Августа, по благословенію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, состоялось закрытіе курсовъ.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 18⁹⁷/₉₈ учебный годъ.

(Озвѣчаніе *).

и) Мѣры, принятыя и проектированныя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ Училищѣ.

1) Учебно-воспитательное дѣло въ отчетномъ году находилось въ удовлетворительномъ состояніи и велось правильно, вполнѣ согласно съ § 83 „Устава Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ“. Къ обстоятельствамъ, благопріятствовавшимъ успѣшному веденію учебнаго

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4, за 1899 г.

дѣла надо отнести то, что Училище имѣеть штатъ преподавателей исключительно съ высшимъ образованіемъ. Преподаватели относились къ своимъ обязанностямъ съ полнымъ вниманіемъ, усердіемъ и аккуратностію. Черезъ каждые два мѣсяца Инспекторъ классовъ вносилъ въ Совѣтъ Училища вѣдомость объ успѣхахъ воспитанницъ, составленную на основаніи отмѣтокъ преподавателей. Эта вѣдомость разсматривалась въ Совѣтѣ при участіи всѣхъ преподавателей, при чемъ выяснялись причины неуспѣха воспитанницъ и указывались мѣры для исправленія ихъ. Малоспособныя и недостаточно-развитыя воспитанницы поручались особому вниманію преподавателей, а невнимательныя и нерадивыя подвергались взысканіямъ. Взысканія состояли въ выговорѣ отъ имени Совѣта. Начальница, воспитательницы и ихъ помощницы весьма усердно содѣйствовали успѣшному веденію дѣла, присутствовали на урокахъ, во время вечернихъ занятій репетировали съ воспитанницами заданные уроки, своими объясненіями и указаніями способствовали успѣшному и сознательному усвоенію ихъ и замѣняли отсутствовавшихъ наставниковъ, занимаясь съ дѣтьми чтеніемъ, письмомъ подъ диктовку, или рукодѣліемъ.

2) Въ отчетномъ году второй годъ введены въ Училищѣ утвержденныя Св. Синодомъ 6—28 сентября 1895 г. новыя программы учебныхъ предметовъ для шестиклассныхъ Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ. Эти программы примѣнялись полностью только въ подготовительномъ, 1-мъ и 2-мъ классахъ.

Вмѣстѣ съ новыми программами въ отчетномъ году во всѣхъ классахъ были новые учебники. Эти учебники введены какъ по тѣмъ предметамъ, которые преподавались по новымъ программамъ, такъ и по тѣмъ, которые проходились по программамъ прежнимъ.

3) Признавая важное значеніе иллюстрированія преподаваемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ предметовъ посредствомъ туманныхъ картинъ, Совѣтъ Училища озаботился въ отчетномъ году пріобрѣтеніемъ волшебнаго фонаря со всѣми его принадлежностями. 13-го февраля 1898 г. преподавателемъ географіи Е. П. Трифильевымъ и математки Я. М. Колосовскимъ показывались воспитанницамъ всѣхъ классовъ туманныя картины съ надлежащими при этомъ объясненіями.

4) Вслѣдствіе доклада Инспектора классовъ, въ отчетномъ году былъ пріобрѣтенъ вновь полный кругъ Богослужебныхъ книгъ для пользованія ученицъ V класса при изученіи церковнаго устава, такъ

какъ по новымъ программамъ уставъ церковный проходитъ въ Училищѣ главнымъ образомъ практически, по богослужебнымъ книгамъ.

5. Вслѣдствіе доклада Инспектора классовъ о томъ, что для правильной постановки обученія рисованію въ Училищѣ необходимо приобрести нѣкоторыя пособія, какъ, напр. школы рисованія, оригиналы для срисовыванія съ нихъ и т. п., Совѣтомъ Училища приобретены выпискою необходимыя пособія по рисованію изъ находящагося въ Москвѣ магазина Ю. Ф. Брокмана въ количествѣ 15 наименованій.

6. Къ началу отчетнаго года закончена внутренняя отдѣлка новаго училищнаго корпуса, постройка котораго вызвана была необходимостью построить новую Церковь. 21 сентября Училище торжественно праздновало освященіе вновь сооруженнаго храма во имя Великомученицы Варвары. Прежняя домовая церковь, помѣщавшаяся въ старомъ зданіи Училища, вслѣдствіе многочисленности воспитанницъ (около 600 душъ) стала тѣсною, а потому, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Амвросіа, съ начала весны 1896 года Совѣтъ Училища приступилъ къ постройкѣ новаго зданія въ три этажа; верхній этажъ предназначенъ былъ для училищной церкви. Постройкой зданія завѣдывалъ строительный комитетъ; планъ составленъ Епархіальнымъ Архитекторомъ В. Я. Нѣминымъ, подъ руководствомъ котораго и происходили строительныя работы. 20 сентября зданіе было окончено и новый храмъ готовъ былъ къ освященію. Наканунѣ освященія въ новомъ храмѣ торжественно было совершено всенощное бдѣніе Предсѣдателемъ Совѣта Прот. Т. И. Буткевичемъ, а 21-го чинъ освященія и литургія Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Викаріемъ и многочисленнымъ духовенствомъ, при превосходномъ пѣніи архіерейскаго хора. На торжествѣ присутствовали: Начальникъ губерніи и высокопоставленныя лица г. Харькова, а также приглашены были почетнѣйшіе протоіереи г. Харькова и о. о. Благочинныя Епархіи. Торжественный чинъ освященія, умиленное пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ, благолѣпіе храма—все это производило сильное впечатлѣніе на молящихся. Укрѣпленію въ умахъ и сердцахъ дѣтей этого благотворнаго дѣйствія торжества освященія новаго храма послужило учрежденное въ немъ, по обычаю, сорокодневное непрерывное служеніе, которое совершали поочередно всѣ состоящіе въ Училищѣ члены Совѣта и преподаватели, носящіе священныя санъ, а также прожи-

вающіе въ г. Харьковѣ отцы и родственники нѣкоторыхъ воспитанницъ. Для богослуженія выбраны часы, дающіе желающимъ изъ воспитанницъ полную возможность присутствовать на всѣхъ церковныхъ службахъ. Новая училищная церковь отличается обширностью, которою она превосходитъ всѣ домовыя церкви въ Епархіи и благолѣпіемъ. Въ ней не только свободно размѣщаются всѣ воспитанницы, служащія въ Училищѣ и ученики церковно-приходской школы, но остается еще довольно мѣста для постороннихъ посѣтителей г. Харькова.

Въ этотъ день освященія въ торжественномъ залѣ состоялся годичный училищный актъ, на которомъ была произнесена рѣчь Высокопреосвященнаго Амвросія: „О высшемъ назначеніи образованной женщины въ средѣ православнаго духовенства“. Обширная, многоназидательная рѣчь знаменитаго духовнаго витія произвела на всѣхъ присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе; особенно сильное впечатлѣніе отъ этой рѣчи осталось у воспитанницъ Училища. Актъ закончился раздачею наградъ лучшимъ воспитанницамъ, послѣ чего всѣми воспитанницами пропѣтъ былъ народный гимнъ „Боже, Царя Храни“!

4. Библіотека и физическій кабинетъ.

а) Въ фундаментальной училищной библіотекѣ къ концу отчетнаго года числилось 1414 названій книгъ въ 3644 томахъ. Въ отчетномъ году библіотека увеличилась на 30 названій книгъ въ 122 томахъ, всѣ книги приобрѣтены на училищный счетъ. Книгами изъ фундаментальной библіотеки пользуются только начальствующіе, преподаватели, воспитательницы и другія служащія въ Училищѣ лица.

б) Въ ученической библіотекѣ числилось къ концу отчетнаго года 1034 названія книгъ въ 2186 томахъ. Въ отчетномъ году библіотека увеличилась на 114 названій книгъ въ 149 томахъ, всѣ книги приобрѣтены на училищный счетъ. Изъ этой библіотеки книгами пользуются только воспитанницы Училища, причемъ для приговорительнаго, I и II классовъ берутъ книги подъ свои росписки и отвѣтственность воспитательницы этихъ классовъ, а воспитанницы остальныхъ классовъ берутъ книги сами, подъ свои росписки и отвѣтственность. Въ выборѣ книгъ для чтенія и воспитательницы и воспитанницы руководствуются особыми каталогами, заключающими въ себѣ списки книгъ изъ этой библіотеки,

назначенной для каждаго класса въ отдѣльности. Въ теченіе отчетнаго года воспитанницами всѣхъ классовъ Училища взято было для чтенія 7237 книгъ, а именно: воспитанницами приготовительнаго класса—84 книги,—1 норм.—121 книга, I парал.—127 книгъ, II норм.—217 книгъ, II парал.—146 книгъ, III норм.—1350 книгъ, IV норм.—1034 книги, IV парал.—911 книгъ, V норм.—612 книгъ, V парал.—604 книги, VI норм.—1012 книгъ, VI парал.—1019 книгъ.

в) Въ *музыкальной* библиотекѣ въ концѣ отчетнаго года состояло: 471 названіе нотъ въ 556 экземплярахъ. Завѣдывала всѣми училищными библиотеками особая библиотекарша.

Для пополненія фундаментальной и ученической библиотекъ Совѣтомъ Училища выписаны на 1898 годъ слѣдующія періодическія изданія: аа) *для чтенія воспитанницамъ*: 1) „Церковно-приходская школа“, 2) „Дѣтскій отдыхъ“, 3) „Родникъ“ (безъ педагогическаго отдѣла) и 4) „Дѣтское чтеніе“; бб) *для чтенія служащимъ въ Училищѣ лицамъ*: 1) „Вѣра и Разумъ“, 2) „Народное Образованіе“, 3) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 4) „Русское Обзорѣніе“, 5) „Странникъ“, 6) „Богословскій Вѣстникъ“, 7) „Церковный Вѣстникъ и Христ. Чтеніе“ (съ приложеніемъ „Твореній Св. Іоанна Златоуста“), 8) „Труды Кіевской Духовной Академіи“, 9) „Русская Старина“, 10) „Русскій Вѣстникъ“, 11) „Историческій Вѣстникъ“, 12) „Церковныя Вѣдомости“, 13) „Московскія Вѣдомости“, 14) „Миссіонерское Обзорѣніе“, 15) „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ и 16) „Южный Край“.

Учебниками, учебными пособіями и учебными принадлежностями всѣ воспитанницы были въ достаточномъ количествѣ снабжены отъ Училища, безъ взноса за это особой платы. Учебники выдавались по одному экземпляру на каждую воспитанницу, а учебныя пособія по два экземпляра, и только въ исключительныхъ случаяхъ по 1 экземпляру на сямью, за которой помѣщаются 3 воспитанницы.

Въ *физическомъ кабинетѣ* въ концѣ отчетнаго года числилось приборовъ 91 названіе, вещей 214.

Въ географическомъ кабинетѣ числилось 41 предметъ на сумму 340 руб.; приобрѣтены они на средства Училища, 38 предметовъ пожертвовано.

Въ отчетномъ году приобрѣтенъ Училищемъ волшебный фонарь со всѣми принадлежностями изъ Лондона. На приобрѣтеніе мате-

ріаловъ, необходимыхъ при производствѣ опытовъ, отпускалось на руки одному изъ преподавателей физики 25 руб. въ годъ, съ представленіемъ отъ него полного отчета въ употребленіи этихъ денегъ. Завѣдывали кабинетомъ преподаватели физики. На библиотеку, учебники и учебныя пособія и учебныя принадлежности по смѣтѣ ассигновано 1500 рублей въ годъ.

5. Средства Училища.

По дѣйствовавшей въ 1897 экономическомъ году смѣтѣ Училища на свое содержаніе должно было получить 94079 р. 23 к.

Эта сумма слагалась изъ слѣдующихъ статей:

- а) Проценты съ непрякосновеннаго училищнаго капитала 3126 „ 65 „
 - б) Доходъ съ принадлежащей Училищу части дома въ г. Харьковѣ 1632 „ 90 „
 - в) Изъ Епархіальныхъ средствъ 32656 „ 64 „
 - г) 1^о/о съ получаемого духовенствомъ Епархіи жалованья 1701 „ 81 „
 - д) Изъ прибылей Епархіальнаго свѣчнаго завода . 7071 „ — „
 - е) Пожертвованія отъ монастырей, церквей и другихъ учрежденій и лицъ 2507 „ 52 „
 - ж) Отъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ:
 - аа) На содержаніе училищной образцовой церковно-приходской школы 500 „ — „
 - бб) На покрытіе 5^о/о Государственнаго налога съ капиталовъ Училища 36 „ 86 „
 - з) Пансіонерскій взносъ за своекоштныхъ воспитанницъ 43510 „ — „
 - и) Взносъ на первоначальное обзаведеніе со вновь поступающихъ воспитанницъ 1000 „ — „
 - і) Отъ училищной экономіи 335 „ 85 „
- Расходъ тою же смѣтою опредѣленъ въ 94743 „ 83 „

Въ дѣйствительности въ 1897 экономическомъ году поступило на приходъ 99061 „ 31 „

Въ расходъ было въ томъ же году 98347 „ 8 „

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ, равно какъ и расходы по этой

статья¹⁾, такъ какъ, на основаніи примѣчанія къ 80 § Устава Епарх. Женск. Училищъ, распоряженіе этою суммою не подвергается контролю Епархіальныхъ сѣздовъ.

Въ 1897 экономическомъ году по этой статьѣ поступило на приходъ 6924 р. 50 к. Въ расходъ было 5718 р. 98 к.

6. *Дополнительныя свѣдѣнія.*

а) Въ отчетномъ году исполнялось 30-ти лѣтіе Училища со времени преобразования его изъ училища дѣвицъ духовнаго званія въ Епархіальное Женское Училище (1868—1898). Согласно постановленію Совѣта, отъ 13 января 1898 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, празднество по этому случаю торжественно совершилось 25-го января въ слѣдующемъ порядкѣ. Наканунѣ праздника, послѣ всенощнаго бдѣнія, совершеннаго въ новомъ училищномъ храмѣ, торжественно была совершена Предсѣдателемъ Совѣта Училища, прот. Т. Буткевичемъ въ сослуженіи о. Инспектора классовъ и членовъ Совѣта отъ духовенства, панихида по почившимъ Архіепископамъ—Иннокентію, Филаретѣ, Магарію, Нектарію и Саввѣ и всѣмъ служившимъ въ Училищѣ и потрудившимся на пользу его. Въ Воскресенье же, 25 января, торжество началось Богослуженіемъ въ Училищномъ храмѣ, которое совершалъ Преосвященный Петръ, Епископъ Сумской, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Пѣлъ хоръ изъ воспитанницъ старшихъ классовъ. Торжественное Архіерейское Богослуженіе, стройное пѣніе воспитанницъ, благолѣпіе прекраснаго училищнаго храма, производило самое пріятное впечатлѣніе на молящихся. Послѣ Богослуженія прибывшіе на торжество собрались въ актовомъ залѣ Училища. Здѣсь былъ: Высокопреосвященный Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, Преосвященный Петръ, Епископъ Сумской, Управляющій губерніей графъ Мусинъ-Пушкнъ, Попечитель Учебнаго Округа, И. П. Хрущовъ, Предсѣдатель Харьковскаго окружнаго суда тайн. сов. В. В. Ненарочкинъ, Городской

¹⁾ Французскому языку въ отчетномъ году обучалось 162 воспитанницы; въ томъ числѣ 67 бесплатно; игрѣ на фортепiano обучалось 234 воспитанницы въ томъ числѣ 36 бесплатно; игрѣ на скрипкѣ 40 воспитанницъ, въ томъ числѣ 35 бесплатно; рисованію обучалось 60 воспитанницъ, въ томъ числѣ 32 бесплатно. За обученіе французскому языку вносились 10 р., за обученіе музыки—30 р. и за обученіе рисованію 5 р. въ годъ съ ученицы.

голова И. Т. Голенпщевъ-Кутузовъ, Предсѣдатель училищнаго Собрѣта, Профессоръ Богословія о. Т. И. Буткевичъ, Начальница училища Е. Н. Гейцыгъ, Директоръ народныхъ училищъ, Директора и Начальницы мужскихъ и женскихъ гимназій, ученицы института благородныхъ дѣвицъ и женскихъ гимназій, ученицы училища, духовенство и много приглашенныхъ лицъ. Въ залѣ состоялся торжественный актъ, который начался иѣніемъ воспитанницами молитвы: „Царю Небесный“, а затѣмъ произнесена была рѣчь Высокопреосвященнаго Амвросія: „О значеніи искусства въ дѣлѣ воспитанія и образованія“. По окончаніи рѣчи воспитанницы Училища пропѣли нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній, а Инспекторъ классовъ Училища Прот. о. Н. Онিকেвичъ прочелъ извлеченіе изъ составленной имъ исторической записки о состояніи Училища въ періодъ времени отъ преобразования его по уставу 1868 года до настоящаго времени. По прочтеніи исторической записки воспитанницы пропѣли народный гимнъ, а потомъ всѣ гости приглашены были въ училищный залъ, гдѣ предложенъ былъ любезными хозяевами обѣдъ.

б) Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій и въ отчетномъ году относился къ Училищу съ обычною своею заботливостію и любовію. Руководи самымъ внимательнымъ образомъ всѣмъ ходомъ училищной жизни во всѣхъ даже малѣйшихъ ея частностяхъ, Владыка по прежнему неоднократно радовалъ дѣтей своими посѣщеніями Училища и участіемъ во всѣхъ торжествахъ. 21 сентября Его Высокопреосвященство въ сослуженіи Преосвященнаго Петра совершилъ освященіе вновь устроеннаго храма при Училищѣ; 4 декабря присутствовалъ на торжествѣ училищномъ въ день храмоваго праздника; 9 января снова посѣтилъ Училище; 25 января присутствовалъ на торжествѣ по случаю 30-лѣтія Училища и 7 іюня Его Высокопреосвященство, по случаю выпуска окончившихъ курсъ воспитанницъ, вмѣстѣ съ напутственнымъ своимъ благословеніемъ оставившимъ заведеніе дѣвицамъ, роздалъ имъ аттестаты, Новый Заветъ и достойнѣйшимъ наградныя книги.

Каждое посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшаго Владыки было торжественнымъ событіемъ въ жизни Училища, производившимъ неизгладимые слѣды въ сердцахъ воспитанницъ, а равно и лицъ служащихъ. Каждый разъ Милостивѣйшій Архипастыръ удостоивалъ сперва Начальницу Училища своими посѣщеніями въ ея квар-

тирѣ и затѣмъ уже слѣдовалъ въ училищный актовъ залъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ воспитанницы ожидали получить благословеніе отъ Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря—Отца. При этомъ воспитанницы съ искреннею дѣтскою радостью и полнымъ усердіемъ исполняли по указанію Его Высокопреосвященства различныя церковныя пѣснопѣнія и удостоивались слышать Архипастырское одобреніе за прекрасное стройное пѣніе. Осчастлививаемыя милостивымъ вниманіемъ со стороны Высокопреосвященнѣйшаго своего Отца—Архипастыря воспитанницы пѣзъявляли свои искренніе порывы чувства благодарности и преданности громогласнымъ пѣніемъ „Исъ полла эта, деспота“.

Преосвященный Петръ, Епископъ Сумской, Викарій Харьковской Епархіи, посѣтилъ Училище 21 сентября въ день освященія церкви, 4 декабря, въ день храмоваго праздника, 25 января въ день празднованія 30-лѣтія Училища и 7 іюня въ день годишнаго акта, въ каковыя дни совершалъ литургію въ училищной церкви, а 11 мая, по порученіи Его Высокопреосвященства, произвелъ экзаменъ воспитанницамъ VI параллельнаго класса по Закону Божію, а VI нормальнаго—по гражданской исторіи.

Посѣщали Училище и другія высокопоставленныя лица: Начальникъ Харьковской Губерніи, Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа, профессоръ университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Оболенскій и другіе.

в) Ревизіи со стороны членовъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ Училище въ отчетномъ году не подвергалось.

г) Пожертвованія на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ:

аа) Нѣкоторые монастыри и церкви Епархіи по прежнему взносили деньги на содержаніе въ Училищѣ воспитанницъ сиротъ, именно: Святогорскій монастырь взнесъ на это въ отчетномъ учебномъ году 500 р., Ахтырскій Троицкій 200 р., Ряснянскій Димитріевскій 225 р., Стрѣльченскій—Николаевскій дѣвичій 200 р., Старобѣльскій Скорбященскій дѣвичій 100 р. и Харьковская Кладбищенская Іоанно-Усѣкновенская церковь 300 р.

бб) Другими монастырями и церквами Епархіи на нужды Училища пожертвовано 53 р. 50 к.

вв) Духовенствомъ епархіи и церквами Харьковскаго Училищнаго округа на постройку въ Училищѣ новаго корпуса пожертвовано 17,666 р. 13 к.

гг) На тотъ же предметъ пожертвовано: попечительницею Училища, Д. Д. Оболенскою 100 р., воспитанницами VI параллельнаго класса на запрестольный крестъ 35 р., воспитанницами VI нормальнаго класса 26 р. 50 к. на коверъ предъ престоломъ, воспитательницами, учительницами рукодѣлія и другими служащими въ Училищѣ 47 р., членомъ Совѣта священникомъ Н. Любарскимъ 75 р., протоіереемъ Николаемъ Шокотовымъ 100 р., подрядчикомъ Ѳ. Ѳ. Цыцарянымъ 70 р., священникомъ Владиміромъ Ястремскимъ 10 р., вынута изъ кружки пожертвованныхъ воспитанницами Училища 6 р. 19 к.

дд) На пожертвованную сумму Его Высокопреосвященствомъ приобрѣтены въ Училище церковные колокола.

ее) Почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части Николаемъ Осиповичемъ Лещинскимъ пожертвовано на нужды училища 1000 р.

жж) Отъ почетной попечительницы Д. Д. Оболенской пожертвованъ большой рельефный глобусъ. Ею-же пожертвована 1 скрипка и 25 экземпляровъ нотъ въ роскошныхъ переплетахъ въ награду воспитанницамъ, оказавшимъ отличные успѣхи по музыкѣ и 7¹/₂ пудовъ конфетъ для раздачи воспитанницамъ, оставшимся въ Училищѣ во время пасхальныхъ праздниковъ.

и) Отъ предсѣдателя Совѣта прот. Т. И. Буткевича пожертвована икона св. Тимофея и св. Антонины.

ii) Отъ члена Совѣта свящ. Н. Любарскаго икона св. Николая и паникадило.

кк) Отъ члена Совѣта свящ. П. Тимофеева икона св. Амвросія Медиоланскаго и семисвѣщникъ.

лл) Отъ священника села Большой Даннловки Андрея Клементьева икона св. Андрея Критскаго и св. Анны.

мм) Отъ подрядчиковъ—Цыцаряна и Хлыстова 2 паникадила, столяра Училища Мих. Клемина—2 бронзовыхъ подсвѣчника въ 54 руб. и большой шелковый платокъ.

нн) Отъ NN пожертвовано 20 р. бѣднѣйшей сиротѣ изъ окончившихъ курсъ.

оо) Отъ бывшей воспитанницы Училища Валентины Домбровской, рожд. Лашкаревой, пожертвованы для училищной географической коллекціи образцы каменной соли—производства копей г. Бахмута.

рр) Членами Совѣта, и преподавателями Училища въ увеселеніе воспитанницъ во время Рождественскихъ праздниковъ пожертвовано—75 руб.

Такимъ образомъ въ теченіе отчетнаго года на разныя нужды Училища, не считая пожертвованій вещами, денежныхъ пожертвованій поступило 20938 р. 32 к.

Епархіальныя извѣщенія.

По распоряженію Его Высокопреосвященства, съѣздъ епархіальнаго духовенства назначенъ на 18 августа сего года.

— Благочинный 4-го округа Старобѣльскаго уѣзда, протоіерей Григорій *Максимовъ*, согласно прошенію, уволенъ отъ должности благочиннаго, и на сію должность назначенъ помощникъ благочиннаго, священникъ м. Стрѣльцовки, Павелъ *Лисенко*.

— Священники церквей: Успенской, сл. Артемьевки, Волчанскаго уѣзда, Николай *Астремскій* и Митрофаніевской, сл. Отрадной, того же уѣзда, Василій *Роговскій*, награждены скуфьюю.

— Діаконъ Троицкой церкви с. Кривой Луки, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Буткевичъ* рукоположенъ въ санъ священника Митрофаніевской церкви села Полянаго, Ахтырскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Василій *Зубаревъ*, рукоположенъ въ санъ священника Аппо-Зачатіевской церкви с. Ильмовъ, Сумскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Александръ *Федоровъ*, рукоположенъ въ санъ священника Благовѣщенской церкви сл. Тростянца, Ахтырскаго уѣзда.

— Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи, Иванъ *Иваничій*, рукоположенъ въ санъ священника Архангело-Миханловской церкви с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда.

— Діаконъ Казанской церкви, с. Деревокъ, Ахтырскаго уѣзда, Феодоръ *Бутковскій*, перемѣщенъ, согласно прошенію, діакonomъ же Троицкой церкви с. Котельвы, того же уѣзда.

— Діаконъ Преображенской церкви, сл. Половинкиной, Старобѣльскаго уѣзда, Константинъ *Бутковъ* перемѣщенъ на діаконское мѣсто при церкви сл. Танюшевки, того же уѣзда.

— Бывшій діаконъ Троицкой церкви с. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Александръ *Краснокутскій*, опредѣленъ исправляющимъ должность діакона Казанской церкви с. Деревокъ, того же уѣзда.

— Псаломщики церковей: Тихоновской, сл. Титаровки, Старобѣльскаго уѣзда, Аркадій *Константиновъ* и Николаевской, Деркульскаго конскаго завода, того же уѣзда, Александръ *Власовъ*, перемѣщены одинъ на мѣсто другаго.

— Псаломщикъ Покровской церкви сл. Покровскаго, Ахтырскаго уѣзда, Моусей *Красноползскій*, посвященъ въ стихарь.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Васильевской церкви с. Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда, крест. Василій *Савченко*; Архангело-Михайловской церкви с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, крест. Петръ *Берестокъ*; Николаевской церкви сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, крест. Иванъ *Бълецкій*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Церковно-приходскія попечительства.—Кирилло-Меодіевское братство въ Оренбургской епархіи.—Эмеритальныя кассы для учителей церковно-приходскихъ школь.—Просвѣдительная дѣятельность второ-классныхъ церковно-приходскихъ школь.—Средства къ сохраненію добраго вліянія церковно-приходскихъ школь на бывшихъ питомцевъ.—Общее говѣніе учащихъ.—Количество церковно-приходскихъ школь.

Мысль о необходимости внести нѣсколько большее оживленіе въ обычное теченіе церковно-приходскихъ дѣлъ чрезъ привлеченіе прихожанъ къ болѣе дѣятельному участию въ церковно-приходскихъ попечительствахъ, какъ видно изъ епархіальныхъ періодическихъ изданій, больше и больше распространяется. При этомъ, въ интересахъ благоустройства названныхъ учрежденій, на основаніи опыта указывается на желательность нѣкоторыхъ пзмѣненій въ ихъ организаціи, а также перемѣнъ въ обычномъ ходѣ дѣлъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. По мнѣнію многихъ благочинныхъ Подольской епархіи, для возрожденія приходской жизни необходимо, чтобы въ составѣ попечительства были люди, приверженные къ церкви и вліятельные въ приходѣ. Недостаточно для дѣла, какъ говорится въ «Под. Еп. Вѣд.», что волостной старшина есть членъ всѣхъ попечительствъ его волости: сель у него бываетъ нѣсколько, и онъ не можетъ должнымъ образомъ радѣть о пользахъ каждаго изъ нихъ. Нужно, чтобы въ составѣ попечительствъ былъ и сельскій староста, отъ котораго многое въ селѣ зависятъ и безъ вѣдома котораго ничего важнаго въ приходѣ не можетъ быть предпринято, а онъ между тѣмъ не состоитъ непремѣннымъ членомъ попечительства. Необходимо настойчивѣе привлекать въ попечи-

тельства и всѣхъ лучшихъ по своему настроенію людей въ приходѣ: «чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше, тѣмъ полнѣе будетъ приходъ жить церковно-религіозною жизнью, тѣмъ ближе можетъ быть достигнутъ идеаль древне-приходской общины, считавшей религіозные интересы первою и главнѣйшею своею обязанностью».

— Оренбургская епархія обогатилась новымъ религіозно-просвѣтительнымъ и благотворительнымъ учрежденіемъ: въ слободѣ Куртамышѣ, Челябинскаго уѣзда, открыто Братство имени св. Просвѣтителей славянъ Кирилла и Меѳодія. Кирилло-Меѳодіевское братство, стремящееся по своимъ задачамъ возстановить древнюю форму южно-русскихъ братствъ, имѣвшихъ столь большое значеніе въ нашей древней церковной исторіи и вообще въ жизни старыхъ „приходовъ“, подобно большинству учрежденій этого рода ставитъ, по словамъ «Оренб. Еп. Вѣд.», своею цѣлю заботу о благоукрашеніи и благолѣпін приходскаго храма, попеченіе о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа (для чего братство, между прочимъ, устраиваетъ чтенія со свѣтовыми картинами), благотвореніе немущимъ и бѣднымъ, а также общую соединенную борьбу съ отрицательными сторонами современной сельской жизни. Братство имѣетъ свой уставъ, взятый съ небольшими измѣненіями изъ устава подобнаго же сельскаго Братства въ селѣ Озерскомъ Черемышльскаго уѣзда, Калужской епархіи. Починъ въ учрежденіи Братства и осуществленіе его принадлежитъ всецѣло молодому мѣстному свящ. о. Чернавскому, который, предварительно заручившись согласіемъ жителей на открытіе братства въ Куртамышѣ, возбудилъ предъ Епархіальною властію дѣло объ учрежденіи его въ октябрѣ 1897 года. Въ день открытія Братства священникомъ о. Чернавскимъ приглашены были болѣе вліятельные и состоятельные представители мѣстнаго общества, на сочувствіе которыхъ можно было положиться; затѣмъ, послѣ совершенія молебнаго пѣнія покровителямъ Братства св. Кириллу и Меѳодію заслушанъ былъ уставъ Братства, потребовавшій въ нѣкоторыхъ пунктахъ объясненія со стороны священника. На предложеніе священника записаться въ число членовъ Братства присутствовавшіе изъявили полное согласіе, послѣ чего Братство объявлено было открытымъ. Тогда же на подписномъ листѣ записалось въ число почетныхъ членовъ 32 человекъ, съ платою по 10 р. въ годъ, и въ число дѣйствительныхъ—38 человекъ, съ платою не менѣе 3 руб., а всего собрано членскихъ взносовъ на сумму

436 руб. Крімъ того, ожидается новыхъ поступленій до 150 руб. Вообще учрежденіе Братства въ слоб. Куртамышѣ встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ мѣстнымъ обществомъ, которое охотно откликнулось на призывъ священника.

— Вопросъ объ улучшеніи положенія учителей церковныхъ школъ не новый и объ немъ неоднократно заходила рѣчь на епархіальныхъ сѣздахъ. Между прочимъ, этотъ вопросъ обсуждался на сѣздѣ наблюдателей въ Каменецъ-Подольскѣ, Подольской епархіи, какъ сообщаютъ объ этомъ «Подол. Еп. Вѣд.» На этомъ сѣздѣ былъ доложенъ проектъ, чтобы церковно-школьныхъ учителей и учительницъ сдѣлать участниками существующей въ Подольской епархіи взаимно-вспомогательной кассы духовенства, приравнявъ ихъ по правамъ и взносамъ къ псаломщикамъ. Не сочувствуя этому проекту, наблюдатели школъ пришли къ тому заключенію, что принять учителей въ члены взаимно-вспомогательной кассы рискованно для духовенства, такъ какъ весьма затруднительно будетъ слѣдить за тѣмъ, почему тотъ или другой учитель оставилъ мѣсто, особенно, если предположить, что вѣдь возможны и случаи хитрости и злоупотребленія. Послѣ всесторонняго разсмотрѣнія этого вопроса, сѣздъ нашелъ возможнымъ организовать кассу на совершенно иныхъ началахъ, нежели на каквхъ существуетъ касса епархіальнаго духовенства, а именно: учительская касса должна быть эмеритальной, т. е. выдавать денежные пособія не въ несчастныхъ только случаяхъ, а по выслугѣ извѣстнаго числа лѣтъ, и притомъ не въ размѣрѣ 12—24 р. въ годъ, какъ это выдается взаимно-вспомогательной кассой епархіальнаго духовенства, а въ размѣрѣ не менѣе 100 р. или даже болѣе, такъ чтобы на это пособіе можно было дѣйствительно существовать учителямъ и учительницамъ, потерявшимъ силы и здоровье на школьномъ поприщѣ. Но такъ какъ организація и устройство подобной кассы является дѣломъ новымъ и требуетъ сложной предварительной работы, равно какъ и добровольнаго согласія учителей на участіе въ этой кассѣ, то рѣшено пока заняться каждому уѣздному наблюдателю собраніемъ необходимаго матеріала и окончательное рѣшеніе вопроса объ учительской кассѣ отложить до слѣдующаго сѣзда. Крімъ того, предположено собрать точныя свѣдѣнія, сколько учителей изъявятъ согласіе на участіе въ предполагаемой кассѣ, отчисленіе какаго % отъ жалованья въ фондъ кассы будетъ необременительнымъ, не могутъ ли быть изысканы

для образованія и пополненія основнаго фонда кассы другіе источники, кромѣ жалованья, какой предѣльный срокъ службы желаютъ установить сами учителя и какой размѣръ минимальной и максимальной ежегодной пенсіи.—Нельзя не пожелать, чтобы это начинаніе нашло себѣ подражаніе и въ другихъ епархіяхъ. Осуществленіе этого проекта не такъ трудно, какъ кажется на первый взглядъ. Ежегодно почти во всѣхъ епархіяхъ устраиваются педагогическіе курсы, проѣздъ на нихъ для учителей бесплатный. Стоитъ только на нѣсколько дней придать курсамъ характеръ учительскаго съѣзда, предоставивъ имъ право активно участвовать въ обсужденіи этого вопроса, и тогда останется одинъ только шагъ къ осуществленію его на практикѣ.

— Какое имѣетъ значеніе для населенія второклассная церковно-приходская школа—это можно видѣть изъ слѣдующаго сообщенія «Астрах. Еп. Вѣд.» о дѣятельности второклассной церковно-приходской школы въ Капустинномъ-Яру, Царевского уѣзда. Открытая съ настоящаго учебнаго года, эта школа уже замѣтно обнаруживаетъ свою просвѣтительную дѣятельность въ этой слободѣ. При школѣ ведутся народныя чтенія съ отдѣлами: духовно-нравственнымъ, историческимъ и литературнымъ, съ показаніемъ туманныхъ картинъ; чтенія сопровождаются пѣніемъ учащихся подъ управленіемъ учителя школы. Чтенія привлекаютъ массу слушателей „отъ мала до велика“. Они, видимо, пришлись по душѣ мужикамъ, сближаютъ школу съ населеніемъ. Показателемъ сочувственнаго отношенія мѣстныхъ крестьянъ къ школѣ служатъ слѣдующій отрадный фактъ: сельское общество, по инициативѣ участковаго земскаго начальника ассигновало 50 руб. на бібліотеку при второклассной школѣ; церковно-приходское попечительство съ своей стороны пришло съ пособіемъ на то-же дѣло въ размѣрѣ 50 руб. Такимъ образомъ составила почтенная для школьной бібліотеки сумма въ 100 руб., на которую можно приобрести на первый разъ достаточное число книгъ, пособій и изданій. Совѣтомъ школы составленъ обстоятельный списокъ книгъ и изданій изъ одобренныхъ и рекомендованныхъ по духовному вѣдомству для бібліотекъ церковно-приходскихъ школъ—подлежащихъ выпискѣ. Списокъ довольно разнообразный и по отдѣламъ, и по содержанію: есть книги духовно-нравственныя, педагогическія, историческія, по географіи, литературѣ, изъ отдѣла полезныхъ знаній. Такимъ образомъ второклассная школа, видимо, сближается

съ населеніемъ, сростается нравственно; въ ея жизни замѣтно здоровое теченіе, въ ея дѣятельности живыя силы, одушевленіе, стремленія. Нельзя не пожелать полнѣйшаго успѣха дѣятелямъ школы, учащимся и всѣмъ близко стоящимъ къ ея интересамъ.

— Какъ сохранить доброе вліяніе на питомцевъ церковно-приходской школы по окончаніи ими курса и какъ расширить ея просвѣтительное значеніе—по этимъ вопросамъ даются слѣдующія разъясненія въ «Могил. Еп. Вѣд.»—Церковно-приходская школа ставитъ себѣ главною задачею передать дѣтямъ, вмѣстѣ съ грамотою и возможными знаніями, развитіе въ духѣ православной Церкви, чтобы они были впоследствии хорошіе христіане, хорошіе граждане, преданные своему Государю, какъ истинному Отцу отечества, хорошіе члены семьи и общества. Ученьемъ, рывая всякое общеніе со школою и выходя изъ-подъ вліянія окружающей его тамъ обстановки, остается лицомъ къ лицу съ тѣмъ же невѣжествомъ, съ той-же загроубѣлостью, съ тѣми-же предразсудками и суевѣріями, въ которыхъ пребывалъ раньше. Нельзя, конечно, отрицать этого вліянія и во время нахождения въ школѣ, но тогда оно могло парализоваться личностью учителя и его толковыми и разумными объясненіями. Велика задача начальной школы, велики въ ней и труды. Поэтому учитель, если онъ—человѣкъ честный, душой преданный своему святому дѣлу, не долженъ бросать этихъ бывшихъ своихъ питомцевъ на произволь судьбы. Еще до выхода изъ школы дѣтей, ему слѣдуетъ внушить имъ, что они не должны совершенно удалиться отъ школы и заканчивать свое образованіе полученіемъ свидѣтельства. Но, конечно, однихъ убѣжденій мало, нужно и здѣсь приложить руки, тѣмъ болѣе, что народъ нашъ вполне ясно себѣ еще не представляетъ значенія школы. Такъ напр., устройствомъ хора при школѣ учитель успѣшно можетъ воспользоваться для привлеченія къ ней учениковъ и по окончаніи курса: они будутъ ходить въ ту же школу на спѣвки, находиться подъ тѣмъ же хорошимъ вліяніемъ учителя, будутъ аккуратно посѣщать храмъ Божій, и наконецъ, будутъ развивать у себя музыкальный вкусъ, такъ что пѣніе какихъ нибудь безнравственныхъ, уличныхъ пѣсенъ и на умъ не придетъ. При этомъ, если бывшіе питомцы будутъ выходить изъ возраста дѣтскихъ голосовъ, то ихъ нужно переводить въ мужскія партіи, это же обстоятельство опять дѣйствуетъ на нихъ притягательно къ хору, и слѣдовательно—къ школѣ, къ храму. Дѣтямъ,

да и вообще крестьянамъ очень нравится принимать участіе при богослуженіи. Это обстоятельство тоже представляетъ возможность учителю продолжать доброе воздѣйствіе на дѣтей;—пусть все, что приходится читать на клиросѣ при церковныхъ службахъ, исполняютъ ученики, если много желающихъ, то—по очереди, вещи болѣе трудныя, какъ то: апостолъ, канонъ, веденіе устава, давать болѣе взрослымъ и пр. Кромѣ того можно заставлятъ мальчиковъ прислуживать въ алтарѣ. Нѣкоторыхъ учениковъ изъ окончившихъ курсъ, болѣе или менѣе свободныхъ отъ домашнихъ хозяйственныхъ работъ, учитель можетъ привлечь къ непосредственному посѣщенію школы заставляя ихъ помогать себѣ въ занятіяхъ; такіе мальчики могутъ свободно слѣдить за самостоятельными работами школьниковъ и даже легкіе уроки вести вмѣсто учителя. При этомъ болѣе способныхъ изъ нихъ учитель выдѣляетъ и обращаетъ сильнѣйшее вниманіе на ихъ педагогическія занятія—даетъ методики, заставляетъ готовиться къ серьезнымъ урокамъ и проводить подъ своимъ наблюденіемъ занятія, такъ что такіе мальчики, попрактиковавшись извѣстное время, могутъ быть хорошими учителями для школъ грамоты. Крестьянская же масса, видя такую реальную пользу школы, несомнѣнно будетъ относиться къ ней болѣе сочувственно и довѣрчиво, а учитель въ ея глазахъ приобрѣтетъ большій авторитетъ и расположеніе.—Въ женскихъ и смѣшанныхъ школахъ для дѣвочекъ крайне полезно вводить занятія рукодѣліемъ, но при этомъ нужно имѣть въ виду, что, во время нахождения ихъ въ школѣ, можно ограничиться небольшимъ запросомъ дѣла, напр. вязаніемъ чулокъ, кружевъ, вышиваніемъ по канвѣ, такъ какъ и безъ того достаточно учебно-школьныхъ занятій. По окончаніи же курса дѣвочками, можно продолжать занятіе этимъ дѣломъ, выучить ихъ вышиванію гладью, шитью, а болѣе способныхъ—кройкѣ. При той помощи, какую могутъ учительницѣ оказать въ школѣ ученики или ученицы—практиканты, вполне возможно вести и рукодѣльные занятія. Кромѣ того для этой цѣли можно удѣлять вечернее время. При этомъ нужно замѣтить, что, кромѣ даваемой практической пользы, подобныя вечернія занятія крайне благотворно вліяютъ на дѣвочекъ въ томъ отношеніи, что отвлекаютъ ихъ отъ зла деревенской жпзни—посидѣлокъ.—Наша деревня страдаетъ отсутствіемъ осмысленныхъ и нравственныхъ удовольствій для дѣтей. Школа, какъ рассадница всего добраго, должна и въ этомъ слу-

чаѣ придти на помощь народу. Въ праздничные дни при школѣ цѣлесообразно устраивать вокально-литературные вечера, для которыхъ удобно разучать съ хоромъ церковные концерты и другія пѣснопѣнія, отличающіяся своею музыкальною красотой. Смотря по времени, можно исполнять и пѣсы свѣтскаго содержанія болѣе серьезные, а также и пѣсни. Пусть на этихъ вечерахъ читаются стихотворенія наизусть, разыгрываются басни и т. п. И наконецъ, имѣютъ большое воспитательное значеніе прогулки учителя съ дѣтьми весною въ лѣсъ, въ поле; при чемъ собраніе дѣтей не нужно ограничивать школьниками и окончившими курсъ учениками, а полезно привлекать и совсѣмъ неучащихся. Но непременно нужно слѣдить, при устройствѣ подобныхъ праздниковъ, чтобы они носили характеръ строгой благовоспитанности, иначе крестьяне на нихъ будутъ смотрѣть недовѣрчиво. Самое могущественное и вѣрное средство въ рукахъ у учителя къ тому, чтобы знанія и вѣтки, даваемые школою, не забывались и затраты труда не терялись, а вознаграждались, это—школьная библіотека. Учитель долженъ, еще во время пребыванія дѣтей въ школѣ, вселить въ нихъ распоряженіе къ книжкѣ, а потомъ руководить выборомъ, преслѣдуя двѣ задачи: религіозно-нравственное развитіе и обогащеніе знаніями практическаго свойства въ сельскомъ быту и окружающемъ мірѣ. Самое удобное правило при этомъ—назначить выдачу книгъ два раза въ недѣлю въ вечернее время для того, чтобы имѣть возможность побесѣдовать по поводу прочитаннаго, вызвать учениковъ на самостоятельныя заключенія о прочитанномъ, если понято неправильно, разъяснить. Конечно въ подобныхъ бесѣдахъ можетъ быть возбуждено много и постороннихъ вопросовъ, но обязанность учителя въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, чтобы поставить болѣе существенные, болѣе важные и требующіе правильнаго вниманія вопросы, напр. нравственнаго и общественнаго характера и потомъ общими силами и сознательно разрѣшить ихъ. При помощи библіотеки школа можетъ расширить свою просвѣтительную дѣятельность и на всю массу крестьянскаго населенія. При умѣломъ составѣ книгъ для народа и при умѣньи учителя руководить чтеніемъ, библіотека должна явиться нравственною силою, могуче вліяющею на духовную и экономическую сторону жизни крестьянъ. Библіотека-читальня (обязательно на первое время бесплатная) можетъ сослужить незамѣнимую услугу дѣлу. Для устройства и уюродоченія народныхъ библіотекъ Училищ-

нымъ при Св. Синодѣ Совѣтомъ выработанъ списокъ книгъ, который можетъ облегчить задачу—что выписывать для библіотеки и что читать. Крімъ того люди, близко стоящіе къ народу, знаютъ его духовныя нужды и потому сами могутъ сдѣлать болѣе или менѣе правильный и подходящий выборъ книгъ, тѣмъ болѣе что лубочныя изданія въ настоящее время вытѣсняются и свободно вездѣ можно найти хорошую книгу. Такъ какъ нельзя сказать, что требованіе чтенія нашихъ крестьянъ было бы слишкомъ велико и читающихъ много и такъ какъ крестьяне бываютъ свободны отъ работъ большею частію въ праздники и воскресные дни, а въ это время и школьное помѣщеніе пустоуетъ, то очень удобно будетъ воспользоваться имъ для читальни, тѣмъ болѣе, что и учитель въ эти дни свободенъ отъ занятій и съ большимъ вниманіемъ отнесется къ самообразованію сельскихъ грамотѣевъ. Народная библіотека-читальня можетъ удовлетворять духовныя потребности только у людей грамотныхъ, большинство же деревенскаго населенія, въ особенности пожилые люди и женщины, неграмотны, слѣдовательно, этотъ способъ расширенія просвѣтительнаго вліянія не для всѣхъ пригоденъ, почему является необходимость въ другомъ способѣ воздѣйствія на массу. Этимъ способомъ могутъ быть народныя чтенія. Начало устройній народныхъ чтеній опять принадлежитъ не крестьянамъ, а сельской интеллигенціи, ядро которой представляетъ школа. Выразительное и интересное по своему содержанію чтеніе можетъ занимать слушателей, но для большаго привлеченія публики очень удобно иллюстрировать прочитанное показываніемъ туманныхъ картинъ при помощи фонаря. Это дѣлаетъ рассказъ понятнѣе, интереснѣе и глубже запечатлѣваетъ въ памяти. Обыкновенно крестьяне сначала смотрятъ съ недоумѣніемъ на чтенія, считаютъ ихъ забавою праздныхъ людей, поэтому необходимо съ самого начала придать дѣлу, какъ можно болѣе, серьезный и важный характеръ. А потому инициаторомъ этого дѣла удобнѣе быть всего священнику; чтеніе открыть молебствіемъ и т. д. Если помѣщеніе не велико, то дѣтей лучше всего не пускать на эти чтенія, потому что они интересуются больше картинами, а во время чтенія производятъ шумъ, мѣшая слушать взрослымъ. Удобнѣе дѣтямъ показывать картины и побесѣдовать по поводу ихъ раньше въ будній день—отдѣльно отъ взрослыхъ. Особенно важно привлекать на чтенія женщинъ: на нихъ лежитъ все домашнее воспитаніе дѣтей. Полезно назначать отдѣльныя, спеціально жен-

скія чтенія съ подборомъ извѣстнаго рода статей. Каждому учителю и учительницѣ, какъ жителямъ деревни, въ особенности тамъ, гдѣ школа существуетъ непродолжительное время, вѣроятно приходилось не разъ слышать сѣтованіе молодыхъ и пожилыхъ крестьянъ на то, что они не умѣютъ читать и писать, тѣмъ болѣе, что въ современной жизни грамотность представляетъ громадное практическое значеніе. Изъ взрослыхъ крестьянъ много найдется въ каждомъ селѣ желающихъ научиться грамотѣ хотя бы на столько, чтобы разбирать книжную печать и рукопись, а также обогатить себя арифметическими познаніями примѣнительно къ жизненной практикѣ. Опять единственная въ этомъ случаѣ надежда на учителя. Учитель для такихъ учениковъ можетъ устроить вечернія занятія. Удобнѣйшее время для этого—зима, а лѣтомъ—праздники. Въ продолженіе длинныхъ зимнихъ вечеровъ можно многому полезному научить и взрослыхъ людей, занятія съ которыми несомнѣнно будутъ идти быстрѣе, чѣмъ съ дѣтьми, хотя занятія эти должны вестись въ томъ же порядкѣ, какъ и въ школѣ. При этомъ хорошо бы на вечернихъ урокахъ заниматься и съ учениками, окончившими курсъ, чтобы отчасти укрѣпить, отчасти же развить далѣе научно-школьные предметы. Но при этомъ должно быть принято во вниманіе, что въ деревнѣ обыкновенно одинъ учитель и у него мало отдыха, а потому нельзя предъявлять ему большихъ требованій къ вечернимъ занятіямъ, вполне достаточно будетъ, если постутившіе неграмотные крестьяне научатся читать, писать и пройдутъ сокращенный курсъ закона Божія.

— По постановленію комиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ, сообщено гг. учащимъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ, что, въ виду выраженнаго въ ея средѣ желанія о возможно большемъ распространеніи въ начальныхъ городскихъ училищахъ общаго говѣнія учащихся, по примѣрамъ предшествующаго года, предоставляется тѣмъ гг. учащимъ, которые введутъ общее говѣніе въ ихъ училищахъ, прекращать для сего, съ вѣдома гг. попечителей, классныя занятія въ пятницу и субботу на одной изъ недѣль Великаго поста. По окончаніи Великаго поста, учащіе, введшіе общія говѣнія, приглашаются сообщить комиссіи о томъ порядкѣ, въ какомъ говѣніе учащихся было ими исполнено. Между прочимъ, общее говѣніе введено въ 12-классномъ городскомъ училищѣ, состоящемъ въ вѣдѣніи предсѣдателя комиссіи: здѣсь на первой и четвертой недѣляхъ говѣютъ до 1,000 уча-

щихся, и въ церкви Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, гдѣ на второй и третьей недѣляхъ говѣютъ свыше тысячи учащихся XII школьнаго участка и многоклассныхъ училищъ I нарвскаго мужскаго и I коломенскаго смѣшаннаго.

«С.-Пет. Дух. Вѣстн.».

— По свѣдѣніямъ, недавно опубликованнымъ Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, всѣхъ церковныхъ школъ въ Имперіи (включая сюда Кавказъ и Сибирь) къ 1 января 1898 года числилось 38,456, изъ нихъ: церковно-учительскихъ и второклассныхъ 239; двухклассныхъ—236; одноклассныхъ 16,274; образцовыхъ при семинаріяхъ и епархіальныхъ училищахъ—107; школъ грамоты—21,600. Въ 35 епархіяхъ, съ земскими учрежденіями, къ 1 января 1898 г. церковныхъ школъ состояло 22,535, изъ нихъ: церковно-учительскихъ и второклассныхъ—165; двухклассныхъ—145; одноклассныхъ—10,290; образцовыхъ при семинаріяхъ и епархіальныхъ женскихъ училищахъ—69; школъ грамоты—11,867. Въ 27 епархіяхъ, безъ земскихъ учрежденій, къ тому же 1 января 1898 г. церковныхъ школъ числилось 16,921; изъ нихъ: церковно-учительскихъ и второклассныхъ—75; двухклассныхъ—92, одноклассныхъ—5,984, образцовыхъ—38, школъ грамоты—9,733. Общее число учащихся въ церковныхъ школахъ на 1 января 1898 года во всей Имперіи состояло—1,337,501, изъ нихъ мальчиковъ 1,58,072, а дѣвочекъ—279,429. Въ отдѣльности, въ епархіяхъ съ земскими учрежденіями числилось всѣхъ учащихся 821,687 (638,361 м., 183,326 д.); въ епархіяхъ же безъ земскихъ учрежденій—515,814 (419,711 м. и 91,103 дѣв.). Что касается до церковныхъ школъ на Кавказѣ и Сибири, то число ихъ крайне незначительно, въ сравненіи съ числомъ школъ въ Европейской Россіи. Такъ, на Кавказѣ всѣхъ церковныхъ школъ состоитъ—1338, въ томъ числѣ одноклассныхъ—728 и школъ грамоты—585, другихъ—25. Въ Сибири, включая сюда Забайкальскую и Якутскую области, всѣхъ школъ состоитъ 1,993, изъ нихъ одноклассныхъ 769 и школъ грамоты—1,197. Въ соотвѣтствіи съ числомъ школъ и количество учащихся значительно менѣе числа учениковъ церковныхъ школъ центральной Россіи, а именно—на Кавказѣ—50,717 (37,964 м. и 12,753 д.) и въ Сибири—49,357 (38,222 м. и 11,135 дѣвочекъ).

Продается недорого почти новый одноярусный иконостасъ

(отъ упраздненнаго придѣла) въ Покровской церкви
г. Чугуева, Харьковской губ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

ТАЛМУДЪ. МИШНА И ТОСЕФТА.

Критическій переводъ Н. Переферковича. Томъ первый (книга
1 и 2). С.-Петербургъ. Изданіе П. П. Сойкина. 1899 г.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Объ изданіи миссіонерскаго журнала „ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛА- ГОВѢСТНИКЪ“ въ 1899 г. (Седьмой годъ изданія).

Изданіе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“ будетъ продолжаться и въ 1899 году. „Православный Благовѣстникъ“, какъ органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, по прежнему будетъ имѣть свою цѣлю—съ одной стороны выясненіе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой—возможно-полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), и тѣхъ условій, среди которыхъ она совершается въ настоящее время. Сообщеніе этихъ, имѣющихъ столь важное церковно-государственное значеніе, свѣдѣній и будетъ составлять главное и существенное содержаніе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“. Въ настоящемъ году Редакція предполагаетъ, между прочимъ, обратить особенное вниманіе на изложеніе и опроверженіе магометанства. Программа журнала слѣдующая: I. Отдѣлъ официальный. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества. II. Руководящія статьи по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи. III. Современное положеніе отечественныхъ миссій. IV. Очерки и разсказы изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ. V. Миссіонерская дѣятельность на западѣ. Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссияхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ. VI. Извѣстія и замѣтки: браткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствуемая изъ газетъ, писемъ и пр. VII. Библіографія. Отзвны о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству. VIII. Извѣстія о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій. IX. Объявленія. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяць (15 и 30) книжками, въ объемѣ не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ. Цѣна изданія четыре рубля 50 коп. безъ пересылки и пять рублей съ пересылкою, за границу—шесть рублей. Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Срѣтенка, домъ Спасской церкви. Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за прошедшіе годы могутъ быть высланы по четыре рубля. Редакторъ Н. Комаровъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 г. (VI г. изд.)
на ежемѣсячный научно-философскій и литературно-
критическій журналъ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Изданіе П. П. Сойкина, подъ ред. д-ра филос. М. М. Филиппова.

Вышелъ 11 марта № 3 (Мартъ). Содержаніе: I. Положительная философія и непознаваемое. Проф. Де-Греефа. II. Психологическій анализъ понятій о сознаниіи и матеріи. Проф. И. Оршанскаго. III. Нѣсколько замѣчаній о законѣ Ньютона. Гильома. IV. Физиологическія бесѣды. Рефлексъ. Проф. А. Герцена. V. Привычка и инстинктъ. Док. В. Вагнера. VI. Проблема социологіи. Георга Зиммеля. VII. Соціальныя условія римской имперіи наканунѣ нашествія варваровъ. Эрнста. VIII. Вымершія чудовища. В. Дингельштедта. IX. Аграрный вопросъ въ Англіи. Д-ра соц. наукъ В. Тотоміанца. X. Письмо Карла Маркса М. Салтыкову по поводу статьи Н. Михайловскаго. XI. Психологія Авераріуса по невзданнымъ матеріаламъ. Д-ра философіи М. Филиппова. XII. Идеализація натурального хозяйства. П. Маслова. XIII. Экономическія иллюзіи. А. Санина. XIV. Замѣтки о текущей литературѣ: негодныя средства. П. М. XV. Обзоръ журналовъ. XVI. Изъ русскихъ изданій. XVII. Научныя новости. XVIII. Библиографія. XIX. Хроника. XX. Оригинальное примѣрленіе двухъ теорій. М. Филиппова. XXI. Письмо въ редакцію. Вл. Тюриня. XXII. Приложенія: 1) Викторъ Фаусекъ. Этюды по вопросамъ біологической эволюціи. 2) Б. Львовъ. Соціальныя законы. 3) Берне. Полное собраніе сочиненій. Томъ I. Парижскія письма. Подписная цѣна: на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.) съ доставкой и перес. На 1/2 года 4 руб., на 1/4 г. 2 р. Комплекты за 1898 годъ, и. 7 р. съ пер. С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. д. № 12, Главная Контора журнала Научное Обозрѣніе. Продолжается подписка на „Научно-энциклопедическій Словарь“. Ц. съ пер. 5 р. За журналъ „Научное Обозрѣніе“ со „Словаремъ“ 10 руб. съ пер.

Безплатно высылается пробный № журнала

„ПРИРОДА И ЛЮДИ“.

С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ.

Всѣмъ высылается по требованію безплатно пробный № журнала

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“.

С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ.

Новое изданіе П. П. Сойкина

ОСНОВЫ ТРЕЗВОСТИ.

Сборъ научныхъ и литературныхъ статей, съ приложеніемъ устава обществъ трезвости, положеніемъ и формами. Сост. д-ръ Соболевскій. Цѣна 50 коп.; съ пересылкой 70 коп.

Съ требованіями обращаться къ издателю С.-Петербургъ, Стремянная, 12, соб. домъ.

Открыта подписка на 1899 годъ

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ, РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЙ, ИЛЮСТРИРОВАННЫЙ,
НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОРМЧІЙ“

(двѣнадцатый годъ изданія).

4 рубля за годъ съ пересылкою, 2 рубля 50 коп. за полгода съ пересылкою.

„Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами. Въ 1897 г. журналъ получилъ новое одобреніе Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Сергія Александровича и рекомендованъ Имъ къ выпискѣ по войскамъ Московскаго Военнаго округа. Адресъ редакціи: Москва, Ордынка, д. Бажановой, (квартира протоіерей Скорбященской церкви). „Кормчій“ предназначается для воскреснаго и праздничнаго народнаго чтенія. Въ виду этого программа изданія его носитъ характеръ общедоступности, какъ въ выборѣ статей для чтенія, такъ и въ формѣ ихъ изложенія. „Кормчій“ имѣетъ главною своею цѣлю, какъ показывать и самое названіе, путеводить православнаго христіанина, т. е. указывать ему тотъ истинно добрый путь ко спасенію, который Церковь Православную предначертала для всѣхъ чадъ ея. „Кормчій“ и въ 1899 г. будетъ издаваться примѣняясь къ событіямъ недѣля, и такимъ образомъ можетъ служить удобнымъ подспорьемъ для вѣрбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ на весь годъ, въ особенности духовенству; а для мірянъ и христіанскихъ семей благовременнымъ и полезнымъ чтеніемъ въ воскресные и праздничные дни. №№ журнала будутъ украшаться рисунками религіозно-нравственнаго содержанія съ соотвѣтствующими поясненіями въ текстѣ. Въ журналѣ „Кормчій“ по прежнему будетъ принимать участіе своими литературн. трудами

ИЗВѢСТНЫЙ Кронштадтскій пастырь отецъ Іоаннъ.

Въ 1899 г. Редакція „Кормчій“ дастъ своимъ подписчикамъ: 52 №№ религіозно-нравственнаго чтенія и обзора событій текущей жизни. 52 №№ иллюстрированнаго бесплатнаго приложенія „*Воскресныя поученія по житіямъ святыхъ*“ и еще 12 №№ иллюстрированныхъ листовъ на двенадцатые праздники. Въ ряду другихъ статей въ 1899 г. въ „Кормчѣ“ будетъ печататься „Жизнь современныхъ подвижниковъ благочестія“, „Толкованіе на Апокалипсисъ“, „Китхизическія поученія на заповѣди о блаженствахъ и на 10 заповѣдей Закона Божія“, статьи „Константинопольская древняя христіанская святыня“ и возобновится прерваннаго на время статьи „Древняя святыня Москвы и ея окрестностей“. Въ редакціи имѣются полныя экзмп. „Кормчаго“ за 1893, 94, 95, 96 и 97 гг. Цѣна 1893 г. (сброш.) 2 р. 50 к., 1894 г. (сброш.) 3 р., 1895 г. (сброш.) 3 р., 1896 г. (сброш.) 3 р., 1897 г. (сброш.) 3 р. Листки продаются и отдѣльно отъ журнала по 60 к. за 100 безъ перес. и по 80 коп. за 100 съ перес. Есть сброшюрованные листки по 40 коп. съ пересылкой. Въ январѣ выйдутъ изъ печати 12 мелкихъ брошюръ съ религіозно-нравственными разсказами, Боткиной, цѣна за брошюру 1 коп. за 100 брош. 90 к. съ перес. и 70 к. безъ перес. Наложенымъ платежомъ изданія „Кормчаго“ не высылаются. Редакція дѣлаетъ скидку 40% съ объявленной цѣны для тѣхъ, которые выписываютъ журналъ сразу за всѣ имѣющіеся въ продажѣ годы; при выпискѣ же не менѣе 10 экзмп. журнала за 1899 г., цѣна за каждый экземпляръ 3 р. 50 к. вмѣсто 4 р.

Протоіерой С. П. Ляпидевскій
Редакторы—издатели: Священники (І. Н. Бухаревъ.
В. П. Гурьевъ.)

О подпискѣ въ 1899 г. на журналъ МИССИОНЕРСКІЙ СБОРНИКЪ,
издаваемый состоящимъ подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго
Высочества Государя Великаго Князя Сергія Александровича, Братствомъ св. Василя,
епископа Рязанскаго (IX годъ изданія).

„Миссіонерскій Сборникъ“ имѣетъ своею цѣлью служить интересамъ св. Церкви
Христовой въ ея борьбѣ съ расколомъ старообрядчества, русскимъ сектанствомъ
раціоналистическаго и мистическаго направленія и магометанствомъ. Издается по
программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ и состоящей изъ 4-хъ отдѣловъ.
Отд. I: Узаконенія и распоряженія гражданской и церковной власти. Официаль-
ные отчеты.—Отд. II: Научно-литературныя статьи. Бесѣды и поученія. Неиздан-
ные памятники древности. Библиографія. Списки книгъ.—Отд. III: Извѣстія по
Рязанской епархіи.—Отд. IV: Обзоръ текущихъ событій въ иныхъ епархіяхъ.
Третій всероссійскій миссіонерскій Сѣздъ (въ г. Казани), признавая журналъ
этотъ полезнымъ пособіемъ при борьбѣ съ расколомъ и сектанствомъ, рекомендо-
валъ его для пріобрѣтенія во всѣ церковно-приходскія и благочинническія про-
тивораскольническія и противосектантскія бібліотеки. Выходитъ разъ въ два
мѣсяца, книжками не менѣе пяти печатныхъ листовъ въ каждой. Цѣна за годо-
вое изданіе 2 рубля, съ пересылкой. Адресъ: гор. Рязань, въ редакцію „Мис-
сіонерскаго Сборника“.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія газета „Русское Слово“ ДОПУЩЕНА къ
обращенію въ народныхъ читальняхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 г.

самая дешевая политическая, общественная и литературная ежедневная газета.

„РУССКОЕ СЛОВО“

издаваемая И. Д. Сытинимъ въ Москвѣ.

Безъ предварительной цензуры въ форматѣ и по программѣ большихъ газетъ,
Новая редакція газеты ставитъ своею главною задачей въ живомъ и интерес-
номъ изложеніи отражать всѣ важнѣйшія явленія внутренней и международной,
общественной и государственной жизни, давать имъ правдивое освѣщеніе и зна-
комить читателей съ выдающимися явленіями въ литературѣ и наукѣ. Въ этихъ
видахъ газета будетъ давать руководящія статьи по всѣмъ выдвигаемымъ жизнью
вопросамъ общественнымъ, государственнымъ и политическимъ, для чего редакція
въ настоящее время заручилась постояннымъ сотрудничествомъ извѣстныхъ публи-
цистовъ и литераторовъ. Газета будетъ стремиться къ тому, чтобы правдиво и
всесторонне выражать потребности и нужды всѣхъ слоевъ населенія, и съ этою
цѣлю привлекала корреспондентовъ изъ всѣхъ главныхъ пунктовъ Россіи. Боль-
шое вниманіе будетъ обращено на беллетристическій отдѣлъ, съ цѣлью дать чи-
тателямъ въ оригиналахъ и переводахъ лучшія произведенія художниковъ слова.
Будетъ отведено большое мѣсто вопросамъ общественнымъ, экономическимъ, на-
учнымъ, сельскохозяйственнымъ и вопросамъ народнаго образованія, въ широ-
комъ смыслѣ этого слова. Кроме того, „Русское Слово“ заручилось участіемъ
корреспондентовъ изъ Петербурга и главныхъ политическихъ пунктовъ Европы.
„Русское Слово“ увеличитъ и расширитъ свой торгово-промышленный отдѣлъ, для
чего редакція заручилась участіемъ торговыхъ корреспондентовъ изъ важнѣйшихъ
торгово-промышленныхъ пунктовъ. „Русское Слово“, располагая обильнымъ мате-
ріаломъ, доставляемымъ ежедневно корреспондентами по телеграфу, и благодаря
географическому положенію Москвы, даетъ читателямъ большей части Россіи всѣ
текущія новости гораздо раньше, чѣмъ петербургскія газеты. Девизъ газеты—
„безпристрастіе, терпимость и гуманность“. Въ праздничные дни газета выходитъ съ
иллюстраціями, посвященными выдающимся моментамъ русской и иностранной жиз-
ни. «Подписчики, внесшіе годовую плату, получаютъ *бесплатно 2 календаря,
настольный и отрывной* (ежедневный), специально отпечатанные для под-
писчиковъ „русскаго слова“. Иногородніе подписчики благоволятъ приложить
на пересылку 20 коп. Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ 5 р.,
на полгода 3 р. Адресъ редакціи „Русскаго Слова“: Москва, Ильинскія ворота,
домъ Титова.
Редакторъ Е. Н. Киселевъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православному христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ равностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство во времени земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевского.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очеркъ русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Ц. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкенича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православенъ-ли intercom- munion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Ляницкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, Ц. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на не полученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакція открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.